

Л. Б. БЁМЕ

**Рассказы
НАТУРАЛИСТА**

28.693.3

Б 45

Л. Б. БЁМЕ

Рассказы НАТУРАЛИСТА

ДАР
Л. С. ПОЛЕВОГО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва — 1955

Под редакцией
проф. А. Н. Формозова

Полевым натуралистам, стран-
ствующим по нашей Стране, изучаю-
щим и любящим природу во всех ее
проявлениях, посвящаю

Автор.

ГУМАНИТАРНЫЙ
ЦЕНТР
Г. ИРКУТСК

80653

МБУК
«ГЦ»

ФОНД РЕДКИХ КНИГ

ОТ РЕДАКЦИИ

Творчество Льва Борисовича Бёме как автора научно-популярных книг порождено глубокой всепоглощающей любовью к природе родной страны. Советским читателям уже знакомы его книги «По Кавказу», «Жизнь птиц у нас дома», «Певчие птицы», которые вызвали много теплых откликов юных натуралистов и любителей птиц.

Настоящие очерки выходят в свет после смерти их автора. Лев Борисович скончался 3 мая 1954 г. в г. Новозыбкове Брянской области, где он с 1948 года был профессором зоологии Государственного педагогического института.

Родился Л. Б. Бёме во Владикавказе, там прошла его юность, там сформировались и его научные интересы. Птиц и зверей он начал изучать еще в детстве и не оставлял этого занятия до последних дней жизни. За 34 года работы в области зоологии Л. Б. Бёме опубликовал более 40 статей и книг.

Хороший стрелок, неутомимый охотник, Лев Борисович был прекрасным организатором зоологических экскурсий, веселым, неутомимым спутником в далеких и трудных экспедициях, надежным другом.

Предлагаемые вниманию читателя «Рассказы натуралиста», на первый взгляд, не вполне укладываются в

рамки обычного представления о географической научно-популярной книге. С первых страниц до последних чувствуется, что они написаны зоологом, знатоком и любителем пернатых и четвероногих обитателей наших степей и лесов. Но автор вникает в жизнь птиц и зверьков с таким тонким пониманием значения природных условий, свои биологические описания он дополняет такими выразительными и яркими характеристиками природы степей и мелкосопочника Казахстана, предгорий и гор Кавказа, полупустынь Прикаспия, что в итоге книга оказывается насыщенной географическим содержанием.

Виды животных, которым посвящены очерки, выбраны очень умело — они типичны для определенных природных зон и районов; эти животные в той же мере характерны для ландшафтов, среди которых они описываются автором, как и почвенный или растительный покров определенного типа или как особое распределение осадков по сезонам.

Зоолог, проводший большую часть жизни в путешествиях и охотничьих походах, Л. Б. Бёме умеет подмечать типичные особенности пейзажа и зарисовывать их скупыми, меткими штрихами. Я вряд ли ошибусь, если скажу, что в нашей географической литературе трудно найти другую такую же запоминающуюся художественную и одновременно точную характеристику природы Центрального Казахстана, какая сделана Л. Б. Бёме в этой книге. Он изучал Казахстан не в кратковременных экспедициях, а во время длительных стационарных работ. Кристальная ясность осеннего воздуха, жестокие зимние бураны, первые приметы ранней весны знакомы ему так близко, что читателю невольно передается вся непосредственность впечатлений автора. Хороши также и многие страницы описаний Центрального Кавказа, охоты на туров и ранней весны в Черных горах близ города Орджоникидзе.

Любители природы почерпнут из этих очерков много сведений о животных, до сих пор остававшихся не описанными в нашей научно-популярной литературе, увидят картины равнин и гор, полные своеобразной прелести. Читателям самим, наверное, захочется с биноклем и рюкзаком пройти по весенней степи, по горным тропам, чтобы лучше узнать природу Родины.

А. Формозов.

ОТ АВТОРА

При работе над этой книгой я ставил своей задачей писать подробнее только о тех районах и о тех птицах и зверях, о которых в нашей зоологической литературе, особенно в научно-популярной, упоминалось редко и о которых читатели, не зоологи по специальности, знают очень немного. При описании охот я пытался возможно меньше говорить о «стойках собак», об «удачных или неудачных выстрелах», но побольше рассказать о животных, на которых охотятся, то есть стремился подходить к охоте как натуралист.

Два очерка — «Джунгарские хомячки» и «Город мертвых у селения Даргавс» — написаны моим сыном, Р. Л. Бёме, по материалам, собранным им. Мною эти очерки лишь отредактированы и несколько дополнены.

В СТЕПЯХ И СОПКАХ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА

ЧЕТЫРЕ ВРЕМЕНИ ГОДА

Зима

Зима наступает в середине ноября. После холодных утренников и заморозков, начавшихся еще в сентябре и проморозивших землю, температура воздуха не поднимается в полуденные часы выше нуля и выпадающий снег не стаивает. Белая пелена ложится на сопки и на просторы степей Казахской складчатой страны на пять месяцев...

В декабре начинается период буранов и метелей. Ветры, возникающие на ледяных полях Карского моря, пронесшиеся через холодные равнины Сибири, взметают мириады снежинок с холодной земли, кружат и носят их. Образуются снежные смерчи, сугробы вырастают около всех неровностей почвы, низкие постройки поселков заносятся снегом часто по самые крыши. Поросли караганы, кусты таволги, высокие стебли чия сгибаются под тяжестью снега. Небольшие, вырытые потоками талой весенней воды овраги сравниваются с окружающей степью. Страна погружается в зимний покой, наступает зимнее безмолвие...

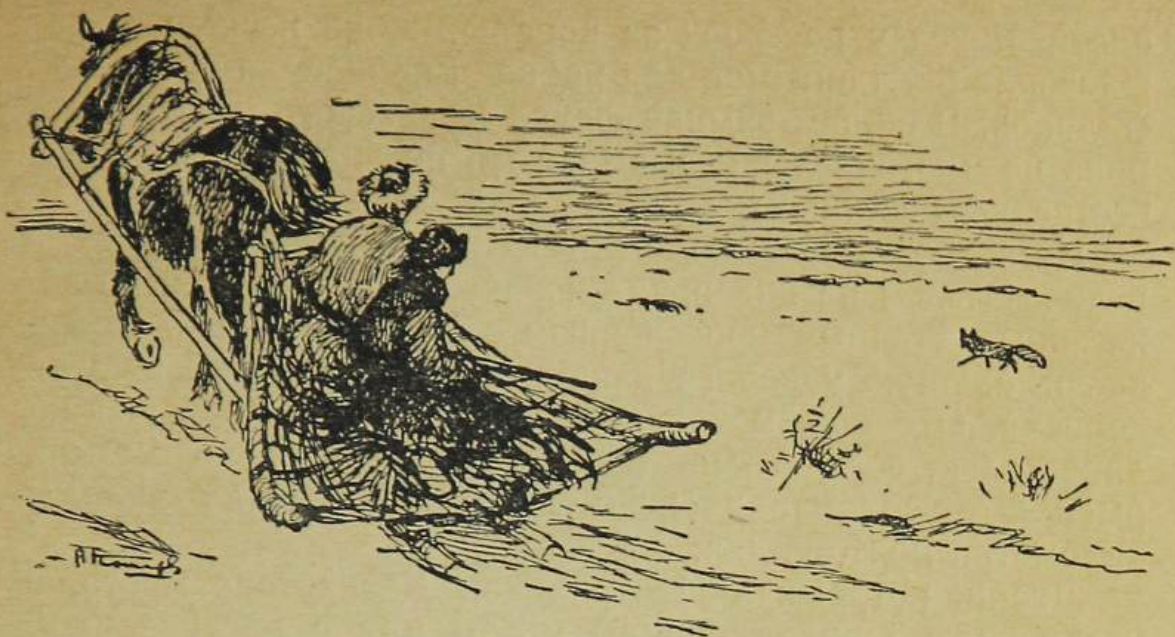
Насколько хватает глаз простирается снежная гладь, меняющая свои краски вслед за движением по небу невысокого солнца. В тени на снежных полях преобладают синие тона, у сопки, замыкающих далекие горизонты, — темные ультрамариновые, а вблизи — бледнолазоревого. К вечеру синие тона сменяются фиолетовыми.

Жизни в этих снежных просторах незаметно. Можно проехать десятки километров, не встретив ни одного зверька, не услышав ни одной птицы. Вначале, когда свежавыпавший снег не покрыл еще всей почвы, пока на нем не образовалась еще плотная корка, то там, то здесь можно заметить узкие полоски ажурных следов степных пеструшек, выбегавших из норок, чтобы погрызть торчащий из-под снега стебелек, можно увидеть парные ленточки следов ласки или горностая. Позднее и эти следы исчезают и на снежных бесконечных равнинах остаются только изломанные линии снежных застругов. Зверьки уходят на зиму под снег, почти все птицы отлетают в менее суровые места. Редко, редко озябший путник, пересекающий зимнюю степь, услышит звонкий, прерывистый свист-тявканье пищухи, раздающийся из-под занесенного сугробами куста караганы, или увидит стайку полярных жаворонков-рюмов, пролетающих с тихим и печальным щебетом.

На дорогах, соединяющих крупные населенные пункты, вблизи поселков и овцеферм, затерянных в степях и межсопочных долинах, животная жизнь заметнее. У овечьих загонов, копошась в кучках сена, молчаливо прыгают, поджимая под себя озябшие лапки, нахохлившиеся воробьи; черные жаворонки, резко выделяясь на фоне белого пейзажа, слетают с шоссе и садятся в нетронутый снег, уступая дорогу автомобилям. На телеграфных и телефонных столбах изредка маячат неподвижные белые фигуры полярных сов и мохноногих канюков, в небольшом количестве зимующих здесь.

Несколько больше птиц встречается зимою в Центральном Казахстане в созданных человеком лесных насаждениях и парках. Полезащитные посадки из деревьев и густых кустарников непроницаемы для холодных ветров. Под корой на стволах и на ветвях деревьев прячутся на зиму насекомые. Это позволяет зимовать здесь, пока, правда, малочисленным и редким, большим пестрым дятлам, маленьким стайкам белых лазоревок-князьков, залегающим снегирям и чечеткам...

Вторая половина зимы еще суровее. Температура воздуха держится почти постоянно около 25 градусов ниже нуля, часто опускаясь и ниже тридцати. С промежутками в несколько дней дуют бураны. Первый признак приближающегося бурана — стайи рюмов и черных жаворонков.

Первые со щебетом, вторые с чириканьем летят одна за другой в одном и том же направлении от надвигающегося бурана. Затем начинает дуть северо-восточный ветер. Он усиливается с каждым полчаса, поднимается поземка, туманятся дали, кругозор суживается. Порывистый ветер вздымает целые вороха снега, кружит и несет их. Паузы между порывами ветра укорачиваются. И вот он уже дует, не переставая ни на мгновение. В воздухе кружащиеся снежинки и хлопья образуют сплошную завесу.

Люди, не испытавшие степных казахстанских буранов, не могут представить себе их стихийной силы. В вертящемся хаосе снежной пыли ничего не видишь на расстоянии вытянутой руки. Ориентироваться в такую погоду почти невозможно. Только маленькие, крепкие казахские лошади, по какому-то им одним присущему инстинкту, понутив голову, бредут шаг за шагом, не сбиваясь с занесенной снегом и невидимой дороги.

Бураны нередко продолжаются несколько суток...

Мне много раз во время скитаний по Центральному Казахстану приходилось зимами проезжать по его степям и сопкам сотни километров. Во время этих поездок я регулярно и неукоснительно вел записи и регистрировал всех встречавшихся птиц. Просматривая теперь дневники, не многим могу дополнить тот перечень, который был сделан выше. Очень редко мне встречались одинокие сороки, питающиеся у скотных дворов, раза два видел сычей,

охотившихся у построек за воробьями, да несколько раз в течение ряда зим мне для набивки приносили сибирских филинов. В общем зимняя фауна Казахского мелкосопочника не многочисленна и не богата ни видовым, ни количественным составом.

Из зверей зимой чаще других здесь видишь корсаков и лис. Следуя на низеньких казахских розвальнях по занесенным степным проселочным дорогам, нередко спугиваешь спящую у дороги изящную маленькую лисичку — корсака. Отбежав метров на пятьдесят, корсак останавливается и, если его не преследуешь, тихонько мелкой рысцой трусит параллельно дороге, провожая экипаж километра полтора-два.

Лисиц, которых в Центральном Казахстане много, я неоднократно видел ранним утром или с наступлением сумерек мышкующими в степи. Лисы держат себя много осторожнее корсаков, и малейшая попытка человека приблизиться заставляет зверей тотчас же убегать в степь. В высоких чиевниках, растущих по берегам степных речек, в обширных массивах зарослей караганы, а особенно вблизи искусственных древесных посадок и питомников, много зайцев беляков. За ними усиленно охотятся лисы. После продолжительных буранов, не дающих возможности проверить ловушки, все попавшие в них зайцы оказываются съеденными лисицами.

Весна

Метеорологи на основании своих наблюдений и вычислений указывают календарную дату наступления весны в описываемых районах — 11 апреля.

Однако задолго до этих сроков, несмотря на низкую температуру, на продолжающиеся жестокие бураны и выюги, в природе начинает ощущаться близкое окончание почти полугодового зимнего оцепенения и сна — приближение весны.

Первые ее вестники — серые вороны и галки, прилетающие в Центральный Казахстан недели за две до наступления теплых дней. Около 20 марта огромные стаи серых ворон рано утром как-то вдруг неожиданно появляются во дворах и на улицах поселков и нарушают своим карканьем привычную зимнюю тишину. Птицы перелетают с крыши на крышу, важными, размеренными ша-

гами бродят по скотным дворам, шумными ватагами роются у выгребных ям. Через день-два к воронам присоединяются и прилетающие следом за ними галки. Скопление ворон и галок продолжается всего несколько дней. Огромное большинство этих птиц отлетает далее к северу; остаются только немногие пары, гнездящиеся здесь. Галки откочевывают от поселков в сопки.

Проходит еще несколько дней. Снег тает лишь в полуденные часы, ночами морозы доходят до 20 градусов, но, несмотря на холод, в эти дни, около 25 марта, прилетают белые трясогузки, первые полевые жаворонки и днем с еще холодного неба раздаются несмелые, но звонкие и по-весеннему бодрые трели и переливы их песен.

Около 1 апреля происходит быстрое и резкое изменение погоды. Холодные ветры сменяются теплыми, солнечные лучи, особенно в полуденные часы, уже ощутимо согревают; вскрываются речки, всюду в степи, на сопках, на обращенных к югу склонах появляются растущие с каждым днем проталины, на скованных полугодовым льдом степных речках образуются полыньи, небольшие лужи талой воды появляются на пониженных участках степи.

В эти дни, в первые дни по-настоящему наступившей весны, идет массовый пролет птиц.

В противоположность тому, что я, уроженец Кавказа, наблюдал и к чему привык на своей родине, где особенно грандиозными бывают осенние перелеты птиц, в Центральном Казахстане внимание натуралиста привлекает весенний пролет. Он вызывает разительные перемены в ландшафтах, еще недавно безжизненных и безмолвных и оживающих в течение нескольких дней или даже часов.

Массами, стая за стаей, проносятся на север утки, летят косяки гусей и треугольники журавлиных стай, над степью в разных направлениях чертят воздух чайки, на лужи садятся чибисы, кречетки, кулики, над степными озерами ночами стоит неумолчный гомон кормящихся птиц. В это же время пролетают, не останавливаясь здесь, скворцы, зяблики, белошапочные овсянки. Около 15 апреля впервые звучат, сначала только на зорях, песни прилетевших варакушек.

Проходит дней десять. Количество птиц уменьшается. В степи на водоемах остаются немногие гнездящиеся пары, а остальные пролетают далее на север.

Степь в это время начинает зеленеть, на ней появляются весенние цветы. Натуралист, впервые попавший весной в степи и сопки Казахской складчатой страны, непременно поражается невзрачностью ее цветов. Здесь совершенно отсутствуют крупные яркие весенние цветы наших широт. Под кустиками колючих караганников появляются светлофиолетовые степные анемоны, тянутся вверх желто-лиловые скромные цветочки хохлаток. На пригорках к полудню раскрывают звездчатые розовые венчики мелкие степные тюльпанчики, часа через два снова складывающие свои прозрачные лепестки. Особенность здешних цветов — это полное отсутствие аромата. Нет среди них тех ярких красных, оранжевых, желтых и белых тюльпанов, которые красят полынные глинистые степи Северного Казахстана у Кустаная, Тургая, Чкалова.

К середине апреля в степях появляются и зверьки, проспавшие всю долгую зиму в глубоких и уютных норах. Первыми пробуждаются от спячки суслики, начинающие свистеть в дневные часы. Одновременно выходят из нор хомяки, а через несколько дней вслед за ними и тушканчики. На желтой, прошлогодней траве, среди которой пробиваются тонкие молодые побеги, можно обнаружить очутившиеся на поверхности почвы после стаявшего снега шарообразные гнезда пищух, степных пеструшек и серых полевок, теперь ушедших под землю.

Проезжая по степям в двадцатых числах апреля, издали замечаешь высокие серые фигуры журавлей-красавок, парами бродящих по низкой траве. Стаи миловидных кречеток с глухими ворчащими криками почти вплотную подлетают к повозке. Рассыпавшись над степью носятся стайки степных и луговых тиркушек, охотящихся за многочисленными насекомыми.

Бывая весенними ночами в степи в период валового пролета, получаешь истинное наслаждение, прислушиваясь к голосам летящих птиц. Особенно много летит уток. Почти непрерывно слышится над головой характерный свист их крыльев, тихое побрякивание селезней, громкие вскрики какой-нибудь отставшей утки...

Начало мая. Короткая весна Центрального Казахстана в полном разгаре. Небольшие степные озерки или впадины, заполненные в течение первой половины весны талой водой, с песчаными пологими и лишенными растительности берегами заселяются одной, двумя па-

рами куликов-шилоклювок, парой уток-пеганок (или красных); их посещают в поисках пищи стайки бродячих холостых куликов. По берегам речек, часто теряющихся в степи и поросших кувшинками, рдестами, кугой, на небольших мочажинах и болотцах находят себе приют чибисы, особенно многочисленные в этих степях кулики-веретенники, различные виды речных уток. На глухих уединенных озерах, заросших тростником и рогозом, выводят птенцов одиночные пары серых гусей, а по берегам гнездятся колонии чаек, крачек и куликов-травников. На таких озерах есть незарастающие плесы чистой воды, где устраивают свои пловучие гнезда колонии черношейных поганок. На безводных участках типцово-ковыльных и типцово-полынных степей обитают степные журавли, кречетки, черные жаворонки, чекканы-каменки. Среди высоких зарослей кермеков и кураев прячутся и выводят птенцов дрофы. В зарослях караганы и таволги живут серые куропатки, желчные овсянки, сорокопуты-жуланы.

Для натуралиста, любящего природу и особенно птиц, одними из наиболее привлекательных обитателей казахстанских степей будут, пожалуй, утки. Жизнь этих обычных и широко распространенных птиц в условиях Казахской складчатой страны с резко выраженной континентальностью климата, с пересыхающими к концу весны

водоемами, весьма кратким весенним периодом представляет значительный интерес.

Весенний валовой пролет уток продолжается дней десять-двенадцать, а затем его волны постепенно спадают, и к двадцатым числам апреля в степях Центрального Казахстана остаются лишь местные гнездящиеся утки. Некоторое время они держатся небольшими стаями, распадающимися на пары в начале мая.

По вечерним и утренним зорям, а иногда и днем в этот период слышится громкое кряканье, несущееся с заводей степных речек, с поросших рогозом и тростником степных озер. Утки зовут к себе селезней, летающих с тихим, возбужденным покрякиванием во всех направлениях. Селезень с уткой (а иногда и тройки уток — я часто наблюдал по два самца возле одной самки), соединившись утром или вечером, целый следующий день проводят вместе, кормясь либо на речке, либо вылетая для этого на лужицу в открытую степь. Перед вечером пары распадаются и снова начинаются поиски новых партнеров.

К середине мая утки начинают кладку яиц, их кряканье, призывающее селезней, слышится все реже и реже. Самцы, лишившиеся подруг, целыми днями разыскивают их, летая в разных направлениях над степью и водоемами и издавая непрерывное, страстное кряканье. Но понемногу весеннее возбуждение затихает и у них, они собираются в небольшие стайки и переселяются на глухие степные озера, поросшие тростниками, где начинают терять яркие нарядные перья своего брачного одеяния.

Поздно начинающаяся центральноказахстанская весна движется семимильными шагами. Ранние степные цветочки — все эфемеры¹. Около двадцатого апреля они раскрывают свои лишенные запаха венчики навстречу лучам весеннего солнца, но уже через несколько дней блекнут и вянут, лепестки у них опадают, и степь лишается даже этих скромно цветущих растений. В начале мая степные просторы вновь зеленеют; распускаются опять на самое короткое время цветы степных кустарников — караганы, покрывающейся желтыми, скрытыми в зелени соцветиями, и спиреи. Маленькие ажурные цве-

¹ Эфемеры — ранневесенние однолетние растения с очень коротким циклом развития, приуроченным к периоду хорошего увлажнения почвы. Вегетация эфемеров заканчивается до наступления сильной жары. — *Прим. ред.*

точки появляются на высоких шарообразных кустах кураев.

В начале мая прилетают в Центральный Казахстан ласточки, вслед за ними стрижи и, наконец, к двадцатым числам мая возвращаются на свою родину и самые поздние весенние гости — чечевицы и желчные овсянки. Почти все степные птицы в это время уже сидят на гнездах или заняты выкармливанием птенцов. Только свободные от забот самцы некоторых видов птиц бродят и летают над степью, оглашаемой неумолчными трелями жаворонков, степных коньков и чекканов. Пение жаворонков продолжается почти круглые сутки, прерываясь лишь на два-три часа перед утренней зарей...

Метеорологические данные определяют окончание весны в Центральном Казахстане календарной датой — 26 мая (в среднем). Следовательно, весна продолжается здесь всего 45 дней, полтора месяца.

Лето

Переход от весны к лету происходит незаметно. Почти полное отсутствие в весенне-летний период осадков, прозрачность воздуха в связи с малым содержанием в нем паров воды вызывают сильное нагревание и иссушение почвы (летом влажность воздуха иногда равна всего 5%, а влажность почвы так мала, что корни растений уже не могут всасывать влагу). Сухость почвы и жаркое солнце вызывают раннее пожелтение, а затем и выгорание растений. Уже в начале июня на степных участках, наиболее подверженных действию прямых солнечных лучей, появляются желтые пятна, а через несколько дней желтеет и вся степь. К этому времени пересыхает большинство неглубоких степных озер, мелеют тихие речки. В некоторые дни температура воздуха даже в тени достигает 38 градусов...

Наступление лета степные зверьки встречают окончанием семейных забот; у сусликов и хомяков подросшие молодые покидают материнские норы и начинают расселяться. У всех степных птиц эти заботы в самом разгаре — вылупляются птенцы и родители заботятся о выводках, странствуя с ними по степям в поисках пропитания. В начале лета из отложенных предыдущей осенью кубышек выводится большое количество разнообразных кобылок, и

степные птицы кормятся почти исключительно ими. Наблюдая за бродящими выводками журавлей, видишь, как птицы, наклонив голову, делают несколько быстрых шагов, подхватывают с земли прыгающего саранчука и суют его в клюв бегущим за родителями длинноногим птенцам. Кречетки, приподняв яркобелое надхвостье, уморительно наклонившись, ловят проворных кузнечиков.

У большинства уток — шилохвостей, крякв и чирков — утята вылупляются из яиц около 10 июня, у широконосок несколько позднее.

На обильном корме, без труда добываемом на степных озерах, утята растут быстро, и к началу июля некоторые выводки поднимаются на крылья. К середине месяца летают уже все утята. К этому времени мелкие и средней величины степные озера, как правило, пересыхают и утки собираются массами на более значительных водоемах и на искусственных степных водохранилищах. Здесь стаи, все время пополняясь за счет подлетающих новых и новых выводков, держатся до конца лета.

Мне не приходилось наблюдать в Центральном Казахстане обычных для средней полосы европейской части СССР правильных ежедневных перелетов утиных стай для кормежки на вечерних зорях в степь, а на утренних — обратно на водоемы. Видимо, причина круглосуточного пребывания уток на водоемах — обилие в них корма и отсутствие его в выгоревшей степи. Профессор А. Н. Формозов, описывая озера Западной Сибири, замечает, что «Для ландшафтов этой области вереницы серых гусей, тянувшихся под вечер с озера на посевы, тысячные стаи уток, собравшихся на кормных водоемах, столь же характерны, как чередование грив и межгривных понижений, березовых колков и участков типчаково-ковыльной степи»¹. Подобной картины в Центральном Казахстане я не наблюдал.

Ко второй половине июня или к началу июля все степные птицы заканчивают заботы по воспитанию молодого поколения. Птенцы, научившись летать, собираются по несколько выводков вместе. В это время начинается своеобразный период в жизни казахстанских мелких воробьиных птиц — летние кочевки.

¹ А. Н. Ф о р м о з о в. Озерная лесостепь и степь Западной Сибири как области массового обитания водяных птиц. «Бюллетень Московского общества испытателей природы», т. 63, М., 1934.

Огромное большинство видов местных мелких насекомоядных птиц, гнездящихся в степи — чеканчики луговые, чеканчики черноголовые, варакушки, плиски разных видов, чекканы-каменки, камышевки и другие, — в середине июля в массовом количестве прилетают на поливные огороды и поля, находящиеся вблизи поселков. Там, где до этого времени птички встречались лишь парами и отдельными выводками, их появляется множество. Особенно многочисленными бывают черноголовые чеканчики, плиски и варакушки.

Все мелкие птички, переселившиеся на поливные земли в июле, держатся на них до конца лета и отсюда направляются в осенние странствования. Очевидно, выгорание степной растительности на местах их гнездовий в ковыльных и полынных степях, высыхание листвы большинства степных кустарников, влечет за собой значительное уменьшение количества насекомых, которых на орошаемых огородах и полях в течение всего лета вдоволь.

Почти одновременно с отлетом из степи насекомоядных птиц у всех зерноядных (к ним в Казахском мелко-сопочнике относятся в основном различные виды жаворонков) начинается интенсивная летняя линька. Все реже и реже звучат звонкие песни полевого жаворонка, тише чирикают свои несложные мелодии черный и сибирский жаворонки, замолкают степные коньки. Желтая, выгоревшая степь летом умолкает. Лишь изредка в ней услышишь курлыканье журавлей, постепенно собирающихся в стаи, или вздрогнешь от пронзительного свиста суслика, из-под самых ног бросившегося в нору, да вечерами у озер отметишь гомон утиных и гусиных стай, поднимающихся над водой и снова опускающихся на ее зеркальную гладь. Здесь же по песчаным отмелям бродят стайки и выводки куликов, встречающих приближающегося к ним человека громкими криками.

Иногда северо-восточные, господствующие летом ветры приносят тучи мелкой пыли. Начинается пыльная буря, воздух становится каким-то «жестким», а степные дали приобретают красноватый оттенок. Летом над степями разражаются грозы с кратковременными ливнями, едва прибывающими пыль и не насыщающими влагой почву. Случаются и «сухие дожди», при которых капли, не достигнув земли, испаряются в воздухе. Грозы бывают ночами, и тогда небо прорезают зигзаги молний, грохо-

чут, отдаваясь в сопках, раскаты грома. Но проходит каких-нибудь полчаса, грозовые тучи уносятся вдаль и опять в воздухе чувствуется прежняя сухость...

В августе незаметно исчезают стрижи. Мало становится сусликов, они постепенно залегают в спячку. Начинаются кочевки самых разнообразных птиц. В конце месяца впервые легкий налет инея покрывает на рассвете стебли растений. Приближается осень.

Осень

Переход от лета к осени был бы совсем незаметен в желтой и выгоревшей казахстанской степи, если бы не существовало птиц.

В первых числах сентября, с высокого и, как всегда в Центральном Казахстане, безоблачного неба, раздаются трубные голоса журавлей, призывающих пернатых собратьев готовиться в дальнюю дорогу. Береговые ласточки сотнями собираются для отдыха на телеграфных проводах, над степью с жалобными криками летают чибисы, кулики веретенники, кроншнепы.

По метеорологическому календарю начало осени — 10 сентября. Желтеет листва на растущих по берегам арыков бальзамических тополях. Осыпаются почерневшие, мелкие листочки с кустов караганы. В сентябре несколько раз перепадают кратковременные дожди, немного смачивающие сухую, потрескавшуюся почву. Над желтыми, безжизненными просторами, покрытыми травой, высохшей еще в июне, кое-где появляются молодые листики, начинается осеннее зеленение степи. Тонкие степные травинки по утренним зорям покрываются тончайшими инкрустациями инея, легкие заморозки теперь бывают ежедневно. Регулярно, начинаясь утром и затихая к вечеру, дуют все усиливающиеся ветры. По степи, подгоняемые ветром, катятся и прыгают шары перекасти-поле, нагромождающиеся у зарослей караганы целыми завалами. Стебли перекасти-поле за лето высыхают до такой степени, что при ударах звенят, как проволочные, и горят, как порох.

С двадцатых чисел сентября не показываются больше из нор тушканчики, засыпают последние суслики. У поселков, окруженных древесными насаждениями, на несколько дней появляются летящие к югу небольшие

стайки зябликов и выюрков. Еще реже присаживаются на деревья сбившиеся со своих пролетных дорог дрозды.

На водоемы с севера прилетают все новые и новые утиные стаи. Покормившись и пробыв здесь несколько дней, они отправляются дальше, а вслед за ними трогаются и местные утки. Все меньше и меньше становится птиц, все реже и реже видишь летящие стаи. С октября в казахстанские степи начинают прибывать на зимовку птицы далекого севера. По дорогам торопливо бегают рюмы, взлетают кажущиеся совершенно белыми пуночки.

Изредка падает снег. Но солнце прогревает днем еще достаточно сильно и снег быстро стаивает.

К концу октября улетают последние утиные стаи. Исчезают вороны и галки. Редкая стайка уток задержится на полыньях озер, которые покрываются ледяной корой уже к первым числам ноября.

Снова наступает суровая казахстанская зима с ее буранами, морозами, и снежный покров на пять месяцев одевает степи.

ПОЕЗДКА В СОПКИ

В двадцатых числах мая 194... г. я и зоолог С. И. Оболенский высадились из вагона на полустанке Бурма железнодорожной линии Караганда — Балхаш. Сопки, куда мы направлялись, находятся километрах в пяти от этого полустанка.

Погода, обычная для конца весны Центрального Казахстана, была чудесна. На небе ни облачка. Воздух прозрачен, и горизонт, на севере замыкающийся грядами сопок, на юге и востоке уходит в бесконечные дали.

Повозка, запряженная парой волов, уже ждала нас, и мы, погрузив негромоздкий багаж, тронулись к сопкам, на овцеферму «Марья» — к цели нашей поездки.

Вначале дорога идет между возделанными участками орошаемых земель, окружающих поселок Бурму. Здесь находится небольшое водохранилище, от которого тянутся арыки оросительной системы. Над зеркальной водной поверхностью искусственного озера летало несколько черных крачек. Птицы эти очень красивы и выделяются на фоне голубоватого озера блестяще черным оперением и яркobelыми крыльями. Особенно эффектны они, когда,

быстро трепеща крыльями и подогнув вперед хвост, неподвижно останавливаются над водой, высматривая добычу, а затем, сложив крылья, стремительно падают вниз, погружаясь на секунду в воду. Здесь же по песчаной отмели бегали несколько белых и желтых трясогузок и парочка малых зуйков. Вместе с крачками над озером летали, гоняясь за насекомыми, деревенские, городские и береговые ласточки.

Бурминские огороды скоро оканчиваются, и мы въезжаем в степь. Она начинается сразу за поселком. Несмотря на весну, в ней нет ярких цветов, к которым наш глаз привык в европейских степях, похожих весной на великолепный персидский ковер. Отсутствием цветов обусловлено почти полное отсутствие некоторых групп насекомых; воздух не наполнен жужжанием, в нем не мелькают серебристыми блестками цветочные мухи и пчелы, не кружатся многоцветные бабочки. Единственные звуки, слышимые здесь, — голоса птиц. С безоблачного неба несутся трели жаворонков, а в невысоких кустиках караганы и таволги, кое-где нарушающих однообразие ковыльной степи, распевают свои несложные песенки овсянки.

Эти голоса создают поначалу впечатление значительного количества гнездящихся птиц. Однако, оглядевшись и прислушавшись более внимательно, убеждаешься, что первое впечатление ошибочно и что птиц немного. Больше всего жаворонков, относящихся к четырем видам (черный, белокрылый, полевой и малый степной). Их звонкие песни, слышные на расстояние километра и более, создают иллюзию многочисленности птиц, которых в сущности мало, в несколько раз меньше, чем, например, в прикаспийских степях Предкавказья. Гнездовые участки в казахстанских степях очень обширны, и гнезда расположены далеко одно от другого.

Участок степей Казахской складчатой страны, по которому мы едем, расположен на высоте 400—500 метров над уровнем моря. Преобладающие растительные формации этих степей, лишь на ограниченных участках заменяющиеся другими, — типцово-ковыльная и типцово-полынная. Древесная растительность (даже одиночные деревья) здесь полностью отсутствует.

Мне случалось проходить по таким степям ранними, ранними утрами. Начинает светать, но солнце еще не показалось над горизонтом. В эти предутренние часы степь

безмолвна и как будто безжизненна. Изредка впереди слетают с пыльной дороги полевые коньки и жаворонки, то ли ночевавшие здесь, то ли кормящиеся какими-то семенами. Но вот на востоке, над темными вершинами сопок, показывается солнце. Почти мгновенно, до странного внезапно, степь оживает и наполняется головами. Свистят, вылезая из норок, суслики, из караганников раздается тьяканье пищух, всюду поднимаются с песнями жаворонки, начинают звучать трели овсянок и мелодичные свисты чечевиц, над вершинами сопок показываются силуэты парящих орлов...

В степях Казахстана внимание натуралиста прежде всего привлекают белокрылые жаворонки.

В отличие от большинства близких видов белокрылые жаворонки очень разборчивы в выборе мест обитания. Их, например, нельзя встретить на участках степи с разреженным травостоем, где всюду видны плешины солонцов и беловатые солончаковые пятна. Гнездятся они только там, где сухолюбивая растительность достаточно густа, в местах, где имеются многолетние залежи или растения образуют сомкнутый покров. В Центральный Казахстан белокрылые жаворонки прилетают позднее других видов жаворонков — не ранее последних чисел апреля. Летят они большими рассыпанными стаями, оглашая весенний воздух скрипучими звуками. Прилетев и облюбовав места для своих поселений, жаворонки разбиваются на пары; в это время можно наблюдать своеобразные тока и предбрачные игры птиц. Чаще около одной самки токует по два самца. Токующие белокрылые жаворонки очень эффектны. Они летают большими кругами, взмахивая крыльями так, что углы крыльев соединяются над спиной птицы, и громко распевают несложную песенку над самкой, сидящей на кочке или у обочины дороги. Повадки этих токующих птиц больше всего напоминают куличковзуйков, на которых белокрылые жаворонки несколько похожи и своими заостренными, длинными крыльями с белыми маховыми. Покружившись некоторое время, самцы опускаются на землю и, приподняв яркорыжий хохолок, распушив перья, полуопустив крылья, прыгают боком друг перед другом, но редко вступают между собой в драки. Самка во время таких эволюций своих кавалеров держится безучастно и как будто не смотрит на них, но вот выбор сделан, и она улетает с одним из самцов в степь.

Несмотря на запоздалый весенний прилет, постройка гнезд и откладывание яиц у белокрылых жаворонков происходит в короткие сроки и полные кладки у них бывают почти одновременно с другими видами жаворонков. Птенцы покидают гнезда в начале июня.

У белокрылых жаворонков можно отметить любопытную особенность в поведении птенцов. Полуоперившись, совершенно не владея крыльями, птенчики «уходят» из гнезд и прыгают в траве поблизости. Этим белокрылые жаворонки напоминают каких-то «полувыводковых» птиц, а не других воробьиных, птенцы которых остаются в гнездах до полного оперения. Нелетающие птенчики жаворонков нередко выходят на дороги, и многие гибнут под копытами лошадей и колесами экипажей. Возле таких бродячих птенцов обычно держится и один из родителей, весьма спокойно относящийся к неприятностям, случающимся с его питомцем. Ничего, даже отдаленно напоминающего тревогу крачек, куликов и чаек при появлении опасности, грозящей их птенцам, у белокрылых жаворонков не наблюдается. Взрослый жаворонок, увидев человека, приближающегося к его неуклюжему птенчику, при каждом прыжке сваливающемуся с испуганным писком на бок, в лучшем случае покружится около врага, а затем полетит в степь.

Как только птенцы начнут летать, выводки белокрылых жаворонков собираются в стаи и кочуют по степям, попадаясь в это время на глаза особенно часто. Эти жаворонки относятся к группе наиболее приметных степных птиц. Их пестрое оперение с белыми и рыжими пятнами довольно ярко. Подобно некоторым другим птицам (например, чекканам-попутчикам) белокрылые жаворонки «сопровождают» проезжающие в степи редкие экипажи. Бегающий по едва заметной проселочной дороге жаворонок подпускает приближающийся экипаж шагов на пять, а затем, поднявшись из-под самых копыт лошади, улетает вперед, снова садится метрах в пятидесяти на дорогу, опять подпускает лошадь вплотную, опять поднимается и т. д., нередко проделывая это на участке пути в километр и более. Иногда жаворонки устраивают такие «проводы» почти в полные сумерки, и тогда кажется, что из-под самой морды лошади взлетает вверх белый трепещущий платок.

К осени жаворонки собираются в стаи по несколько тысяч особей и в последних числах сентября отлетают из Центрального Казахстана.

Мне приходилось не раз держать белокрылых жаворонков в клетке; их пугливость, присущая всем жаворонкам, не проходит очень долго, к человеку они не привыкают, да и пение их мало музыкально.

* *
*

Километров через пять от Бурмы дорога, по которой мы ехали, начала подниматься на довольно крутой склон сопки. На пологом перевале, шагах в пятидесяти от нас, с дороги слетела пара саджей и со своеобразным криком, звучащим как прерывистое, повторяющееся «тур-тур-тур», (за этот крик местное русское население называет саджей «туртушками»), стремительно скрылась за сопками.

Но вот преодолено еще два небольших подъема, и мы у цели нашей поездки — на овцеферме «Марья».

Межсопочная долина, в которой расположена ферма, имеет вид почти равнобедренного треугольника с вершиной, находящейся в полукилометре выше «Марьи», и с широким основанием, упирающимся в полотно железной дороги у большой узловой станции Жарык.

Выше «Марьи» долина суживается, и выходящие на поверхность грунтовые воды создают условия для существования сравнительно богатой растительности. Все ложе долины занимает сырой луг, прорезанный нешироким ручьем. Кое-где ручей разливается и образует небольшие мочажины. Склоны долины и соседних сопки покрыты кустарниками, среди которых преобладают караганы и несколько видов шиповника. Во время нашего посещения он был покрыт желтыми, белыми и розовыми цветами, издающими слабый аромат. В меньшем количестве в долине встречаются таволга и чахлые, корявые и низкорослые березки и ивы.

Ниже овцефермы, в направлении к Жарыку, долина расширяется. Воды здесь нет и долина занята степью, с низким травостоем, состоящим из нескольких видов ковылей, полыни, типца и других ксерофитов. Много здесь лишенных растительности плешин и белесоватых, словно покрытых снегом, солонцов.

Гряды сопок, окружающих «Марьё», как и вся Казахская складчатая страна, сложены из древних палеозойских пород, сильно разрушенных с поверхности длительным выветриванием. В противоположность однообразию красок казахских степей, сопки поражают частой сменой тонов и имеют вид какой-то гигантской искусственно созданной мозаики. Начиная от темнобурых глинистых сланцев, имеются все переходы коричневого цвета; с ним резко контрастируют яркожелтые охры, голубые, синие, светлозеленые, красные и оранжевые тона, в которые окрашены выходы глин, светлопалевые и кремовые прослойки гипсов.

Возвышенности по своей форме весьма разнообразны, но в основном они имеют пологие склоны и вершины, свидетельствующие об их большой древности. На пологих склонах встречаются невысокие отвесные обрывы и скалы, много осыпей щебенки. Между сопками, разделяя их, лежат долины и долинки, то широкие, то имеющие вид узких ущелий...

* *
*

Целью нашей поездки в «Марьё» были сбор коллекций и наблюдения за обитающими здесь позвоночными животными. Этому занятию мы могли посвятить около двух недель.

Для меня, не бывавшего в этом районе, особый интерес представляли некоторые местные животные, знакомые мне только по описаниям зоологов. Одним из этих видов была пищуха, или сеноставка.

Малые пищухи многочисленны в Центральном Казахстане. Основные места их поселений, а селятся пищухи всегда колониями,— это участки, поросшие караганой. Почти всюду, где есть караганники, можно встретить пищух. Так как в некоторых местностях Казахского мелко-сопочника карагану вырубают на топливо, то пищухи встречаются, как это отмечает профессор А. Н. Формозов, «в пятнах кустарников по луговинам широкой полосы Центрального Казахстана». В типцово-ковыльных и полынных степях, при отсутствии в них кустарников, а также в тех местах, где почвы сильно засолены, пищух нет. Не живут пищухи также и на культурных землях, явно избегая рыхлых обработанных почв. Однако на участках,

занятых многолетней люцерной, я их встречал неоднократно. Видимо, густые сплетения побегов и корней этого растения создают благоприятные условия для поселения зверьков.

Пищухи деятельны в продолжение круглого года и большей части суток. Мнение о якобы исключительно дневном образе жизни этих зверьков несправедливо. Особенно активны пищухи, пожалуй, днем, но они не прекращают своей деятельности и ночью. В ловушки сеноставки попадались нам чаще ночью, чем днем. Характерный свист-тявканье пищух, который нельзя смешать с голосами других зверьков, в частности со свистом сусликов, слышится днем и ночью, летом и зимой. Ночами они кричат чаще и звонче. Свист пищухи издают, показываясь из норы или, испуганные чем-нибудь, убегая в норы. Проходя по кустарникам, где находятся норы зверьков, изредка можно слышать их свист, несущийся и из-под земли. Пищухи, очевидно, реагируют свистом на шум, доходящий в их норы с поверхности.

Размножаются пищухи так же, как и многие грызуны, в продолжение почти всего года. Мне удавалось находить молодых, совсем маленьких пищух, начиная с последних чисел апреля и вплоть до декабря. Маленькие пищухи, достигшие размеров не более одной четверти взрослых, пытаются уже переходить к самостоятельному образу жизни, и моему спутнику С. И. Оболенскому в расставленные им капканчики у овцефермы «Марья» попало несколько таких зверьков, не крупнее домовый мыши. Молодые пищухи — очаровательные существа, покрытые длинной шелковистой шерстью, с длинными «усами» и лишенные даже признака хвоста. Пушистость меха пищух делает их похожими на «живые игрушки».

Особенность, отличающая пищух от большинства грызунов, состоит в том, что они запасают себе сено, складывая его в характерные стожки. В Центральном Казахстане они начинают заготовку сена с середины июля. Стожки воздвигаются не только в непосредственной близости от норок, но часто и на значительном расстоянии от них — примерно метрах в ста — ста пятидесяти. Если стожки устроены вдали от колонии, то к ним зверьки прогрызают в траве тропинки, образующие возле стожка расширенную, округлую площадку. Пищухи начинают использовать свои запасы сена всегда изнутри стожка,

у почвы. В результате сено в стожке постоянно остается свежим, не подмоченным дождями и не покрытым пылью и зверьки всегда питаются сеном только «первого сорта».

В начале зимы, пока снег еще неглубок, пищухи бегают по нему между норками и к стожкам. После образования снежного покрова пищухи переходят к жизни под снегом, очень редко появляясь на поверхности. Они прорывают себе в толще снега ходы, часто на значительные расстояния. Такие же подснежные тропинки ведут и к укрытым снегом стожкам, оканчиваясь под их средней частью, у почвы.

Если колонии пищух расположены недалеко одна от другой, то они обычно бывают связаны между собой протоптанными и прогрызенными тропинками. Такие тропинки могут тянуться на сотни и более метров.

У овцефермы «Марья», где мне пришлось впервые познакомиться с этими интересными зверьками, пищухи обитали по склонам сопки, покрытым мелкой щебенкой и негустыми порослями караганников и шиповников. Колонии находились возле самых построек овцефермы, и тавканье, которое несло из норок, слышно было нам днем и ночью. Оно смолкало только в самые жаркие дневные часы. Спрятавшись вблизи от норок, я много раз видел перебегающих пищух, видел, как они таскали в зубах травинки. Несмотря, однако, на постоянную солнечную погоду, мне ни разу не удалось заметить малых пищух греющимися на солнце неподалеку от своих нор, как это бывает у сенокосов, которые обитают среди камней на склонах.

Из других зверьков, встреченных нами вблизи овцефермы «Марья», я наблюдал еще двух, характерных для Казахстана, — эверсманнова хомячка и тушканчика-прыгуна, или сибирского.

Во время наших экскурсий по сопкам и по долинам в районе «Марья» мы постоянно встречали многочисленные неглубокие ямки сантиметров в пять-семь глубиной. Это были «копанки» тушканчиков, вырывающиеся ими при поисках лакомых луковичек тюльпанов. Ямки имели различные размеры, а в пыли дорог ранними утрами мы видели следы тушканчиков различной величины. Можно было предполагать, что здесь живут тушканчики по крайней мере трех видов. Однако в наши капканы и мышеловки-давилки тушканчики не попадались. Внимательно

осматривая и подсчитывая «копанки», я заметил, что особенно много их оказывалось по утрам на склоне пологой сопки, покрытом редкой растительностью типично степного характера. Здесь же я отыскал и несколько как будто бы «свежих» норок, принадлежащих, вероятнее всего, тушканчикам. Регулярно, изо дня в день (вернее из ночи в ночь), я начал ставить капканы на этом склоне, подвязывая к ним самые разнообразные приманки. Но мне не везло и за исключением одного эверсманнова хомяка никто в мои капканы не попадался. Неудача преследовала меня дней десять, а между тем приближался конец нашего пребывания в «Марьё».

Перед самым отъездом я решил изменить способ ловли — при помощи садового совка я на моем склоне выкопал несколько искусственных норок (по методу, придуманному С. И. Оболенским) и возле них без всякой приманки установил маленькие дуговые капканы. На следующее утро в двух из них оказались тушканчики — сибирский прыгун и малый земляной зайчик. Эта пара тушканчиков была первой, пойманной нами в сопках у «Марьи». Позднее я неоднократно ловил этих зверьков и имел возможность познакомиться с их образом жизни.

Несколько более редкие, чем большие земляные зайцы, сибирские тушканчики населяют всю степную часть Центрального Казахстана и межсопочные долины в довольно

значительном количестве, избегая поселяться лишь на орошаемых землях. Излюбленные места обитания зверьков — это участки степи и склоны сопок с мелкощербистым грунтом и редкой растительностью типцово-ковыльного типа. Здесь возле редких кустиков таволги и караганы тушканчики-прыгуны роют свои норки.

Весной, после того как в степи полностью сойдет снег, тушканчики пробуждаются от длительной зимней спячки и выходят из своих убежищ. Весеннее пробуждение тушканчиков-прыгунов происходит несколько позднее, чем больших тушканчиков. В некоторых местах сибирские тушканчики по своей численности не уступают другим видам и количество попадающихся в ловушки сибирских превышает количество остальных. При ловле тушканчики-прыгуны легче всего попадают в капканчики, расставленные у норок без всякой приманки, и, по моим наблюдениям, ни на какие обычные приманки не идут.

Молодых прыгунов, покинувших мать, я ловил, начиная с последних чисел июня.

Сибирские тушканчики, как и все близкие им виды, — ночные зверьки; их деятельность начинается тоже с наступлением сумерек, хотя и несколько раньше, чем у больших земляных зайцев. Я видел прыгунов, бегающих по степи, вечерами, когда еще было довольно светло и можно было заметить зверьков шагов за пятьдесят. В сырые вечера или во время дождей, которые в Центральном Казахстане летом выпадают очень редко, прыгуны отсиживают в норах.

На зимнюю спячку сибирские тушканчики ложатся сравнительно рано — с двадцатых чисел сентября, когда в Казахстане начинаются уже утренние заморозки и температура на рассвете опускается ниже нуля. Позже этого срока мне тушканчиков уже ловить не удавалось.

У овцефермы «Марья» довольно обычной нашей добычей, попадавшей в капканы и плашки, были эверсманновы хомячки.

В противоположность большинству грызунов, обитающих в сопках Казахской складчатой страны и приуроченных к вполне определенным участкам ландшафта, эверсманновы хомячки поселяются повсюду, приспособляясь к самым разнообразным местам обитания. Мы ловили этих зверьков и на склонах сопок, и на солонцах межсопочных долин среди нор многочисленных здесь сусликов,

и, наконец, в амбарах и зернохранилищах овцефермы. Вместе с тем эверсманновы хомячки нигде не водятся в большом числе и процент этих зверьков в коллекциях грызунов, собранных исследователями, всегда невелик. Позднее, в другие годы, я ловил эверсманновых хомячков на склонах сопок, поросших караганой, в плоских типцово-ковыльных степях, на поливных участках полей и огородов вблизи поселков, по берегам степных речек среди пышной луговой растительности и в домах поселков.

Зимой эверсманновы хомячки не засыпают и мне приходилось наблюдать их бодрствующими в самые суровые месяцы — в декабре и январе. На зиму хомячки в значительном количестве переселяются поближе к поселкам и становятся вредителями складов и фуражехранилищ, охотно поедавая картофель, корнеплоды и зерно.

Молодые эверсманновы хомячки появляются на свет в средних числах мая. Начиная с середины июня, мне в ловушки попадались зверьки, достигшие уже половины размеров взрослых. Размножаются эти хомячки, видимо, по несколько раз в год, так как таких же молодых зверьков я ловил вплоть до конца августа.

Оригинальная особенность эверсманновых хомячков — их хищнические инстинкты. Однажды в самом начале декабря, проходя по скошенному полю многолетней люцерны после небольшого снегопада, я поймал эверсманнова хомячка, тащившего в зубах молоденькую полевку с прогрызенным затылком. В другой раз эверсманнов хомячок, поселившийся в комнате, где я жил, каждую ночь совершал набеги на мои коллекции, грыз неочищенные черепа и портил набитые тушки.

* *

*

Рабочий день во время пребывания на овцеферме «Марья» у нас распределялся следующим образом. Вставали мы на рассвете и сейчас же отправлялись собирать по ловушкам ночной улов. Оболенский шел в верхнюю часть долины, где ему попадались водяные крысы и плоскочерепные полевки Стрельцова, я направлялся ниже овцефермы, в места, где ловились пищухи, тушканчики и хомяки. Собрал улов, мы переставляли капканы для дневной охоты, во время которой добывали сусликов и реже пищух. Затем значительное время уходило на препаровку

пойманных ночью зверьков. Закончив изготовление тушек, мы шли на дневные экскурсии, иногда вдвоем, но чаще порознь, в разные стороны.

Мой друг и спутник по поездке в казахстанские сопки, ныне покойный Сергей Иванович Оболенский был замечательным ученым и человеком. Основная специальность его, дело, которому он посвятил свою жизнь,— была борьба с вредителями лесного и сельского хозяйства. Зоолог-энтузиаст, Сергей Иванович любил природу, которую он хорошо знал и глубоко понимал.

Меня особенно поражала громадная трудоспособность Оболенского и самозабвенное увлечение любимой наукой. В «Марье» он просиживал целые ночи напролет, разбирая свои остеологические сборы¹. Лишь на рассвете Сергей Иванович с неохотой ложился в постель, чтобы отдохнуть перед новым рабочим днем часа полтора. И так в течение недель и месяцев. Другая черта Сергея Ивановича — постоянное стремление изобретать, придумывать что-нибудь для улучшения методики сбора грызунов, для рационализации борьбы с вредителями сельского и лесного хозяйства. Ему советская прикладная зоология, помимо прекрасных книг, брошюр и научных статей, опубликованных в разное время, обязана целым рядом изобретений. Стоит упомянуть хотя бы разработанный им удешевляющий борьбу с вредителями метод пропыливания нор грызунов пылевидными ядами, способ отпугивающих приманок, применяемых для защиты плодовых деревьев и древесных посадок от повреждений зайцами, способ ловли грызунов при помощи искусственных нор и т. д.

Любимой науке, интересующим его исследованиям Сергей Иванович отдавался полностью, нисколько не заботясь о себе. В суровые казахстанские зимы, в тридцатиградусные морозы, при ветрах, в снежные бури, он отправлялся за двадцать и более километров и на этом пути подходил к каждому телеграфному столбу, разыскивая под ним погадки хищных птиц с обрывками шерсти, обломками черепа и других косточек грызунов. О количе-

¹ Остеологические сборы — коллекции костей позвоночных животных, собранные в наносных отложениях, в пещерах или на поверхности почвы. По частям скелета зоологи и палеонтологи определяют видовой состав животных как современных, так и прошлых геологических эпох.— *Прим. ред.*

стве материала, который собирал этот ученый, дают представление следующие цифры: в работе, посвященной методике изучения динамики численности грызунов и основанной на сборах в Центральном Казахстане, С. И. Оболенский упоминает, что им было определено из погадок 22 804 мелких млекопитающих! ¹

* *

*

Климат Казахской складчатой страны как нельзя более благоприятствует занятиям натуралиста. Здесь весну и лето стоят солнечные дни, воздух чист и прозрачен, нет дождей, столь мешающих наблюдениям на Кавказе.

Мне нравилось уходить куда-нибудь подальше в сопки и бродить по их пологим склонам, прислушиваясь к голосам птиц. Над головой время от времени, быстро взмахивая заостренными крыльями, проносятся одиночками, парами и маленькими стайками саджи (по-казахски — бульдуруки), на камнях тревожно чекают чекканы-каменки, на щебнистых площадках бегают с минорным тихим свистом рогатые жаворонки Брандта.

Эта своеобразная птица распространена по всем горно-степным участкам хребтов Передней и Средней Азии, встречается в большом количестве и на крайнем севере — у берегов холодного Ледовитого океана. Наблюдения за рогатыми жаворонками доставляют много удовольствия любителям птиц. Скромно, но нарядно окрашенные, с черными рожками на боках миловидных головок, рогатые жаворонки не относятся к пугливым птичкам, старающимся скрыться от внезапно появившегося человека. Спокойно, мелодично посвистывая, то поднимая, то опуская свои рожки, птички продолжают заниматься своими делами, не обращая внимания на незваного гостя. На этих пустынных сопках, где очень немного певчих птиц, рогатые жаворонки всего более оживляют пейзаж, придают ему своеобразный колорит.

Побродив по сопкам часов до шести вечера, я направлялся к овцеферме, переставлял свои капканы для вечернего улова и, если было еще достаточно светло, опять

¹ С. И. Оболенский. К методике изучения динамики населения мелких млекопитающих. «Зоологический журнал», т. 24, вып. 1, М., 1945.

шел куда-нибудь в сопки. В один из таких вечеров, проходя между скалами, близко спускавшимся к тропинке, я услышал замечательно мелодичную песню какой-то птицы, вызвавшую из закоулков моей памяти отдаленные воспоминания. Где-то, при совершенно иных условиях и среди совершенно иного ландшафта я уже слышал такие же звуки. Вскоре на остром выступе скалы я увидел пестрого каменного дрозда. Подставив яркоохристую грудь еще теплым лучам закатного солнца и поворачивая из стороны в сторону голубовато-серую головку, он самозабвенно выводил звучную мелодию. Признаться, я был удивлен, так как не ожидал в этих сухих невысоких нагорьях услышать и увидеть птицу, хорошо знакомую мне по Дагестану и Дигории.

Солнце совсем уже скрылось за горизонтом, но возвращаться в «Марью» не хотелось. Я спустился поближе к долине и присел под нависшим уступом скалы, вслушиваясь в звуки казахстанской ночи. Из далеких межсопочных ущелий доносилось уханье филина, ниже, у овцефермы, звонко таякали пищухи, слышалась странная, но приятная длинная трель козодоя. А вот и сам певец в бесшумном полете блеснул в сгустившихся сумерках белыми пятнами крыльев.

В другие дни, после окончания препаровки грызунов, я направлялся не к вершинам сопки, а шел в долину, чтобы понаблюдать за зверями и птицами, обитавшими в ней. Почти всегда на обширном солончаке, в полукилометре от «Марьи», мне навстречу вылетал самец кречетки. Красивая птица опускалась шагах в сорока от меня, глухо трещала, приседала к земле и старалась всячески привлечь мое внимание. Если я продолжал идти, откуда-то появлялась самка кречетки, и тогда обе птицы прилагали все усилия к тому, чтобы я их заметил. Ясно было, что кречетки старались увести меня в сторону от находящегося где-то поблизости гнезда.

«Излюбленные места гнездования кречеток,— пишет В. Ф. Рябов, наблюдавший их в Северном Казахстане в Наурзумском государственном заповеднике,— полынно-типчаковые степи или полынные с кокпеками и с голыми глинистыми пятнами на комплексе призматических солонцов с корковыми солонцами. В равной степени кречетки предпочитают и солончаковые участки. В ковыльно-пес-

чаной степи и в степях с лессинговым ковыльком они встречаются лишь по понижениям (рельефа) или склонам плато, выбирая участки с растительностью полупустынного характера»¹.

Проезжая по казахстанским степям поздней весной и летом, путешественник непременно обратит внимание на нарядных кречеток — одних из самых многочисленных птиц. В Центральный Казахстан кречетки прилетают в двадцатых числах апреля (несколько ранее сроков, указываемых В. Ф. Рябовым для Северного Казахстана). Прилетают они сравнительно небольшими стаями — от 20 до 70 птиц в каждой. Прилет кречеток легко регистрируется, ибо в воздухе они часто издают хриплые крики. По прилете кречетки сразу же занимают свои гнездовые участки и разбиваются на пары. Однако, вероятно вследствие превышения количества самцов над числом самок, значительная часть первых остается холостой. Постоянно летом, в конце мая, июне и июле, такие лишенные подруг самцы бродят по степи с места на место, собравшись по 10—15 особей. Вспугиваемые проезжающими по степи людьми, кречетки не улетают далеко, а, вспархивая, снова присаживаются поблизости от потревоживших их экипажей, взмахивают крыльями, приседают, снова вспархивают и т. д. Проделывая эти эволюции, кречетки не забывают и своего основного занятия — поисков и ловли насекомых. То одна, то другая птица, наклонив голову к земле, бежит быстрыми, семенящими шажками за скачущей кобылкой, схватывает ее и, быстро проглотив, продолжает «развлекаться» — сопровождать людей.

В межсопочной долине ниже «Марьи» было много колоний сусликов, что привлекало хищников, питающихся этими грызунами. Наиболее многочисленными здесь были степные орлы.

¹ В. Ф. Рябов. К экологии некоторых степных птиц Северного Казахстана по наблюдениям в Наурзумском заповеднике. «Труды Наурзумского заповедника», вып. 2, М., 1949.

Утром, как только земля достаточно прогрелась солнцем и суслики вылезали для кормежки из нор, над колониями зверьков появлялись орлы. Они внезапно налетали на зазевавшегося зверька, схватывали его и, не улетая далеко, проглатывали добычу. Если же суслик, заметив приближающегося врага по его тени, скрывался в нору, орел опускался вблизи нее и, словно превратившись в каменное изваяние, часами ожидал удобного момента, чтобы повторить нападение.

Кроме орлов, вблизи овцефермы за сусликами охотились и канюки-курганники, которых было много меньше, чем орлов. Однажды в нешироком ущелье вблизи от «Марьи», на отвесном скалистом обрыве одной из сопок, мы нашли гнездо курганников. Добраться до гнезда оказалось просто, так как скала, на которой оно помещалось, отвесно обрывалась только в сторону ущелья, а с другой стороны к ней подходила пологая сланцевая гряда. В гнезде (это было 9 июня) сидело три птенца, покрытых пухом и пеньками перьев, начинавшими раскрываться. Когда мы подбирались к гнезду, взрослые птицы кружились над нами, не решаясь подлетать особенно близко, и все время издавали жалобные и хищные крики-канючье. Птенцы при нашем приближении топорщили перья, щелкали клювом и, опрокидываясь на спину, угрожали нам когтями. На краю гнезда, около его лоточка, валялись остатки пищи. Здесь были обрывки шкурок и лапок сусликов, задняя нога большого земляного зайца, крыло селезня чирка-трескунка, обрывки шкурки горлинки.

* *

*

За работой две недели на овцеферме «Марья» пролетели незаметно, до странности быстро.

Пришло время отъезда. Мы погрузили вещи на маленькую одноконную бидарку и, сопровождая ее, пешком отправились на станцию Жарык. А через день мы были уже на месте нашей постоянной работы — на Карагандинской сельскохозяйственной опытной станции. Нашим товарищам по зоологической лаборатории станции особенно понравились привезенные тушки маленьких пищух.

ЧЕРНЫЕ ЖАВОРОНКИ

Почти единственные птицы, оживляющие зимний пейзаж безграничных степей Центрального Казахстана, нарушающие безмолвие его снежных пустынь в продолжение более чем пяти месяцев в году, — черные жаворонки.

Большими и малыми стайками летают черные жаворонки над снежными сугробами, бегают по едва вырисовывающимся из-под снега узким дорогам, перепархивают с места на место на овечьих тырлах¹, неотступно следуют за тебенюющими стадами².

Каждый, кто бывал в степях Казахстана зимой, встречал стайки этих черных птичек — скромное украшение зимнего ландшафта...

Конец февраля — первые числа марта; до весны еще целый месяц. Везде лежит сплошной плотный сверкающий снег. Морозы в некоторые дни доходят до 30 градусов. Над степью серебристыми дымками курится поземка. Свирепствуют метели и бураны. Но черные жаворонки — исконные обитатели этих снежных равнин — уже чувствуют приближение весны, первые признаки которой — удлинение дня, более яркий свет солнца.

Все чаще и чаще черные птички, пока еще несмело, вполголоса, начинают щебетать свои песенки. Наблюдая за стайкой жаворонков, кормящейся в начале марта где-нибудь на занесенной снегом дороге, видишь, как то один то другой, а иногда несколько одновременно поднимаются в воздух и летают над своими нахохлившимися от холода товарищами «весенним», особенным полетом. Холодно. Ледяной ветер ерошит перья летающих птиц, но они не обращают на него внимания и пытаются перекричать завывание выюги. Быть может, именно поэтому черный жаворонок, караторгай, постоянный спутник тебенюющих стад, первый вестник весны, любимая птица казахов, воспеваемая в стихах и прозе.

Наступает долгожданная весна. Ее начало в Центральном Казахстане падает обыкновенно на первые числа апреля. В несколько дней устанавливается теплая погода, лучи весеннего солнца сгоняют со степи снег, наполняют

¹ Тырло — расчищенная от снега площадка, на которой кормят сеном домашних животных.

² Тебеневка — пастьба скота зимой. Животные сами добывают себе корм, разгребая копытами снег.

талой водой ложбинки и впадины, небольшие степные речки. Еще несколько дней и развертываются почки кареганы, появляются тонкие травинки, бледно-розовые звездочки мелких степных тюльпанов. Двадцатые числа апреля, короткая казахстанская весна в полном разгаре.

Стаи птиц с наступлением весенних дней рассыпаются, разбиваются на пары и занимают гнездовые участки. В это время черные жаворонки особенно деятельны. С раннего утра и до поздних сумерек угольно-черные, издали похожие на скворцов самцы токуют возле скромно одетых в тусклосерый наряд подруг. Караторгай с песней поднимается в воздух и летает зигзагами и кругами невысоко над землей, сильно взмахивая крыльями. Крылья при этом поднимаются вверх так, что их углы ударяют друг о друга, а жаворонок после каждого взмаха парит в воздухе, планируя книзу. Снова несколько обычных взмахов крыльями, потом снова сильный взмах и опять планирующий спуск. Этот токовой полет черных жаворонков настолько оригинален, что его невозможно смешать с полетом других птиц. Особенно эффектны брачные полеты черных птичек в самом начале спаривания, когда над степью летают одновременно 10—15 самцов. Такие воздушные эволюции черные жаворонки-самцы проделывают не только в период спаривания, но и позднее, когда самки уже сидят на яйцах.

Излюбленные и наиболее характерные для черных жаворонков гнездовые места — глинистые полынно-типчаковые плоские и сухие степи с редкими кустиками солянок и морской полыни, вблизи солонцов, лишенных всякой растительности.

При занятии гнездовых участков общественные инстинкты черных жаворонков проявляются в большей степени, чем у остальных видов семейства, и пары их обыкновенно поселяются близко одна от другой.

Гнезда устраиваются в неглубоких ямках под защитой кустика ковыля или полыни. Из травинки и другого мягкого растительного материала в такой ямке сооружается очень рыхлое и непрочное гнездо. Полные кладки яиц черных жаворонков я находил во второй половине мая. В начале июля все молодые жаворонки покидают гнезда и собираются в стаи.

Период линьки старых птиц начинается сразу же после окончания забот о потомстве, то есть в июле. Молодые

птицы в гнездовом наряде окрашены, как и взрослые самки, но более тускло и бледнее последних. У молодых самцов черное оперение начинает появляться почти сейчас же после оставления гнезда; во второй половине июля постоянно встречаются чернопестрые птицы — самцы, надевающие свой взрослый наряд.

Обитающие в сухих безводных степях черные жаворонки, повидимому, зачастую могут обходиться без воды, довольствуясь выпадающей ночью росой и влагой, получаемой с пищей — листьями растений и насекомыми. Если же поблизости от мест обитания черных жаворонков находятся непересыхающие водоемы, то птицы часто летают на водопой и пьют помногу.

Черная окраска самцов обуславливает сильное поглощение солнечных лучей и перегревание птиц. Поэтому самцы сильно страдают от жары. В полуденные часы они становятся мало подвижны, подпускают людей вплотную и лежат, раскрыв клюв и распутив крылья, под низенькими кустиками степных растений, почти не дающими тени.

Летом на местах гнездовий эти жаворонки, если бы не их черное оперение, резко контрастирующее с белой окраской солонцов и бледножелтой выгоревшей степной растительностью, были бы весьма мало приметными птицами. Они реже остальных видов жаворонков поднимаются с пением в воздух, да и само их пение — лишь негромкое чириканье с редкими малозвучными свистовыми трелями. Большую часть дня черные жаворонки бегают среди редких кустиков травы, клюют семена растений, гоняются за кобылками, ловят черных жуков-медляков.

В летние дни, на заходе солнца, черные жаворонки чаще, чем их родичи, «купаются», чтобы избавиться от досаждающих им наружных паразитов, в пыли дорог или в рассыпающихся в порошок вздутых пухлых солончаков, напоминая этим представителей куриных.

«Купающаяся» птица заметна издали по облачку пыли над ней. Когда подходишь ближе, жаворонок неохотно встает, сильно встряхивается, взмахивает несколько раз крыльями и уж потом немного отбегает или отлетает в сторону.

В казахстанских степях у черных жаворонков хоть и немного, но есть враги. Яйца, птенцов, а при случае и взрослых птиц, поедают ежи, степные хорьки, корсаки и

лисы. Я наблюдал несколько раз также дербников¹, гонящихся за жаворонками. Осенью и весной в период перелетов к дербникам присоединяются чеглоки и ястреба-перепелятники. Зимой незначительное количество черных жаворонков погибает, попадая в лапы филинов и белых сов. (Однажды в желудке убитого зимой филина я обнаружил двух жаворонков).

После окончания летней линьки как старые, так и молодые самцы получают оперение не черное, а с сероватым или охристым оттенком, так как вершины перьев имеют палево-бурые каемки, особенно светлые на плечах, голове и надхвостье. Весной дополнительной линьки у жаворонков не происходит, а однотонный угольно-черный цвет оперения поздневесенних и летних птиц обуславливается полным обнашиванием светлых каемок перьев. Черное оперение жаворонков совершенно лишено блеска, характерного для скворцов². Окрашивание клюва в молочно-белый цвет начинается со второй половины зимы, у осенних птиц клюв имеет темный оттенок.

Молодые жаворонки и линяющие взрослые группируются с конца августа — начала сентября в более или менее крупные стаи и начинают осенние кочевки. Сначала эти стаи придерживаются районов гнездовья, странствуя в поисках кормных мест на ограниченных участках степей, но после того, как установится снежный покров, что обычно происходит в середине ноября, совершают более далекие перекочевки. Сегодня, например, можно встретить огромное скопление черных жаворонков у какого-нибудь поселка, где они сотнями бегают по дорогам и тырлам, а завтра не увидишь в этих местах ни одной птицы. Пройдет несколько дней или недель и отлетевшие стаи появляются снова и т. д.

Примерно с конца сентября стаи жаворонков разделяются по половому признаку, и вплоть до наступления весенних дней стаи черных самцов держатся отдельно от стай серых самок. Исключительно редко в это время можно увидеть птичек другого пола в таких однополых стаях.

Зимние стаи черных жаворонков, как правило, не бывают особенно большими (видимо, это зависит от трудно-

¹ Дербник — мелкий соколог.

² На севере Казахстана русское население смешивает этих птиц и зовет черного жаворонка шпаком, то есть скворцом.

сти добывания корма). Обычно в них насчитывается по 30—40 птиц. Днем на особенно кормных местах, например на овечьих тырлах, у зимних загонов для скота, на больших оживленных дорогах, часто объединяется несколько стай, но с наступлением ранних зимних сумерек каждая группа жаворонков улетает на ночевку отдельно от других. Интересно, что при таких сборищах стай во время общих кормежек черные самцы держатся в некотором отдалении от самок, собирая корм в нескольких десятках шагов от них.

В течение всей зимы черные жаворонки, в противоположность тому что наблюдается летом, очень деятельны и весьма подвижны. Стаи птичек с чириканьем летают с места на место, опускаются на рыхлый, пушистый снег, проваливаются в него, клюют семена с торчащих из-под снега стеблей высоких растений, шумной гурьбой, почти никогда не ссорясь друг с другом, набрасываются на кучки конского навоза на дорогах.

Крепкие клювы черных жаворонков, их легкая приспособляемость к любой пище позволяют им переживать, не в пример прочим видам семейства, самые неблагоприятные условия: морозы, доходящие иногда до 50 градусов, бураны, периодическую бескормицу, вызываемую, в основном, сильными снегопадами.

За время пребывания в Центральном Казахстане я ни разу не находил черных жаворонков, погибших от непо-

годы и голодовок, что весьма часто происходит со случайно остающимися здесь на зимовку полевыми жаворонками.

Мне много раз приходилось препарировать черных жаворонков, добытых в самые суровые зимние месяцы — в январе и феврале. Всегда птички были в достаточной степени упитаны, под кожей имели жировые отложения. Клюв черного жаворонка так крепок, что птица без особого труда разгрызает даже семена кураев (высокие кусты этих растений не заносит самый глубокий снег).

К концу зимы небольшие стаи черных жаворонков объединяются, и в этот период некоторые из них насчитывают по несколько сотен птиц.

Я уже имел случай писать¹, что у черных жаворонков, так же как и у некоторых других птиц, имеется особое «барометрическое» чувство, позволяющее им предвидеть изменение погоды. «Предчувствие» птицами наступления буранов очень ярко выражено у зимующих в Центральном Казахстане черных жаворонков и рюмов. Перед началом бурана, часов за 12—16, можно видеть стаи и стайки этих птиц, летящих от надвигающегося бурана.

Будучи большим любителем певчих птиц, я неоднократно во время своего пребывания в Казахстане держал дома черных жаворонков. Мне приносили их во второй половине зимы — в феврале и в начале марта. У меня не было клеток для птиц, и я помещал жаворонков на окне между рамами. (Большинство жилых строений в Центральном Казахстане сооружается из саманных кирпичей. Стены построек очень толстые и пространство между рамами поэтому имеет в ширину около полуметра.)

На первое время я подвязывал жаворонкам крылья. Птички (я их всегда держал по несколько штук вместе) сразу же начинали клевать корм — семена проса, конопля, овса и ячменя; быстро привыкали к моему присутствию и не метались за окном. Дней через пять я развязывал им крылья. Ни разу ни один из них не начинал петь. Они тихонько бегали, клевали корм, чирикали, переговариваясь друг с другом, но большую часть времени проводили сидя неподвижно у наружного стекла и пе-

¹ Л. Б. Бёме. Некоторые особенности биологии птиц Центрального Казахстана. «Бюллетень Московского общества испытателей природы», отд. биологии, т. 5, М., 1950.

чально глядя в степь. Наблюдения за малоподвижными и тоскующими птицами навевало и на меня тоскливое чувство, и я с наступлением весенних дней, когда в степях таял снег, когда появились летящие с юга утиные стаи, а по утрам из бледнолазоревого неба начали раздаваться бодрые трели полевых жаворонков, выпустил моих черных пленников в их родное приволье.

Нельзя почувствовать прелести каменистых ущелий Дагестана без звонкого кудахтанья на его желтых скалах горных курочек — кекликов; безжизненными будут березовые рощи над тихими заводами Москвы-реки, Оки и Клязьмы без флейт иволг и задорного «боя» зябликов; печальными и унылыми казались бы глухие рамени¹ и сосновые боры, не оживляемые писком синиц, стуком и клеканьем желны. Так и черные жаворонки — эндемичные² птицы Казахстана — составляют неповторимую прелесть, оживляют, придают особый колорит степям и полупустыням Казахстана. Я полюбил этих птичек, люблю вспоминать их черные силуэты на снежных сугробах и зимних дорогах этой страны.

РОЗОВЫЕ СКВОРЦЫ

Обожествление птиц, чудесных «детей воздуха», было широко распространено среди народов разных стран. Ибисы в древнем Египте, голуби у евреев и римлян, павлины и майны у индусов, белые журавли у японцев, маленькие изящные горлинки «мусульча» у узбеков — все это «священные» птицы, о которых созданы легенды, поветствующие об их «божественном» происхождении, необыкновенных качествах.

Однако ни одна из птиц не пользовалась таким почитанием, как розовый скворец, который считался священным у народов Средней Азии, Закавказья и Ирана. Особенности поведения розовых скворцов, изумляющих современных натуралистов, не могли не вызывать какого-то мистического восторга в древности.

¹ Рамени — темные еловые леса.

² Эндемичные птицы или звери, свойственны только какой-либо определенной области (стране) и за ее пределами не встречаются.

В прошлом, когда земледельцы были бессильны бороться с массовыми вредителями посевов, саранчовые уничтожали в некоторые годы львиную долю урожая и обрекали население на голод. Но вот, когда, казалось, спасения урожая ждать уже неоткуда, внезапно налетали тучи розовых скворцов и истребляли полчища саранчи. Поэтому-то розовые скворцы — спасители хлебов, избавители от голода, — по наивным представлениям древних, считались посланцами доброжелательного божества.

Для нас розовые скворцы, конечно, не священные и не «посланцы» несуществующих богов, но и мы должны признать огромную роль этих птиц в борьбе со многими саранчовыми.

Можно восторгаться прекрасным оперением павлинов, некоторых фазанов, колибри, можно любить соловьев и дроздов за чудное пение, можно испытывать особую нежность к радостным вестникам весны — скворцам, жаворонкам, можно ценить ласточек, чижей за их милую внешность и веселый нрав, но розовых скворцов ценят, любят, ими восторгаются за их деятельность, полезную для сельского хозяйства. Розовых скворцов не только любят и ценят, но, если бы это были не птицы, можно было бы сказать — их уважают.

Возможно, что некоторые виды птиц приносят народному хозяйству, нашим лесам, садам и посевам не меньшую пользу, чем розовые скворцы. Синицы, поползни, совы, многие дневные хищники регулярно, изо дня в день, очищают культурные земли от вредных насекомых и грызунов. Однако ни один вид так наглядно и так необыкновенно быстро не устраняет грозной опасности для посевов, как розовые скворцы; в этом отношении они не имеют себе равных!

Розовые скворцы распространены на обширной территории Восточной Европы и юго-западной Азии. У нас в СССР они обитают в период гнездования на Кавказе и в Закавказье, в среднеазиатских республиках, в Казахстане и Западной Сибири, реже встречаются они также в Поволжье, черноземных областях и на Украине. Зимуют они проводят в Индии, Передней Азии и на Цейлоне.

По размерам примерно такие же, как наши обыкновенные черные скворцы, розовые гораздо наряднее благо-

даря сочетанию в окраске удивительно нежных и блестящих тонов. Голова, шея, крылья и хвост у самцов черные с интенсивным сине-фиолетовым блеском. Все остальное оперение нежно-розово-лососевого цвета, более яркого на боках и груди; на голове мягкий хохол из ярких длинных перьев. Расцветка оперения самок такая же, как и у самцов, но черный цвет у них без блеска, с буроватым оттенком, а розовые тона более тусклые. Хохол у самок развит значительно слабее.

Соединение блестяще черного и нежно-розового цветов дает замечательное сочетание. Из большого количества картин, которые я наблюдал в природе, одна из самых чудесных, на долгие годы запечатлевшаяся в памяти, была связана с розовыми скворцами.

Много лет назад мы коллектировали птиц в прикаспийских степях Предкавказья. Несколько дней мы жили в небольшом поселке Терекли-Мектеб. Около этого поселка лежит озеро, на его берегу небольшая роща из старых дуплистых ив и тополей. В эту рощу и в тростники, густой стеной поднимающиеся по берегам озера, каждый вечер из окрестных степей прилетали на ночлег стаи розовых скворцов. Их было много, стаи летели непрерывно одна за другой и к закату солнца на деревьях собиралось до тысячи птиц. Наблюдал я все это в мае, когда у розовых скворцов оперение еще не обношено и окраска сохраняет полную свежесть. Скворцы, громко вереща, тесными рядами усаживались на верхних ветвях деревьев, и эта картина сидящих на раскидистых ветвях черно-розовых птиц, озаренных предзакатными лучами степного солнца, была поистине прекрасна. Казалось, темная листва деревьев перевита волшебными муаровыми лентами. А когда время от времени скворцы, как бы по команде, поворачивались на ветвях, розовый цвет на мгновение заменялся блестяще черным...

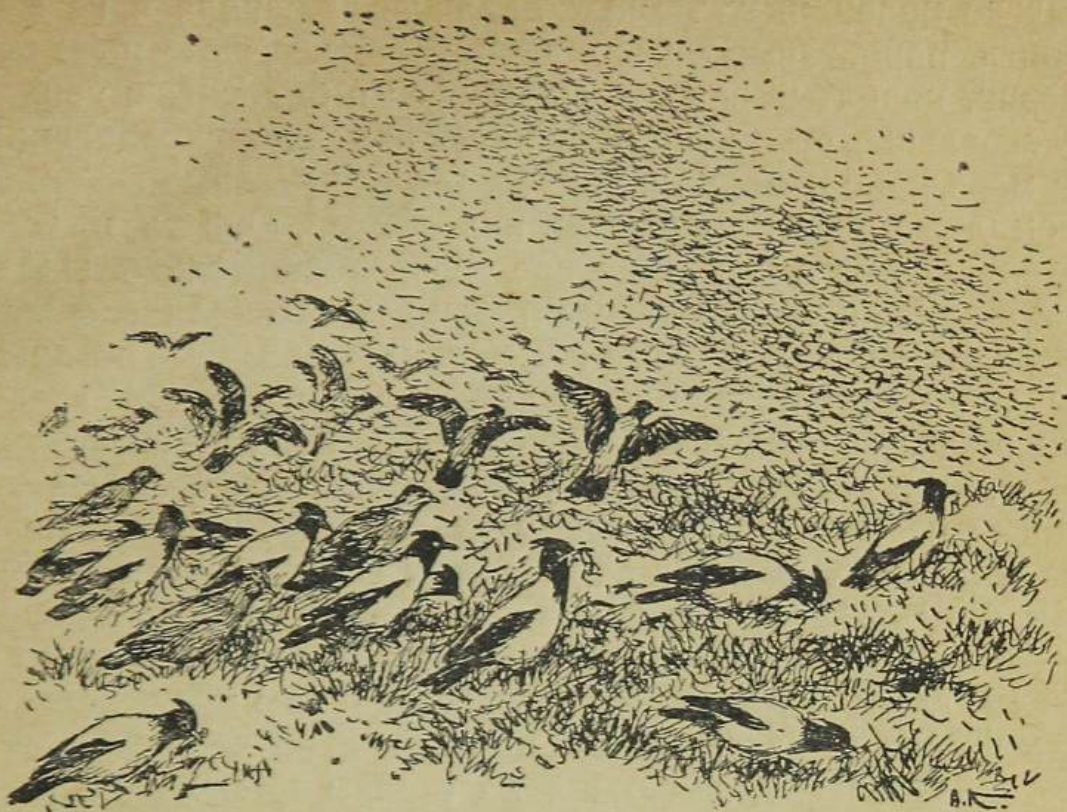
Я познакомился с розовыми скворцами давно, много видел их во время своих поездок по Кавказу, неоднократно находил их гнездовья, наблюдал их нападения на саранчу, но оценил этих птиц в полной мере лишь тогда, когда мне пришлось столкнуться с ними снова в Центральном Казахстане, когда довелось, если можно так выразиться, работать совместно с ними.

Значению розовых скворцов как истребителей саранчи посвящена очень содержательная и интересная статья

М. К. Серебренникова¹, в которой описываются наблюдения, произведенные в Узбекистане. В этой статье автор на основании своих исследований делает заключение о том, что в противоположность легенде, распространенной среди арабов и турок в Малой Азии, розовые скворцы не просто истребляют саранчу, а питаются ею. Турецкая же легенда говорит, что «розовый скворец сначала убивает 99 штук насекомых, а затем уже съедает одного из них». «Поведение розовых скворцов,— пишет Серебренников,— подчиняется и управляется прежде всего инстинктом «стадности». Колоссальные стаи птиц носятся весь день над степью, то слетаясь и соединяясь в настоящие тучи, то распадаясь на более мелкие стайки. Опускаясь на кулиги неокрыленной саранчи, скворцы бегут в каком-нибудь одном направлении и клюют саранчуков. Обычно передние ряды спешат и бегут быстрее задних. Последние, не желая отстать, взлетают и опускаются среди передних, продолжая бежать, подгоняемые общим увлечением охоты и погони за добычей. Иногда, найдя где-нибудь в стороне более плотные массы саранчи, стая меняет направление и устремляется туда. Снова задние ряды скворцов взлетают и опускаются среди передних или впереди их. Эти перелеты и взлеты скворцов напоминают перекачивание волн и ввиду громадных масс птиц, производят сильное впечатление.

Так, взлетая и перекачиваясь, двигаются стаи розовых скворцов в погоне за добычей... С утра, когда птицы еще голодны, они все в одинаковой степени заняты кормежкой. Вскоре, однако, среди стаи начинают находиться некоторые птицы, которые уже не кормятся более. На ходу, не отставая от прочих, они принимаются чиститься, часто они не прочь затеять небольшую ссору, вызывая общий гвалт. Но драчливое настроение проходит быстро, и птицы снова бегут вместе с остальными. Иногда вся стая взлетает и при общем крике и щебете носится некоторое время низко над землей, чтобы где-нибудь неподалеку снова опуститься на саранчу. Сытые птицы уже не могут поглощать саранчуков, но, не желая покидать стаю,

¹ М. К. Серебренников. Розовый скворец, его образ жизни и экономическое значение в Узбекистане. Изд. Наркомзема УзССР, Узбекистанская опытная станция защиты растений, Ташкент, 1950.

в силу инстинкта «стадности», они продолжают бежать вместе с остальными и, схватив под общим настроением добычу, не проглатывают ее, а бросают (подчеркнуто мною.— Л. Б.).

Этим и объясняется возникновение легенды, очень распространенной среди населения восточных стран. По данным цитируемого автора, розовые скворцы, которых он держал короткое время в условиях неволи, за день съедали около 200 штук крупных саранчуков, М. К. Серебренников полагает, что при естественных условиях, будучи принуждены постоянно двигаться, розовые скворцы нуждаются в еще большем количестве добычи.

Прилетая с зимовок, стаи розовых скворцов первое время питаются у северных границ своего распространения самыми разнообразными насекомыми, так как саранчовых в весенний период в степях еще нет. Южнее розовые скворцы, прилетая в первых числах мая, уже встречают отродившуюся саранчу первых возрастов и сразу же нападают на нее. Интересное описание прилета розовых скворцов мы находим у М. К. Серебренникова: «Седьмого мая я ехал в Чаткальский хребет, пересекая Дальверзинскую степь (в Узбекистане, в районе Ташкента.— Л. Б.). В стороне над степью мне бросилось в глаза не-

сколько подвижных темных облачков. Сначала я не мог понять, паровозные ли это дымки или лёссовые пыльные смерчи, поднятые ветром. Посмотрев в бинокль, я увидел колоссальные стаи птиц. Пришлось изменить направление. По мере приближения я увидел, что это розовые скворцы. Громадные стаи их носились над степью. Они то и дело опускались на землю и вскоре снова поднимались. Подъехав ближе, я увидел действительно тучи скворцов...»¹.

Через некоторое время после прилета розовые скворцы оседают на местах, облюбованных для постройки гнезд. Эти общественные птицы часто гнездятся огромнейшими колониями, устраивая гнезда одно подле другого. Излюбленные места, где гнездятся розовые скворцы,— неглубокие ущелья гор и сопок с отвесными обрывами, в которых есть много трещин, выбоин, щелей или просто больших каменистых осыпей. Однако при отсутствии всего этого в районе, где много саранчи, розовые скворцы могут устраивать гнезда и, казалось бы, в совершенно неподходящих местах. Однажды, проезжая по степям Ставропольского края, я обнаружил большую колонию розовых скворцов, гнездящихся в штабелях сложенного для просушки кизяка и самана.

Центральный Казахстан — район моих наблюдений над образом жизни розовых скворцов — лежит у северных пределов их распространения; здесь прилет и гнездование скворцов — явление относительно редкое и нерегулярное.

В 1940 году я лишь однажды отметил пару самок розовых скворцов, а в 1941 году эти птицы совершенно отсутствовали. В 1942 и в 1943 годах розовые скворцы наблюдались много раз небольшими стайками в период май — сентябрь. Они охотились за разрозненными и немногочисленными в эти годы саранчовыми в полынных степях. Наконец, в 1944 году и особенно в 1945 году огромные стаи розовых скворцов наводнили беспредельные степи всего Центрального Казахстана.

Это непостоянство гнездования розовых скворцов в районе моих наблюдений находит полное объяснение при сопоставлении количества птиц с периодами массо-

¹ М. К. Серебренников. Розовый скворец, его образ жизни и экономическое значение в Узбекистане. Изд. Наркомзема УзССР, Узбекистанская опытная станция защиты растений, Ташкент, 1950.

вого размножения саранчовых, в частности главного их вида — итальянской саранчи, или пруса. В 1940—1943 годы пруса в сухих степях Казахского мелкосопочника было очень немного, он нигде не образовал плотных стай (кулиг) и был одиночной кобылкой. В 1944 году началось его значительное размножение. Кулиги пруса встречались в течение всего лета, но держались в целинных, невозделываемых степях и сельскому хозяйству не угрожали. Однако в конце июня — начале июля Карагандинская область была наводнена огромными массами пруса, прилетевшими со стороны Бет-Пак-Далы и Чуйской степи. В некоторые дни разрозненные стаи летали над степями по 8—10 часов непрерывно, причем каждая кулига занимала полосу шириной до пяти-шести километров. В таких кулигах насчитывались миллиарды насекомых. Часть их по разным направлениям улетела дальше, но очень многие кулиги задержались и отложили свои кубышки¹ в тех степях, где я производил наблюдение. Некоторое представление о количестве пруса в это время могут дать следующие цифры. В 1944 г. при осеннем обследовании на некоторых участках было подсчитано до 6 000—7 000 кубышек на один квадратный метр площади залежи! Это означало, что следующей весной на таком квадратном метре должно было отродиться самое меньшее около 210 тысяч прусиков!

В 1945 году могла создаться очень опасная обстановка для сельского хозяйства Карагандинской области, в основном базирующегося на поливном земледелии, очень трудоемком и дорогостоящем.

Наша организация защиты растений от вредителей оказалась на достаточной высоте. Заранее были приняты разработанные наукой и проверенные практикой меры борьбы с прусом, мобилизованы специалисты и средства борьбы. В результате проведенных истребительных и защитных работ процент посевов, поврежденных прусом в

¹ Самки саранчовых делают брюшком, подгибая его под прямым углом вниз, ямку в сухой и мягкой почве, куда откладывают порцию яиц в количестве 20—50 штук и одновременно выпускают клейкую, тягучую жидкость, цементирующую яички, склеивающую их друг с другом. Жидкость скоро затвердевает, к ней прилипают частицы почвы и мельчайшие песчинки. Образуется земляной футляр, или мешочек, цилиндрической, несколько изогнутой формы, внутри которого находятся яички. Это и есть кубышка. Для каждого вида саранчовых характерны своя форма, величина и строение кубышки.

1945 году, выразился в Центральном Казахстане в цифрах, не имеющих серьезного хозяйственного значения. Площади посевов были ограждены от саранчи, она не была допущена к ним, но понятно, что истребить всю массу пруса в беспредельных степях Казахстана было невозможно — слишком много на это потребовалось бы рабочей силы, ядохимикатов, времени и труда. И вот тогда-то на помощь работникам сельского хозяйства прилетели розовые скворцы.

Появившись в Карагандинской области в значительном количестве весной 1944 года как бы в «предчувствии» залета пруса, они гнездились в сопках в обычных для них условиях. Весенний прилет розовых скворцов в 1945 году был зарегистрирован мною для станции Жарык Карагандинской железной дороги 18 апреля. Птицы, как обычно, появились огромными стаями, летали над степями, кормились, присаживаясь на землю, и улетали дальше.

Примерно с 1 мая количество розовых скворцов стало увеличиваться. К полудню птицы, кормившиеся в открытой степи и насытившиеся, прилетали к поселкам, пили воду из арыков оросительной сети, отдыхали на приарычных деревьях, купались. К концу мая розовые скворцы обосновались у своих гнездовий в сопках. В эти дни лишь небольшие стайки птиц, возможно состоявшие из холостых особей, прилетали в дневные часы к поселкам.

Отрождение пруса из кубышек было зарегистрировано мной в 1945 году 23 мая. Сейчас же по выходе личинок с ними была начата борьба и посевы от повреждений были ограждены. В это же время на кулиги вблизи поселков налетали стаи взрослых розовых скворцов, выкармливавшие птенцов. Однако небольшое количество птиц, несколько помогавшее истреблению пруса, серьезного значения не имело.

Первые вылетевшие из гнезд молодые скворцы отмечены мной 1 июля¹. 4—5 июля происходил массовый вылет молодых и с этого времени тысячи розовых скворцов приняли участие в истреблении полчищ пруса. Огромные стаи птиц уничтожали саранчу у посевов, в непосредственной близости от поселков, но еще большее количество их

¹ От взрослых они легко отличаются по тусклой желтовато-серой окраске оперения.

напало на пруса в невожденной степи. В это время в районе, о котором идет речь, прус уже окрылился и в деятельности описываемых птиц появились некоторые новые черты.

Когда кулиги пруса, подвергшиеся нападению розовых скворцов, поднимались в воздух, птицы устремлялись за ними. Все вокруг наполнялось шуршанием крыльев саранчи, криками и верещанием птиц, шумом от столкновения гонимых насекомых друг с другом. Скворцы хватали и сбивали летящих насекомых, опускались с ними на землю, и снова, поднимаясь, преследовали летящие кулиги. В результате этих неотступных нападений прус снижался, садился на землю и описанная картина повторялась сызнова... Тысячные стаи розовых и серых птиц, неисчислимы массы насекомых, непрерывное столкновение их производило впечатление какой-то разыгравшейся стихии.

В это время среди молодых скворцов было еще много, не вполне окрепших и не приспособившихся к погоне за верткой живой добычей. По два, по три они неотступно следовали за родителями, а те, схватив саранчука, быстрыми движениями отрывали у него жесткие надкрылья, ножки и очищенного торопливо совали в клюв птенца...

Кулиги пруса у поселков, разреженные к этому времени истребительными мероприятиями, были полностью ликвидированы благодаря скворцам, и угроза посевам миновала. Не меньшее значение имела деятельность птиц в целинных степях, где борьбу с саранчой мы не вели.

Огромнейшее количество пруса было истреблено розовыми скворцами, кулиги рассеяны и разогнаны. Осеннее обследование залежей кубышек пруса во всем районе моих наблюдений, занимавшем сотни квадратных километров, нигде не обнаружило следов массовой откладки яиц саранчи в количестве, угрожавшем посевам.

Таков был итог грандиозной «работы» розовых скворцов. Покончив с прусом, стаи розовых скворцов держались еще некоторое время у поселков и в степи, но в гораздо меньшем, чем раньше, количестве. В течение августа постепенно уменьшалось количество скворцов, а в начале сентября последние их стайки отлетели на зимовки.

Розовых скворцов редко держат в неволе, хотя их чудесное розовое оперение, задорный и бойкий нрав мог бы доставить любителям пернатых большое наслаждение. А. Е. Брэм, к книгам которого приходится обращаться до настоящего времени, чтобы получить данные о жизни птиц в условиях неволи, пишет следующее: «Пение розового скворца, которое я слышал от живших у меня в клетках птиц, представляет не что иное, как хриплую болтовню, в которой призывные хриплые звуки являются самыми приятными. Остальные—каркающие и трескучие, нечто вроде «эч-печ, рич-риц, шерр-цирр» и т. д.... Розовый скворец в клетке приручается так же хорошо, как и обыкновенный, и так же подвижен и деятелен, как последний».

Заканчивая очерк о розовом скворце, нужно сказать, что эта птица — замечательный истребитель саранчовых — не без «греха». В конце лета розовые скворцы иногда приносят вред садам и виноградникам. Особенно страдают от них урожаи шелковицы (тутовника), приторно сладкие ягоды которой очень любят эти птицы. В период зимовки розовые скворцы опустошают рисовые поля Индии. Но там же, в западных провинциях Индии, они помогают вести борьбу с тучами странствующей саранчи-шистоцерки.

Мне кажется, что в наших условиях, особенно в районах поливного хозяйства Казахстана, Туркмении, Узбекистана, Армении и Азербайджана, где ежегодно можно ждать массового появления саранчовых, где природные условия сильно затрудняют проведение истребительных работ на огромных участках отрождения вредителей, роль розовых скворцов не может преуменьшаться. Да и, наконец, кто может с точностью подсчитать, положив на чаши весов пользу и вред, приносимые этими птицами. Каждый натуралист, который, как я или М. К. Серебренников, наблюдал розовых скворцов, всегда будет относиться к ним с уважением и любовью.

ГОРНЫЕ КИРГИЗСКИЕ ЧЕЧЕТКИ

Академик Петр Петрович Сушкин после своих путешествий в «Среднюю Киргизскую Степь» (1894 и 1898 гг.), изучая коллекции птиц, собранные им, описал в 1925 году новую географическую разновидность горных чечеток, ко-

тую он назвал киргизской горной чечеткой. Эта птичка имеет любопытнейшие особенности.

Горные чечетки, как говорит само название этих пернатых, — обитатели горных стран. Ландшафт, среди которого натуралисты обыкновенно наблюдают их, — это уходящие в облака горные вершины, зубцы скал, каменистые ущелья. А вот киргизская горная чечетка живет в беспредельных просторах степей Центрального Казахстана, бок о бок с кречетками, черными жаворонками, степными журавлями. Когда я впервые в открытой степи услышал характерный щебет, я, даже зная описание Сушина, не поверил своим ушам, столь необыкновенным показалось пребывание этих, давно известных мне по Кавказу, хорошеньких птичек среди ковылей, кураев и полыни.

Большую часть времени, проведенного в Центральном Казахстане, я жил в маленьком домике, в полутора километрах от поселка и в полукилометре от огородов и полев, охранять которые от грызунов и насекомых было моей обязанностью. Мой домик был совсем маленький, с плоской соломенной крышей, обмазанной глиной. Под этой крышей гнездились домовые и полевые воробьи, над крыльцом строили лепные гнезда деревенские ласточки, и ежегодно пара чекканов-каменок поселялась в круглой дыре одной из стен. Около домика в два ряда стояли конные опрыскиватели и опыливатели — мои орудия производства, а вокруг на десятки километров простирались плоские глинистые типцово-ковыльные и типцово-полынные степи.

По вечерам, сидя на пороге домика, я слышал звонкое тьяканье пищух, предвечернее курлыканье степных журавлей, незамолкающие почти круглые сутки трели жаворонков. Никуда не отходя от своего дома, я мог отмечать и первое появление весной утиных стай, пронесившихся со свистом крыльев надо мной, и прибытие кречеток, пролетавших с трещащими отрывистыми криками, и возвращение с зимовок щебечущих стаяк горных чечеток.

Самыми маленькими, привлекательными и милыми из моих четвероногих и пернатых соседей были горные киргизские чечетки.

Весенние стайки горных чечеток появляются в Центральном Казахстане в то время, когда едва начинают освобождаться из-под снега обращенные на юг склоны,

то есть в последних числах марта. Раньше их прилетают только серые вороны, галки, а из мелких певчих птиц — полевые жаворонки и обыкновенные и белошапочные овсянки. Прилетают чечетки небольшими стайками, и первое время по возвращении в свои родные степи, испытывая трудности в добывании пищи, все время летают в разных направлениях, разыскивая торчащие из снежных сугробов высокие стебли сорняков, семена которых весной — единственный доступный для них корм. Появление горных чечеток легко заметить, так как летящие в стайках птицы постоянно издают щебечущие призывные крики.

Весеннее тепло в несколько дней освобождает степи от зимнего покрова, корма для чечеток становится вдоволь и непоседливость их кончается. В середине апреля устанавливается теплая погода, появляются зеленые ростки трав. Недели через две-три после прилета стайки чечеток начинают распадаться, птички облюбовывают участки для гнездовья и обосновываются на них. В начале мая у чечеток образуются пары.

Возле моего домика находилось несколько полузасыпанных довольно глубоких канав-траншей, оставшихся после хранения буртов картофеля. Склоны этих канав, густо заросшие высоким чертополохом, репейником, лебедой, белладонной, всегда привлекали чечеток. В весенние дни на этих сорняках часто токовало по нескольку пар птичек. Брачная игра — ток чечеток — происходит следующим образом. Самочка обычно устраивается на кучке земли у верхнего края канавы, а самец, реже два самца, летает вокруг нее, все время щебеча. Полет самцов во время токования напоминает несколько полет лесного конька, когда последний, набрав предельную высоту, распустив хвост и подняв его под углом, опускается, планируя по косой линии, на какую-нибудь ветку. Самцы горных чечеток точно так же, взлетев, планируют к самкам или, часто взмахивая крыльями, летают вокруг них небольшими кругами. Пролетав несколько таких полетов, самец опускается на землю и, распустив полувеером хвост, несколько свесив крылья, так что особенно заметным становилось карминно-красное надхвостье, все время щебеча, прыгает возле самки.

П. П. Сушкин — единственный из натуралистов, описавший характерные места обитания киргизских горных чечеток, определяет их так: «Это главным образом каме-

нистая степь, с несколько волнистым рельефом, но отнюдь не горы с узкими долинами. Если к этому местность разнообразится пятнами солонцов и частыми кустами таволги, у выхода камней, то чечетка находит все нужное для своего существова-

ния и становится прямо многочисленной... Кустарниковых зарослей и лугов она прямо избегает даже на пролете...»¹

Я наблюдал гнездование киргизских горных чечеток немного южнее, чем П. П. Сушкин. Особенно часто мне встречались гнездящиеся горные чечетки в период апрель — июнь на каменистых пологих склонах сопок, покрытых мелкой щебенкой и поросших редкими кустами караганы и таволги. В меньшем количестве они гнездились по берегам степных речек, заросшим высоким чием, по неглубоким, нередким в степи балочкам, промываемым весенними талыми водами. В плоской типцово-ковыльной степи и на солонцах я в это время их никогда не встречал.

На брачные игры, на выбор подходящего места для устройства гнезда и на другие, связанные с этим процедуры у чечеток уходит довольно много времени; поэтому кладки яиц я находил у них только в двадцатых числах мая.

В особенно излюбленных участках — по каменистым склонам сопок и в зарослях чия — горные чечетки живут близко одна от другой, иногда по 12—15 пар рядом. Однако в большинстве случаев таких колоний они не образуют. При поселении обществами горные чечетки, в противоположность другим мелким выюлкам, в период высиживания яиц и воспитания птенцов держатся не стайками, а исключительно парами.

Метрах в пятидесяти от моего домика на склоне канавы-траншеи было гнездо пары чечеток. Гнездо это я обнаружил, когда в нем находилось уже два яичка. Оно

¹ П. П. Сушкин. Птицы Средней Киргизской Степи. Материалы к познанию фауны и флоры Российской империи, т. VIII, М., 1908.

помещалось у основания густого кустика таволги, в траве, и представляло собой искусную постройку из плотно переплетенных стебельков, травинок и соломинок. Снаружи его стенки были обложены лишайниками, многочисленными в степи. Лоточек гнезда, правильной полушарообразной формы, был выстлан мягкими волокнами растений, перьями птиц и конским волосом. Яички чечеток больше всего похожи по величине, окраске и форме на яйца домашних канареек и щеглов. На светлоголубом фоне у тупого конца сгруппированы черточки и пятна, образующие венчик.

Гнездо было найдено 22 мая. После этого ежедневно в нем прибавлялось по одному яйцу, которое самка откладывала в ранние утренние часы. 25 мая кладка была закончена, и птички приступили к насиживанию пяти яичек.

Насиживание продолжалось 13 дней, и все птенчики вылупились почти одновременно 7 мая. На следующий день мне пришлось уехать и прервать на неделю свои наблюдения. По возвращении я обнаружил, что гнездо разорено и птенчики исчезли. Не было видно и взрослых птиц. Очевидно, здесь побывал еж или горноста́й, постоянно бродившие по этим канавам.

Молодые горные чечетки покидают гнездо в последних числах июня и, собираясь по несколько выводков в небольшие стаи, кочуют по степям и сопкам. Постепенно к таким стайкам присоединяются новые выводки, несколько стаяк собирается вместе, и в последних числах августа встречаются стаи по 100 и более особей.

Во время кочевок по степям в поисках корма горные чечетки часто залетают на огороды и усадьбы поселков, нисколько не остерегаясь людей. Их основная, если не единственная пища — мельчайшие семена плодов, стручков и соплодий низкорослых растений. Шумными стайками лазают они по стеблям, прицепляясь к ним боком и вниз спиной, подобно тому как это делают обыкновенные чечетки. Начав кормиться с восходом солнца, стайки горных чечеток, насытившись к полдню, собираются где-нибудь в затененном месте, где и отдыхают всю жаркую пору дня.

Жара, видимо, действует на чечеток, угнетающе. В особо жаркие дни они мало подвижны, почти безмолвны и сидят в тени, полураскрыв клюв. В поисках затененных

мест, которых в степи немного, стайки чечеток прилетают, иногда за несколько километров, к заборам поселков, на обрывистые берега степных речек и, особенно часто, под высокие стены казахских могильных памятников, так называемых муллушек.

Горные чечетки очень любят купаться на отмелях степных озер и у берегов мелководных речек. Мне приходилось заставлять птичек за этим занятием. Некоторые из них, увлеченные купаньем, так намокали, что с трудом могли взлететь.

Линька молодых чечеток начинается в первых числах июля. Взрослый наряд отличается от птенцового меньшим количеством расплывчатых пестрин на груди и боках и более интенсивной коричневатой окраской спины. В это же время линяют и взрослые птицы. Однако карминнокрасное надхвостье молодые самцы получают лишь во вторую половину зимы, находясь на своих «зимних квартирах». (В местах зимовок я не наблюдал киргизских горных чечеток, но делаю вывод по аналогии с кавказскими горными чечетками. Молодые самцы и самки этих птиц в августе и сентябре имели одинаковые, не отличимые у обоих полов серо-белые надхвостья.)

В период высиживания птенцов и в первое время после вылета молодых до начала периода линьки киргизские чечетки много и охотно поют. П. П. Сушкин, описывая пение этих птичек, замечает «Голос этой птички больше всего напоминает обыкновенную коноплянку, и также вся песенка, но голос вместе с тем значительно тише и песня менее разнообразна; так иногда поют самки обыкновенной коноплянки». С таким описанием я согласиться не могу. Пение киргизских чечеток столь же своеобразно, как и пение чечеток вообще, и не похоже на пение коноплянок. Вся песнь чечеток состоит из щебета, в который изредка вставляются короткие журчащие трели. Пение же коноплянок, одних из лучших певцов среди наших зерноядных птиц, содержит много прекрасных свистовых звуков и музыкальных мелодий, за что коноплянки высоко ценятся любителями комнатных птиц.

Отлет горных чечеток из степей Центрального Казахстана начинается в первых числах октября. Отдельные же стайки их встречаются вплоть до ноября, то есть до наступления постоянных зимних заморозков. По данным

С. А. Бутурлина и Г. П. Дементьева¹, на зиму чечетки откочевывают до Средней Азии.

Киргизские горные чечетки необыкновенно привлекательные и милые птицы. Даже в степях Казахстана, где мелких птичек никто не преследует и где поэтому большинство их мало опасается человека (жаворонки, чекканы, варакушки и др.), горные чечетки удивляют своей особой доверчивостью и проявлением какой-то «дружественности» по отношению к людям. Самец той пары горных чечеток, гнездо которой было в нескольких десятках метров от моего дома, ежедневно «навещал» меня. В свободные часы я выносил на порог своего домика стул и сидел, отдыхая и наблюдая за птицами. Стоило мне появиться, как на кустах, где было гнездо, раздавалось звонкое щебетание и маленькая птичка сейчас же подлетала ко мне. Сперва она садилась на крышу дома, а затем слетала на гладкую, выбитую площадку перед ним и с деловым видом, поглядывая на меня черными бисеринками своих глаз, что-то собирала с земли. Я бросал ей семена конопля, проса и раздавленные подсолнухи. Птичка быстро склевывала корм в двух шагах от моих ног. Дверь в мое помещение летом постоянно была открыта, и, возвращаясь домой, я часто заставлял чечетку «хозяйничать» в прихожей.

Такая доверчивость и полное отсутствие страха перед людьми были не индивидуальной особенностью только «моей» чечетки. Выводки птичек, прилетавшие для полуденного отдыха под стены моего домика и под аппараты, стоявшие около него, вели себя так же.

В Казахстане я не имел возможности держать в клетках киргизских горных чечеток, но, зная кавказских, неоднократно живших у меня, думаю, что они не особенно хорошо уживаются в условиях неволи. Кавказские горные чечетки, быстро привыкали к клетке, и начинали весело щебетать свои простенькие песенки, но, как правило, погибали в начале лета с наступлением у них периода линьки. Я объясняю это тем, что пища, получаемая ими в неволе, повидимому, не содержит каких-то крайне нужных им веществ, которые они имеют в природных условиях.

¹ С. А. Бутурлин и Г. П. Дементьев. Полный определитель птиц СССР, т. 4, Воробьиные, М.—Л., 1937,

В Центральном Казахстане среди однообразных желто-серых степей одни только горные чечетки обликом и щебетом своим воскрешали передо мною родные хребты Кавказа, альпийские лужайки, поросшие мелкими ароматными цветочками, темнозеленые пятна рододендронов и шумные горные ручьи; воскрешали в моей памяти все, что я люблю и без чего тоскую.

ДЖУНГАРСКИЕ ХОМЯЧКИ¹

Июльским утром, взяв с собой железное ведро, я вышел из дома и направился к небольшому затерянному в степи озеру. В степи было много уже расселившихся молодых сусликов, и я собирался «выливать» зверьков из нор.

Село осталось позади. Несмотря на ранний час, солнце палило немилосердно. От земли поднимался горячий воздух. Казалось, что видишь его волны, струящиеся над степью. Из-под кустиков полыни при моем приближении взлетали разморенные жарой белокрылые жаворонки. Со стены полуразвалившегося саманного забора слышалось беспокойное посвистывание чеккана-каменки. В пыли дороги, по которой я шел, лежала, нежась на солнце, степная гадюка. Змея приподняла головку, посмотрела на меня неподвижным взглядом и медленно, как бы нехотя уползла в сторону, освобождая мне путь. Впереди показалась блестящая полоска воды.

Бурас-озеро — цель моей экскурсии, типичный казахстанский степной водоем. Его поверхность довольно обширна — метров пятьсот в длину и метров двести — двести пятьдесят в ширину. Берег с одной стороны пологий, песчаный и лишенный растительности, широкой отмелью переходит в степь; с другой стороны воду окаймляют заросли тростника, рогоза и густых камышей. На озере обитают значительные колонии черношейных поганок; на пловучих

¹ Очерк «Джунгарские хомячки», как было указано в предисловии, написан Р. Л. Бёме. Материалами для очерка послужили данные, собранные не в центральной части Казахской складчатой страны, к которой относятся остальные очерки, а в Павлодарской области, в окрестностях села Бурас Бескарагайского района, то есть у северо-восточных границ Казахского мелкосопочника. — Л. Б.

кучах камышовых наносов гнездятся черные крачки. Среди зарослей можно встретить лысух, вспугнуть кормящихся уток, увидеть редких у нас серых цапель, услышать каркающие крики камышниц и погонышей. На пологую отмель прилетают кормиться различные кулики.

По берегам озера со всех сторон растут мелкие ивняки. Местами среди них — низкие кочки, сплошь заросшие осоками, сейчас, в июле, уже пожелтевшими. В кочкарнике остаются, даже в самые жаркие месяцы года, лужицы воды. Среди низких кочек попадаются кочки высотой до метра, они буровато-черные, с налетом солей снизу и поросшие мелкой травой сверху. Этот кочкарник — любимое местообитание в большом количестве гнездящихся у Бурас-озера чибисов и травников. Едва я подошел к озеру, как сейчас же несколько этих птиц с жалобными криками, звучащими как вопрос «чьи вы-чьи вы», вылетело мне навстречу. В это время у чибисов, вероятно, уже были оперившиеся птенцы, притаившиеся где-нибудь в траве между кочек.

На плотной корке солончака у берега озера видны следы большого тушканчика. Зверек пробегал здесь, когда на месте твердой, окаменевшей корки еще была мягкая, вязкая грязь.

Привлеченный криками чибисов, над тростниками показался болотный лунь. Появление похитителя яиц и разорителя гнезд вызвало суматоху среди всего птичьего населения озера. Навстречу луню устремилась стайка крачек, к ним присоединились чибисы и вылетевшие из прибрежной травы желтоголовые и желтые плиски — маленькие, но отважные и бойкие птички. Птицы бросились к хищнику, окружили его шумной разноголосой ватагой и преследовали до тех пор, пока лунь не исчез вдали. Разоритель гнезд прогнан, но не сразу успокоились обитатели озера. Со щебетом кружились некоторое время плиски, тихо верещали крачки. Из травы вылетел бекас и с криком, напоминающим глухой кашель, проделав несколько кругов над озером, снова опустился куда-то в траву. Наконец все затихло...

Немного отдохнув, выкупавшись в теплой воде и понаблюдав птиц, я приступил к осмотру норок на приозерном участке степи.

Около самого берега озера несколько небольших кучек свеженарытой земли. Кучки то тянутся цепочкой с пра-

вильными интервалами, то разбросаны в беспорядке. Близ некоторых из них виднеются небольшие ходы, полого уходящие под землю. Это колония слепушонок — грызунов-землероев. Если некоторое время посидеть тихо, без движения, то из норки высунется тупая мордочка зверька; он поведет своими длинными усами, блеснет маленькими черными глазками и желтоватыми резцами и юркнет обратно под землю.

В типцово-ковыльной степи, окружающей Бурас-озеро, много нор краснощекого суслика¹. Выбрав несколько свежих норок, расположенных поближе к воде, я приступил к работе.

Я лью из ведерка воду во входное отверстие. Через несколько секунд в глубине норы слышится фыркание и показывается забавная мокрая мордочка суслика. Зверек часто моргает большими глазами, щурится, фыркает и отплевывается от попавшей в рот воды. Несмотря на летний зной, неожиданная ванна ему не по душе. Хватаю суслика за загривок, вытаскиваю из норы и опускаю в рюкзак. Успешно повторяю эту операцию у нескольких нор.

Но вот мне попадает, очевидно, очень глубокая норка. Выливаю в нее полное ведерко воды — фыркания не слышно и зверек не появляется. Делаю пробку из пыли, затыкаю ею на всякий случай вход в нору и приношу второе ведерко. Потихоньку лью новую порцию воды, но обитатель норы не подает никаких признаков жизни... и вдруг неожиданно, без фыркания в отверстии показывается маленькая головка, и друг за другом вылезают семь мокрых «до нитки» белых с темной полоской на спинке зверьков, величиной не больше крупной полевки. Я хватаю их и одного за другим сажаю в ведерко. Зверьки даже не пытаются укусить меня, что в обычае у сусликов. В своей добыче я с радостью узнаю джунгарских хомячков, известных мне только по рисункам и рассказам. Ловить их и держать в неволе мне еще не приходилось. Сейчас же бросаю ловлю сусликов и почти бегом направляюсь домой.

На дно большого деревянного ящика я насыпал толстый слой песка, положил несколько метелок созревшего

¹ До центральной части Казахского мелкосопочника краснощекий суслик, обычный в Павлодарской и Семипалатинской областях, не доходит, там встречается серый, или малый. — Л. Б.

проса, налил в блюдечко воды. В этом ящике хомячки сейчас же почувствовали себя «как дома». Они не дичились меня, а спустя три-четыре дня при моем приближении со дна ящика поднималось семь очаровательных белых фигурок, которые вытянувшись «столбиками», ожидали какого-нибудь лакомого кусочка и обнюхивали протянутую к ним руку.

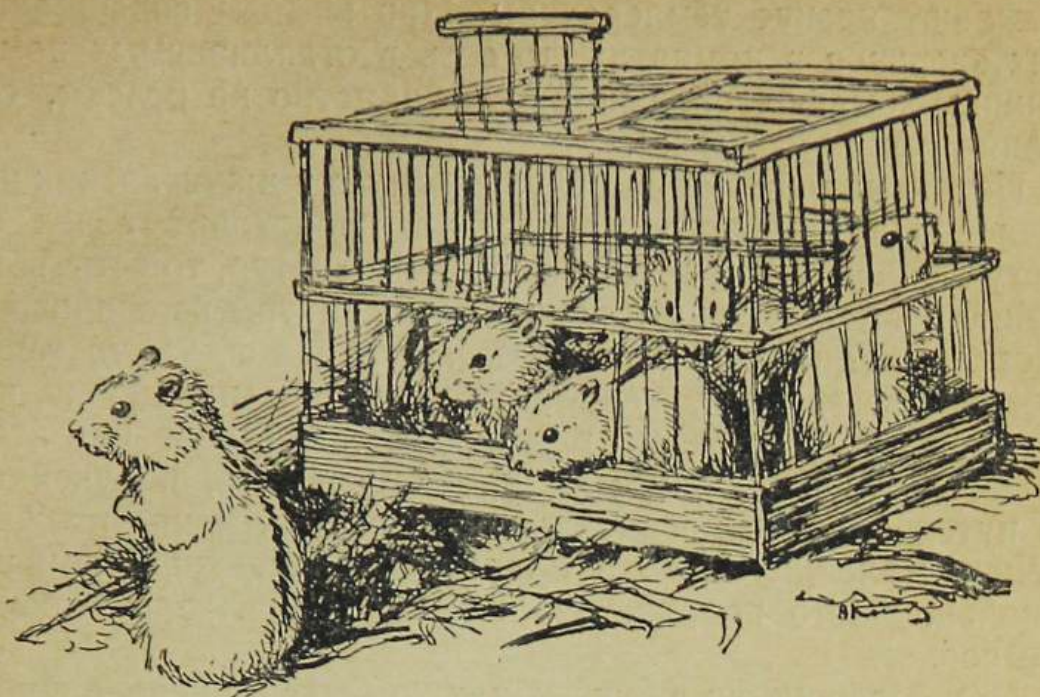
Милый характер, привлекательная внешность, абсолютное отсутствие боязни человека скоро сделали хомячков моими любимцами, и я отдавал им каждую свободную минуту. Эти зверьки никогда не ссорились и не дрались. Постоянно находясь в благодушном настроении, они оживлялись вечерами. Из ящика в это время слышался шорох, и по его стенкам стучали маленькие лапки. Хомячки затевали игры, часами барахтались на песке, гонялись друг за другом, напоминая щенят. Особенностью джунгарских хомячков было отсутствие неприятного запаха, который обычен при содержании грызунов в тесных закрытых помещениях.

Вскоре я поймал в степи еще одного джунгарского хомячка и поместил его в тот же ящик. Новый «квартирант» был принят благосклонно и уже на следующий день играл и возился вместе со всеми...

Месяца через два после поимки хомячков я должен был уехать на продолжительное время. Взять зверьков с собой я не имел возможности, а дома ухаживать за ними было некому. Как ни жаль мне было расставаться со своими любимцами, но я однажды вечером посадил их в клетку и отнес на берег Бурас-озера, на то самое место, где их поймал.

Поставив клетку с открытой дверцей на землю, я присел около нее и стал наблюдать за поведением зверьков. Долго хомячки не решались покинуть клетку. Подойдя к ее дверце, они поднимали головки, втягивали ноздрями степной, пахнувший полынью воздух и стремглав бежали в противоположный угол. Наконец, один из них, осмелев, вылез из клетки, приподнялся на задние лапки, потянул в себя воздух, потом подбежал к моей ноге, обнюхал ее, слегка куснул ботинок, как бы в знак признательности, обежал вокруг клетки и скрылся среди травы. Вскоре за ним последовали и другие.

Так я расстался с моими маленькими пленниками. Я живу сейчас в большом и шумном городе далеко от сте-

пей Казахстана, но меня не оставляет мысль снова побывать там. Возможность приобрести джунгарских хомячков занимает в этих мечтаниях далеко не последнее место.

В нашей зоологической литературе, особенно в популярной, о джунгарских хомячках, одних из самых привлекательных грызунов фауны СССР, почти не имеется сведений.

В Казахской складчатой стране джунгарские хомячки встречаются почти всюду, но нигде они не бывают многочисленными. Я находил джунгарских хомячков по склонам сопок и увалов, вблизи зарослей караганы, в плоской типцово-ковыльной и полынной степях. Очень редко я видел этих зверьков на поливных орошаемых землях и ни разу не встречал в жилых постройках.

На зиму джунгарские хомячки не засыпают, а переселяются в ометы соломы и в стога сена, остающиеся на полях и в степи. Их ловят чаще всего зимой, при вывозке сена на фермы. Русское население в Казахстане называет джунгарских хомячков «белыми» или «куцыми мышами».

Джунгарских хомячков можно отнести к экологической группе животных-снеголюбов, приспособившихся к обитанию в местностях с длительным и сплошным снежным покровом. Одна из характерных особенностей снеголюбов — побеление меха зимой. По моим наблюдениям, правда очень неполным, побеление меха джунгарских хомячков

вызывают низкие температуры. При зимнем содержании этих зверьков в комнатах, то есть в отапливаемых помещениях, хомячки сколько-нибудь заметно не белеют, сохраняя сероватый мех¹.

Перемена окраски на белую зимнюю у джунгарских хомячков Центрального Казахстана происходит вслед за наступлением устойчивых низких температур, то есть в середине ноября. Если эти низкие температуры не сопровождаются снегопадами и степь остается без снега, то такие побелевшие зверьки, очень заметные на темном фоне, часто становятся жертвой различных хищников. Об этом свидетельствуют данные С. И. Оболенского, полученные им путем анализа погадок хищных птиц. Именно поздней осенью малочисленные в природе джунгарские хомячки довольно часто попадают в погадки, главным образом сов.

При содержании джунгарских хомячков в неволе я кормил их самой разнообразной пищей — семенами и зернами культурных растений, хлебом, сухарями, корнеплодами и т. д.; все они ели охотно и быстро привыкли к тесному помещению. С первого же дня хомячки были доверчивы, незлобливы. Выяснено, что в неволе они хорошо размножаются; все это делает джунгарских хомячков, очень милых и чистых зверьков, наиболее подходящими для школьных живых уголков и террариумов любителей.

¹ Утверждение, что побеление меха джунгарских хомячков вызывается только низкой температурой, не вполне верно. Лабораторные эксперименты профессора Н. И. Калабухова показали, что значительную роль в осенней линьке этих зверьков играют также условия освещения.

Интересно отметить, что в Северной Монголии с ее морозными, но бесснежными зимами, джунгарские хомячки вообще не белеют. Появление белой окраски свойственно лишь хомячкам, обитающим в районах с длительным снежным покровом, и является приспособительным признаком, как у зайца беляка, песца, ласки и др.—
Прим. ред.

ПО ГОРАМ И РАВНИНАМ КАВКАЗА

НОЧЬ У ДЕВДОРАКА

Девдоракский ледник, или просто Девдорак, — один из наиболее доступных ледников Казбека. Подъем на Девдорак начинается от небольшого селения Гвилеты, находящегося на Военно-Грузинской дороге.

В начале августа 193... года я договорился со своим товарищем, который в течение всего лета собирал в районе Гвилеты грызунов, о том, чтобы вместе с ним совершить экскурсию на Девдорак.

Приехал я в Гвилеты во второй половине дня, к леднику идти было поздно, и мы решили отложить экскурсию до следующего утра.

Гвилеты — маленькое селение, всего в несколько домиков, сложенных из сланцевых плит, — лепится к почти отвесным скалам восточного склона Арч-Корта, который уступами спускается к долине Терека. На скалах гнездятся многочисленные горные ласточки.

Устроившись на открытой веранде домика, в котором жил мой товарищ, мы разговаривали о разных наших «зоологических делах» и с удовольствием наблюдали за летавшими вокруг нас крупными коричнево-бурыми ласточками. По сравнению с городскими, они летали менее стремительно. Медленно взмахивая крыльями, горные ласточки гонялись за жужжащими около скал насекомыми или, распластав крылья, парили, подгоняемые струями ветра. На каменистую, покрытую мелкой сланцевой щебенкой неширокую дорожку, проходящую в нескольких шагах от

веранды, опустилась прилетевшая откуда-то с окрестных скал стайка моих любимейших горных птичек — корольковых выюров. Издавая тихие мелодичные трели, выюрки принялись что-то усердно клевать, перескакивая с камня на камень и изредка затевая небольшие ссоры. Корольковые выюрки с черными головками, украшенными оранжево-красными шапочками, миниатюрными грациозными фигурками представляли редкую по красоте картину. Пощечив и подкрепившись, они улетели вниз по ущелью.

Вечерело. С Терека, сгущаясь, поползли тени быстро наступающих горных сумерек. Клокотание бурной реки, имевшей в это время высокий уровень, с наступлением вечера делалось, как казалось, все более и более громким. По шоссе быстро проехала, блеснув фарами, машина. Высоко на скалах громко запела какая-то птичка и, не закончив всей песни, внезапно замолкла. Наступала ночь.

На веранде было так хорошо, августовская ночь была такой теплой, что я, вырвавшись на несколько дней из духоты и пыли большого города, отказался идти в комнаты и остался спать под открытым небом.

Проснувшись довольно поздно, когда лучи солнца начали уже золотить зубчатые вершины ближайших гор, я разбудил сладко спавшего в комнате товарища, и мы начали собираться на Девдорак.

Одной из целей нашего похода была охота за кавказскими тетеревами, которые встречаются на альпийских лугах и в зарослях рододендронов близ ледника. Однако на успех охоты я не рассчитывал: в начале августа косачи линяли и сидели по самым недоступным и непролазным чащам рододендронов, тетерки были с выводками еще полувзрослых тетеревят, а мы не имели собаки, без которой лазить в поисках немногочисленной дичи по крутым склонам — дело весьма и весьма сложное. Прогулка на Девдорак была предпринята мной более всего потому, что хотелось провести три свободных дня высоко в горах, надыхаться высокогорным воздухом, посмотреть на горных птичек, погулять, нарвать букет чудных альпийских цветов.

Предполагая пробыть у ледника дня два и зная, что нам придется провести две ночи около вечных льдов, мы снарядились соответствующим образом. На сборы ушло довольно много времени, и только часов в девять утра мы, нагруженные бурками, одеялами, шерстяными фуфайками, котелком, чайником и провизией, вышли из Гвилет.

Дорога на Девдорак была не очень крутой и не очень длинной — всего около 9 километров. Делая многочисленные зигзаги, она поднималась по склону горы Арч-Корт вдоль правого берега бурной реки Девдорак, вытекающей из-под ледника.

День был чудесный. С безоблачного неба светило яркое солнце, итти было жарко, и мой товарищ временами ворчал, что мы, дескать, не замерзли бы за две ночи и без наших одеял и бурок.

С каждым зигзагом тропа поднималась выше и выше. Позади осталась долина Терека, внизу, «как трещина, жилище змея», чернела узкая теснина Дарьяла. Мы миновали широкое плато, находящееся выше Гвилет, с типичным ландшафтом горной каменистой степи, с обломками скал, то грудями нагроможденных, то широко разбросанных, и вошли в полосу леса.

В лесу на Арч-Корте было хорошо. Изогнутые белые стволы невысоких березок растут здесь бок о бок с чинарами, кленом, небольшими дубками. Несколько выше к ним присоединяются корявые сосенки. Масса оранжево-желтых с одуряющим ароматом горных лилий, крупные синие колокольчики, белые и розовые горные васильки покрывали обочины тропинки на всем ее протяжении.

Километров через шесть от Гвилет начали встречаться среди уже поредевшего леса и ползучие ветви рододендронов с темными, вечнозелеными жесткими листьями. На склонах над тропинкой лепились камнеломки, одетые мелкими белыми и розовыми цветочками, кустики желтых альпийских фиалок, крупные горные незабудки. В одном месте, где тропинка пробита в отвесной скале, над ней низвергается ручей. Каскад воды, минуя дорожку, падает несколько ниже ее, но искрящиеся брызги создают на тропинке водяную завесу. Проходящий должен непременно принимать не всегда приятный душ. Приняли душ и мы.

На крутом повороте, помнится последнего, зигзага открывается панорама Девдорака. Ледник этот не отличается красотой. Язык льда, ползущий с фирнового поля Казбека, покрыт крупными каменными обломками, кусками кварца и сланца, размытыми пятнами щебенки и глины. Поэтому поверхность ледника грязно-серого цвета. На ее фоне темнеют изломанные линии глубоких трещин. Только там, где ледяной язык, кончаясь, отвесно обрывается высокой стеной, из-под которой, крутясь и пенясь, с ревом

вытекает речка Девдорак, видна чистая окраска ледяной толщи от нежноглубого до густого зеленого цвета.

На всем протяжении нашего пути птиц было мало. Август — не время для орнитологических наблюдений. У большинства птиц только недавно вылетели птенцы, взрослые же линяют и очень молчаливы. До начала леса, в зоне хаотического нагромождения скал и камней, попадались выводки горихвосток-чернушек и чекканов-каменок, этих вездесущих горных птиц. В лесу птиц стало еще меньше. Тихо посвистывали пеночки-веснички, тревожно пинькал зяблик, с дерева на дерево перепархивали выводки черных синиц. Далеко впереди нас, у одного из поворотов тропинки, поднялась небольшая стайка альпийских галок, да с дорожки мы вспугнули неизвестно по каким причинам зелетевшего так высоко в горы удода. Несколько раз раскрыв и сложив свой пестрый хохол, угод подпустил нас к себе вплотную, взлетел и снова сел на тропинку шагах в двадцати позади.

Еще один поворот. Тропинка огибает невысокий холм; перебравшись через неширокий кристально чистый ручей, мы подходим к месту, где когда-то стояла Девдоракская будка для туристов. Она была разрушена еще в годы гражданской войны, и теперь от нее остались лишь обломки стен, не превышающие средний человеческий рост. Все пространство около будки и внутри ее заросло целым лесом жгучей крапивы.

Облюбовав сравнительно ровное место под одной из стен, мы с ожесточением набрасываемся на крапиву. Ножами, палкой, стволами своих ружей, ногами мы мнем, давим, ломаем кусающиеся побеги. Не без известного «урона», выражающегося в ожогах рук, место очищено. Раскладываем одеяла, бурки, посуду, приносим несколько плоских камней, мастерим закуток для провизии и, осмотрев бивуак, заключаем, что устроились мы весьма уютно.

Немного отдохнув и подкрепившись принесенной провизией, направляемся по склону Арч-Корта прямо вверх, к зарослям рододендронов, искать тетеревов.

Около будки обширная лужайка субальпийского высокотравья. Несколько выше — колки низкого березника среди сплошных ковров рододендрона. Свободные участки почвы покрыты толстым слоем мягкого мха, в котором тонет нога. Много черники, костяники, брусники. Сейчас спелые ягоды только у первых двух, брусника же еще зе-

леная. Итти трудно: приходится карабкаться среди скользких ветвей рододендрона. Этот чудесный альпийский кустарник почти отцвел, но кое-где еще держатся отдельные соцветия кремово-белых, лишенных всякого запаха крупных цветов. В узких балках местами до сих пор лежит прошлогодний почерневший и грязный снег. У самого края такого снежного поля нахожу несколько светложелтых цветочков снежных примул, растущих всегда возле вот таких пятен нетающего в течение круглого года снега.

Мне уже приходилось вблизи Девдорака охотиться на тетеревов; я знаю места, где можно их встретить, и принимаю на себя обязанности проводника.

Карабкаемся по рододендронам, переходим через каменистые осыпи, направляясь к широкой ложбине, где несколько лет назад я поднял тетеревиные выводки. Откуда-то сверху мимо нас пролетел далеко за пределами выстрела черныш и, блеснув белыми подкрыльями, скрылся за уступами скал¹.

Но вот на нашем пути широкий овраг, заполненный зернистым, пропитанным водой грязно-серым снегом. Прежде чем переходить через него, надо миновать еще полосу осыпи сланцевой щебенки, только что освободившуюся из-под снега. Спускаюсь на осыпь и тотчас проваливаюсь в жидкую грязь по щиколотку. С трудом вытаскивая ноги из вязкой глинистой массы, я пробираюсь к снегу. Товарищ наблюдает за мной с твердой

¹ Кавказские тетерева, обитающие на Центральном Кавказе, держатся исключительно в верхней зоне лесов, в зарослях рододендронов и по альпийским лужайкам верхнего пояса гор; они никогда и никем не были встречены ниже 1 800—2 000 метров. Совершенно исключительный случай — появление кавказского тетерева у селения Балта на Военно-грузинской дороге на высоте 800 м, почти в долине Терека — отмечен моим сыном Р. Л. Бёме 16 ноября 1947 года. Р. Л. Бёме ловил птиц в нешироком боковом ущелье, выходящем к Военно-Грузинской дороге, примерно метрах в 250 выше шоссе у самого селения Балта (на северных склонах владикавказского Адай-хоха). Вот что сообщает он: «Неожиданно я заметил кавказского тетерева. Птица пролетела от русла Терека над крышами домов поселка и опустилась метрах в 150 от меня на каменистой осыпи, поросшей редкими кустиками астрагалов. Тетерев был мной добыт. Он оказался годовалым самцом не черного, а шоколадного-бурого цвета, вполне здоровым и достаточно упитанным. Весил тетерев 770 г. Все его оперение свежее за исключением рулевых перьев, которые на вершинах слегка обиты. Гонады для осени развиты нор-

земли. До снега остается всего шага три, когда вдруг участок осыпи, на котором нахожусь я, начинает медленно скользить. Ползет почва, катится щебенка, поворачиваются крупные обломки камней, ползу и я. Движение не замедляется, а как будто бы делается все быстрее и быстрее. Перебросив ружье за плечо, поворачиваю обратно, но по движущейся вязкой грязи каждый шаг дается с трудом. Когда до края ложбины остается метра полтора, отталкиваюсь от небольшого камня и прыгаю... не очень удачно: падаю, ударяясь обо что-то левой рукой, однако правой успеваю схватить протянутую руку товарища и при его помощи выкарабкиваюсь на твердую почву.

Приключение окончилось благополучно, если не считать порванных на коленях брюк, удара по затылку стволом ружья и разбитого стекла на ручных часах.

До знакомой мне ложбинки с тетеревиными выводками нам, очевидно, не добраться. Мы этим не особенно опечалены и решаем побродить немного среди березняка и рододендронов по этой стороне оврага. Птиц здесь много больше, чем по дороге к Девдоракской будке. Над нами все время с пискom кружатся горные коньки, обеспокоенные вторжением в их гнездовые участки. На скалах, между березками и рододендронами, мелькают фигурки альпийских завирушек, с тревожным чоканьем перелетают с камня на камень, с дерева на дерево белозобые дрозды. Ни одна из этих птиц нам не нужна, и мы бродим без выстрела. Зато в березняках всюду много грибов. Виднеются торчащие из-под кочек и из-под пней сломанных лавинами деревьев коричневые шляпки подберезовиков и оранжевые подосиновиков. Встречаются

мально. В зобу у тетерева оказались ягоды рябины и барбариса, которого много в долине Терека, а также небольшое количество семян растений, относящихся к семействам мотыльковых и лютиковых. Предполагать, что этот тетерев спустился так низко в горы из-за погодных условий, нельзя, так как в течение нескольких последних дней здесь дул фён и температура воздуха не опускалась ниже плюс 12—15 градусов. Все ближайшие горы не покрыты еще снегом. Видимо, тетерев залетел так далеко от субальпийских лугов, спасаясь от преследования какой-нибудь хищной птицы. Ягоды рябины, бывшие у него в зобу, свидетельствуют, что он спустился сравнительно недавно. Рябины в долине Терека нет. Ближайшие места обитания тетеревов — субальпийские луга балтинского Адай-хоха и горы Фетхуса. И на Адай-хохе и на Фетхусе кавказских тетеревов очень незначительное количество...»

маслята и сыроежки. Быстро набираем по полной шапке грибов и, захватив по дороге несколько сваленных березовых стволов «на дрова», спускаемся к нашему бивуаку около стены бывшей будки.

Еще совсем светло. Товарищ принимается чистить и мыть грибы, я, набрав в ручье воды, пытаюсь развести костер. Это оказалось неимоверно трудным делом. Принесенные нами стволы берез были пропитаны водой и не горели. Промучившись с ними совершенно безрезультатно до наступления сумерек, я кое-как вскипятил чайник на сухих стеблях крапивы, чертополоха и репейника. На этом же топливе варились и наши грибы.

Стемнело. Из ущелья, замыкавшегося Казбеком, подул холодный ветер. Согревшись кружкой чая и горячей, хотя и полусырой грибной похлебкой, мы улеглись, завернувшись в одеяла и бурки. Мы уже не сожалели о труде, потраченном на их переноску.

Ночь была великолепна. Невидимая из-за темной громады Арч-Корта взошла луна и осветила серебряным светом вершину и фирновые поля Казбека. Снежная голова гиганта закрывала весь небосклон на западе и юге, как бы нависая над нами. Неосвещенный луной северный склон Арч-Корта, на котором находились мы, своей чернотой оттенял блестящие серебром снега. Несмотря на усталость, мы заснули не сразу. Уж очень хорошо было лежать высоко в горах, дышать свежим ночным воздухом, слушая неясный шум Девдорака, смотреть на звезды. Поговорив о планах на два следующих дня и решив подняться к вершине Арч-Корта, мы заснули...

Проснулись мы среди ночи от какого-то странного гула. Открыв глаза и высунув голову из-под бурки, я не сразу сообразил, что происходит. Нас окружала кромешная тьма. Не видно было не только еще недавно блестящей вершины Казбека, но и белого обломка стены будки в пяти шагах от нашего ложа. Почти одновременно с нашим пробуждением снова раздался гул, и на короткое мгновение тьму разогнало зеленоватым светом. Начали падать редкие тяжелые дождевые капли. Снова раздался глухой удар, но громче предыдущего, и разразилась сильнейшая гроза. Удары грома следовали теперь непрерывно один за другим. Грохочущим раскатам в далеких и близких скалах отвечало эхо. Вспышки молний освещали густой туман, наполнявший все ущелья Девдорака фосфо-

рическим мутным светом. Гроза была не над нами, как это привыкли наблюдать живущие на равнинах, а бушевала на одном уровне с нами, рядом. Вот особенно сильный удар грома, и с противоположной стороны ущелья сейчас же после него глухой треск и слышно, как обломки скалы, разбитой молнией, катятся вниз.

Почти одновременно с началом грозы и вслед за первыми крупными каплями дождя «разверзлись хляби небесные», хлынул ливень. Ветра почти не было, и сплошной поток воды падал из окружающих нас туч отвесно. Через несколько минут наша одежда, одеяла, рюкзаки с провизией насквозь промокли, как будто бы нас со всем нашим имуществом погрузили в ванну с холодной водой.

Тесно прижавшись друг к другу, укрывшись с головою буркой, повернувшись спиной к потокам дождя, мы сидели, дрожа от холода, а возможно, и волнения. Такое же чувство полной беспомощности перед разбушевавшимися стихиями я испытывал позднее в степях Центрального Казахстана во время буранов.

Так прошло с полчаса. Гроза уходила дальше. Раскаты грома все еще следовали не прерываясь, но стали менее оглушительными. Дождь уже не лился водопадами, а цедил частыми, убористыми каплями. Поднялся несильный ветер. И хотя попрежнему было непроглядно темно, но на душе стало веселее и спокойнее.

Дрожа всем телом, мы поочередно высовывали голову из-под бурки, чтобы посмотреть, что делается вокруг, и снова залезали под нее, стараясь согреть друг друга. Но вот появились признаки приближающегося рассвета, а спустя короткое время мы стали различатьдвигающиеся клубы тумана. Темная муть сменилась постепенно серой сплошной завесой. Перед самым рассветом прекратился дождь, и мы получили возможность вылезти из-под бурки и выжать одежду.

Конечно, теперь уже не приходилось думать о том, чтобы продолжать поход, провизия наша промокла, раскисла и стала совершенно несъедобной. Счастливое исключение представляли сваренные вкрутую яйца. Наскоро съев по паре яиц без соли и без хлеба, выжав, насколько было возможно бурку, одеяло и фуфайки, мы направились по тропинке вниз.

Голодные, озябшие, с зелеными от бессонной ночи лицами, мы медленно, отдыхая через каждую сотню метров,

двигались в направлении Гвилет. Трудность пути усугублялась разрушениями, причиненными тропе прошедшим ливнем. Во многих местах она оказалась размытой, и мы были вынуждены обходить появившиеся оползни, карабкаясь по скалам. Девять километров пути, все время идущего под уклон, мы проделали не меньше чем за три часа...

Прошло много лет, но ночную грозу у Девдорака я не забыл. Есть необъяснимая прелесть, покоряющая красота даже у гневного лица природы. Таковы чувства натуралиста.

ОХОТА НА ТУРОВ НА КАЗБЕКСКОМ МАССИВЕ

Кавказские горные козлы, или туры, как и кавказский тетерев, относятся к наиболее характерным для Кавказа животным и нигде, кроме этой горной страны, не встречаются.

Туры распространены по высотам всего Кавказского хребта, начиная от горных вершин Фишта и Уруштена на западе, входящих в территорию Государственного заповедника, и до массивов Шах-Дага, Базар-Дюзи и Баба-Дага в Дагестане. В восточной части Кавказа обитает так называемый дагестанский тур, распространенный к западу до меридиана, проходящего через Эльбрус.

В центральной части Кавказа, к которой относится и массив Казбека, вследствие постоянной охоты и преследования, а также выпаса стад овец на высокогорных пастбищах туры «оттеснены на самые вершины горных хребтов и на скалистые кручи среди вечного снега... В области вечных снегов они проводят день». Туры покидают свои неприступные дневные убежища только с наступлением сумерек. «Незадолго до захода солнца табунки и одиночки туров опускаются к верхнему окрайку лугов и на отдельные луговинки, разбросанные среди скал и снега, и здесь проводят всю ночь... На рассвете, а иногда даже около 7—8 часов утра, туры поднимаются на гребни скал в места своих дневок. Эти суточные передвижения производятся с большой правильностью... Звери идут всегда определенной тропой... Идут строго гуськом, а не беспорядочным табуном. Сначала проходят один-два рогача, за ними

в некотором отдалении следует стадо, и шествие замыкает опять один, два козла». На туров всюду на Кавказе много охотятся самыми различными способами, и с каждым годом эти звери делаются все осторожнее и забираются на все более и более недоступные для человека высоты. Самая распространенная охота на туров — «трудная дневная охота скрадом, требующая хорошо тренированного сердца и легких... Много добывают туров на переходах зверя по зорям на тропах, хорошо известных пастухам. Этот способ охоты, основанный на тонком знании повадок зверя, особенно истребителен. Засевший в засаду охотник обычно без выстрела пропускает мимо себя одного, двух зверей, а потом бьет передового из главного табуна. Весь табун бросается за убегающим (уцелевшим) вожаком, не обращая внимания на выстрелы, дефилирует перед стрелком... Стрельба производится чуть ли не в упор, иногда на расстоянии 10—30 шагов...»¹

То, о чем я сейчас расскажу, было лет сорок назад. Я перешел тогда на последний курс университета и приехал на летние каникулы во Владикавказ.

Обычно 1 сентября я возвращался в Москву, но на этот раз решил пробыть весь этот месяц на Кавказе, чтобы поохотиться в лучший там осенний сезон, чего был лишен последние четыре года.

Почти ежедневно я отправлялся в охотничьи экскурсии и возвращался усталым, но полным впечатлений и нагруженный дичью. Однако все это были охоты «по перу», их трофеями служили перепела, бекасы, а если я ездил куда-нибудь подальше — то серые куропатки и фазаны.

Однажды мой отец, старый и опытный охотник, сообщив мне, что в его распоряжении есть три-четыре свободных дня, предложил съездить за турами. Я раньше на этой охоте не бывал и с радостью согласился провести несколько дней высоко в горах, где, помимо туров, можно было увидеть, а если улыбнется капризное охотничье счастье, то даже и добыть кавказского тетерева или горную индейку — улара.

В те времена по Военно-Грузинской дороге не было быстрого и скорого передвижения на автомашинах, и мы,

¹ Текст в кавычках цитируется по Гептнеру В. Г. и Формозову А. Н., Звери Дагестана. Сборник трудов Государственного Зоологического музея МГУ, т. 6, М., 1941.

выехав на линейке, запряженной парой лошадей, часов в восемь утра, лишь на следующий день добрались к Девдоракской будке, откуда отец предполагал начать охоту. Нашими спутниками вызвались быть знаменитые проводники туристов к вершине Казбека, постоянно охотившиеся за турами, два брата — Исаак и Яни Безуртановы. Оба брата постоянно жили в селении Гвилеты; Исаак работал сторожем туристской базы, проводником на ледники и на летний сезон переселялся со всей семьей в Девдоракскую будку.

Была середина сентября — для горных экскурсий сезон поздний, и будка туристов пустовала. Обсудив маршруты и планы предстоящей охоты, в чем я, по неопытности, участия не принимал, решили направиться к вершинам горы Чач-Корта, находящейся на левой стороне Девдоракского ущелья.

Снарядившись и по категорическому требованию проводников переобувшись в арчи, или чарыхи, — поршни из сырмятной кожи с подошвой из плотно переплетенных ремешков — часов в двенадцать мы вышли из будки.

У отца была легкая охотничья винтовка Генеля, у меня — незаменимое при зоологических сборах трехствольное ружье Функа, у обоих братьев Безуртановых — старые, но испытанные берданки.

Путь был очень трудным, все время приходилось идти вверх, по еле заметным тропинкам, перебираться через многочисленные каменистые осыпи. По словам проводников, нам нужно было потратить на переход до места ночлега около пяти часов.

Дойдя до ледника, мы оставили тропинку, спускаясь к нему, и начали карабкаться параллельно его окраине повыше, к месту, где ледяная площадь суживается. Вот мы и у места перехода.

Безуртановы неторопливо и уверенно делают приготовления к переходу по льду. Достав из своих заплечных торб две прочные веревки, они свободной петлей обвязывают каждого из нас на груди, и мы все четверо оказываемся соединенными друг с другом; интервалы между нами около полутора-двух метров. Впереди идет Исаак, за ним я, а замыкает нашу цепочку Яни. Так, соблюдая необходимую осторожность, мы благополучно миновали ледник и начали снова карабкаться вверх.

С верхних склонов Чач-Корта перед нами открылась изумительная по грандиозности и величию панорама Казбека. Вечные снега его вершины, искрящиеся в лучах заходящего солнца, казалось висели над нами. Весь горизонт на юге закрыт снежными полями, ледниками, нагромождением ледяных глыб; на востоке отделенная от нас ущельем уходит ввысь громада «родного брата» Чач-Корта — Арч-Корта. Обращенный на север склон Арч-Корта кажется гигантским цветным ковром: темнозеленые площадки зарослей рододендронов сменяются ярко-желтой листвой осенних березок, голубоватыми группами сосняков.

Южный склон Чач-Корта, на котором находимся мы, лишен всякой древесной растительности. Низкорослая трава альпийских лужаек с незначительным количеством приземистых колючих кустиков астрагалов покрывает ровные площадки горы, чередуясь с осыпями и обрывистыми голыми скалами.

И Чач-Корт и вся дорога, по которой мы поднимались сюда, почти совершенно безжизненны. Перед самым ледником навстречу нам вылетела откуда-то появившаяся стая альпийских желтоклювых галок. Стая покружилась несколько минут и скрылась за уступами скал. Изредка с лужаек и со скал, вдоль которых мы идем, вспархивают горные коньки и крупные альпийские завирушки. Никаких других птиц и зверей мы не встречаем.

Итти трудно. Разреженный воздух высокогорья дает о себе знать. Стучит в висках, дрожат колени, приходится останавливаться через каждые десять-пятнадцать шагов. Проводники наши ничего этого не испытывают, они идут легким слегка раскачивающимся шагом горцев, как по ровному шоссе.

Поднимаемся все выше и выше. Теперь до вершины Чач-Корта остается каких-нибудь 300 метров. Исаак сворачивает немного в сторону и останавливается возле небольшой пещеры у подножья отвесной скалы — это конечный пункт нашего сегодняшнего пути. Здесь наш ночлег, и сегодня дальше итти не нужно! Несмотря на желание поскорее увидеть туров и пострелять, я, признаться, очень рад привалу.

• Безуртановы приносят несколько сухих веток астрагала, охапки сухой травы и воду из родничка, журчащего между скал. Скоро уже потрескивает небольшой костер,

и мы пьем горячий, крепкий, заваренный прямо в котелке чай. Исаак угощает нас холодным жареным мясом тура, убитого им неделю назад.

Солнце скрылось за горными громадами, но еще совсем светло. Окончив недолгий ужин, Яни уходит на разведку проследить, не пройдут ли где-нибудь недалеко отсюда туры на свою ночную кормежку. Он собирался было взять с собой берданку, но против этого возражают отец и Исаак, и Яни приходится подчиниться. Мы не без основания опасались как бы разведчик наш, увидев туров, не открыл по ним стрельбу, чем, конечно, испортил бы всю завтрашнюю охоту.

Уже совсем смерклось, когда слышались легкие шаги возвратившегося Яни. С азартом, волнуясь и жестикулируя, он сообщил нам, что совсем недалеко, по ту сторону предвершинной гряды Чач-Корта, он видел двух больших туров со спирально закрученными рогами, следовательно старых козлов. Для пушного эффекта Яни руками описывал около лба широкие круги, чтобы пояснить, какие большие рога были у этих козлов. Он видел туров на вершине, но куда они пошли дальше — проследить уже не сумел из-за спустившихся сумерек.

Полные надежд на успех предстоящей охоты укладываемся в тесной пещерке, укутываемся с головой бурками и очень скоро, утомленные тяжелой ходьбой и впечатлениями, засыпаем.

Исаак будит нас задолго до рассвета. Еще совсем темно. Небо на востоке, за черным массивом Арч-Корта, только начинает светлеть. Яркие звезды, каких никогда не увидишь на равнинах, еще горят в «полный накал» своим холодным пламенем. Травинки возле нашей пещеры покрыты тонким налетом инея.

Наскоро проглотив по кусочку хлеба, выходим на охоту.

Обязанности руководителя принимает на себя, как наиболее опытный, Исаак. Молча, стараясь ступать по возможности бесшумно, мы гуськом поднимаемся к вершинной гряде. Стало так светло, что мы видим ложбину, раскинувшуюся перед нами. Ее сравнительно пологие склоны суживаются к вершине Чач-Корта и расширяются книзу. В месте, где мы находимся сейчас, ширина ложбины километр с небольшим. Склоны ее покрыты желтой

травой, альпийскими низкорослыми растениями и осыпями камней.

Исаак, знаком показав, что нужно остановиться, подползает к невысокой скале и, сняв подзорную трубу, висевшую у него через плечо, смотрит через нее вдаль. Стоит особенная предутренняя тишина. Нет ни малейшего ветерка. Это нам на руку, так как одно из основных чувств, которым руководствуются туры,—чрезвычайно тонкое обоняние; подойти к этим чутким зверям с наветренной стороны невозможно. Вдруг труба замирает в руках проводника. Проходит секунда, другая, третья, и, сделав нам знак рукой, Исаак пятится и сползает вниз за скалу. Здесь он шопотом сообщает, что на противоположном склоне ложбины пасется девять туров. Звери спокойны и к ним можно подобраться.

Исаак вырабатывает план охоты, который принимается без возражений. Мне и Яни поручено подняться к верхней гряде ложбины и залечь там. Если напуганные звери побегут вверх, а они непременно сделают это, то неминуемо наткнутся на нашу засаду. Исаак и отец, обойдя туров, попробуют подойти к ним на выстрел, то есть попытаются «скрасть» пасущееся стадо.

Тихо, пригибаясь и прячась за каждую скалу и камень, взбираемся на вершинную гряду Чач-Корта. По знаку, данному Исааком, останавливается Яни и, пропустив нас вперед, ложится за плоским обломком скалы, приготовив ружье и не отрываясь глядя туда, где пасутся

туры. Метров через полтора-ста такое же указание получаю и я. Так же всползаю на гребень, ложусь, устраиваясь поудобнее, и вытаскиваю из чехла свой маленький, но очень хороший охотничий «Триедер»¹. Туров нахожу не сразу. Серо-коричневая окраска козлов отлично гармонирует с окраской ландшафта, и звери заметны только во время движения.

¹ Триедер — легкий охотничий бинокль.

Они, не чувствуя приближения опасности, спокойно щиплют траву, время от времени останавливаясь и настороженно прислушиваясь. Так они медленно, шаг за шагом поднимаются в направлении вершины.

Тем временем отец и Исаак, которые мне были хорошо видны, пройдя скрыто от стада всю ширину ложбины, снова поднялись к вершине и теперь спускались к турам тихо, почти ползком, прячась за скалами. Я то вижу согнутые фигуры охотников, то они скрываются от меня.

Совсем рассвело. Туров мне уже видно даже без бинокля. Так же спокойно и медленно, как и прежде, они поднимаются вверх. Все девять зверей средних размеров и среди них нет ни одного крупного козла с закрученными массивными рогами. Видимо, это стадо трех-четырехгодовалых самцов и самок. Вот совсем недалеко от них на несколько секунд показалась из-за камней согнутая фигура Исаака. Мне кажется, что он подполз уже на расстояние выстрела. «Чего же он ждет? Почему не стреляет!» — с нетерпением и досадой думаю я. В этот момент из-за камней невдалеке от туров показывается облачко дыма, и тур, пасшийся на краю невысокого обрыва, падает и скатывается под обрыв, ударяясь о скалы. Остальные галопом устремляются вверх по горе. Только в это время до моего слуха долетает громкий берданочный выстрел и эхо, вторящее ему в скалах.

Все описанное происходит, конечно, гораздо быстрее, чем я рассказываю об этом. Бегущие туры, за которыми я слежу не отрывая глаз, поравнялись со скалой, за которой притаился отец. Показываются едва заметные дымки выстрелов, и после второго или третьего один из скачущих туров падает на колени, валится на бок и остается лежать

неподвижно. Остальные скачут дальше. Слышен сухой треск выстрелов «Генеля» и еще один громкий выстрел из берданки. Очевидно, Исаак успел перезарядить свою винтовку и пальнуть по убегающему стаду.

Вопреки предположениям, туры после выстрелов не повернули в нашу сторону, они направили свой быстрый бег к вершине Чач-Корта. На пути стада возвышалась высокая скала, крутыми уступами, почти отвесно спускавшаяся ко дну ущелья. Не замедляя бега, туры, вытянувшись в цепочку, буквально как птицы, взлетели на скалу, лишь на какую-то долю секунды касаясь копытами незаметных глазу выступов. Почти с математической точностью копыта зверей, бегущих позади, касались тех же точек скалы, каких коснулись копыта передних. Еще несколько секунд, и стадо скрылось от нас. В эти минуты со всех сторон начали звучать громкие и мелодичные свисты горных индеек — «туриных пастухов», как называют этих птиц горцы. Вот с одной вершины слетела пара уларов и понеслась, распластав крылья, вслед за убежавшим стадом.

Мы с Яни вышли из укрытий и вприпрыжку под гору побежали к убитым турам. Зверь, убитый Исааком, скатился в пропасть, неглубокую, но с обрывистыми, почти отвесными стенками. Пришлось итти на место нашего ночлега за оставленными там веревками, и лишь при помощи их спустившись со скалы, братьям удалось вытащить тура. Второй тур была самка лет трех-четырех. При падении со скалы турица сильно порвала шкуру.

Охота окончена. Отец и я, городские жители, были уже достаточно утомлены и поэтому мы решили возвращаться. Итти вниз было много легче, чем вверх, и мы полностью оценили незаменимые для ходьбы по горным дорогам горские арчи. Они совершенно не скользили ни на лужайках, поросших низкой травой, ни на покрытых мелкой сланцевой щебенкой осыпях. Итти в арчах было мягко, так как внутри них была толстым слоем положена мягкая трава и ноги не чувствовали каменистый грунт. У Девдоракской будки нас встречала вся семья Исаака.

С туров была содрана шкура, туши «разделаны» и на углях рододендронов был приготовлен великолепный шашлык из свежей турятины. У Исаака оказалась бутылка

кахетинского вина, которую мы с удовольствием распили за здоровье наших проводников и хозяев.

Рано утром следующего, четвертого, дня похода мы спустились в Гвилеты, и вечером были уже во Владикавказе...

С тех пор прошло много, много лет. Уже нет ни моего отца, ни знаменитых казбекских проводников Безуртановых, но первая в моей жизни охота на туров на южных склонах Чач-Корта сохранилась и доныне в моей памяти, теперь уже старого охотника.

„ГОРОД МЕРТВЫХ“ У СЕЛЕНИЯ ДАРГАВС (Северная Осетия)

Ранним июньским утром 195... г., воспользовавшись автомашиной Северо-Осетинской турбазы, направлявшейся с экскурсией в селения Кобань и Даргавс, мы выехали из Орджоникидзе.

Ближайшие окрестности города заняты огородами, садами и посевами. По гладкому шоссе автомобиль катит быстро, и уже через полчаса, миновав большое селение Гизель, мы едем по долине речки Гизель-дона в зоне первой горной гряды хребта Лесистого. Налево от шоссе невысокие взгорья покрыты от подножий до самых вершин лесом и кустарниками. Вековые деревья почти все вырублены, но местами сохранились еще огромные чинары, когда-то стоявшие здесь сплошной стеной.

Километров через пять шоссе суживается и, свернув влево, идет у подножия второй горной гряды — Пастбищного хребта. Еще немного пути, и начинается третий хребет — Скалистый. Ландшафт становится более угрюмым и диким. Высоко в небо уходят отвесные скалы, изрезанные узкими ущельями, по дну которых бегут бурные ручьи, впадающие в Гизель-дон. В ущелье, куда еще не проникли лучи утреннего солнца, заметно прохладней. Склоны гор покрыты сравнительно редкими порослями шиповников, барбариса, астрагалов. Лишь на участках, обращенных к северу, по ложбинам и пологим краям балок кое-где растут деревья с густыми высокими кронами.

Миновали, не останавливаясь, селение Кобань. Недалеко от него на выступе скалы, над самой дорогой,

словно охраняя крутой поворот, стоит старинная сторожевая осетинская башня.

Вскоре машина остановилась. Здесь дорога упирается в скалу. Путь нужно продолжать пешком. Перед нами высоко вверх вьется тропа, доступная лишь пешеходам да легким и узким арбам горцев. Тропа делает около тридцати крутых поворотов и оканчивается на вершине ущелья, вступая на широкое Даргавское плато.

Опередив группу туристов, поднимаемся по тропинке. По обоим склонам ущелья — редкие кусты лещины, на ровных площадках у осыпей — крапива, бузина. Со всех сторон несется свист красногрудых чечевиц; на скале, отвесно нависающей над тропинкой, множество гнезд городских ласточек. Быстрые стайки белогрудых птичек со щебетом летают над нами. Среди маленьких с синечерными спинками воронков несколько более крупных каштаново-бурых горных ласточек. По самому верху ущелья со звонким визгом метеорами проносятся белобрюхие стрижи.

У тропы особенно много сорокопутов-жуланов, гнезда которых, вероятно, находятся в колючих кустах барбариса, растущих по скалам; больше самцов — самки в начале июня высиживают птенцов. Вот один жулан, распутив крылья и подняв почти вертикально свой белый с черной вершиной хвост, бросается в траву недалеко от тропы и через секунду взлетает с крупным черным жуком в клюве.

Преодолев бесчисленные зигзаги горной тропы, выходим на Даргавское плато. Оно расположено в поясе субальпийских лугов. На юге его замыкает величественный Джимарай-хох. На плато, вблизи от гор, разбросано несколько селений — Даргавс, Кокадур, Тменикау, Джимара и другие. Лужайки, покрытые травянистой растительностью, спускаются к плато; среди них то тут, то там темнеют каменные уступы голых скал, мелко- и крупнообломочные осыпи. Здесь много шиповника, боярышника, целые заросли желтых азалий и кустов барбариса. Кое-где по скалам лепятся отдельные деревца и небольшие рощицы берез. Всюду бегут горные ручьи и ручейки с прозрачной, чистой водой. Некоторые из этих ручьев считаются целебными, как, например, у селения Тменикау.

Птиц на плато много. За время прежних поездок к Даргавсу я встречал здесь стайки красноклювых клушиц

и желтоклювых альпийских галок, горных коньков, рогатых жаворонков, корольковых выюров, горных овсянок, белозобых дроздов, оляпок, стенолазов и много других. Вот и сейчас по камням широкой осыпи перепархивает пара горихвосток-чернушек — характерных птиц этих мест. Одна из горихвосток — угольно-черный самец с пепельно-серой «шапочкой» на изящной головке и с ярко-рыжим хвостиком, другая — серенькая с чуть заметным рыжеватым оттенком на брюшке — самочка. Горихвостки с тревожными криками перелетают с одного обломка скалы на другой, следуя за нами. Видимо, где-нибудь неподалеку их гнездо с еще неоперившимися птенчиками.

Оставив тропинку, следуем вдоль скалистого края высокой горы. Под одним из нависших камней замечаем несколько обгрызенных стебельков травы и кучки мелких экскрементов. Это следы пребывания обычного в горных ущельях Северной Осетии грызуна — осетинской снежной полевки.

Перейдя по камням неглубокую, но быструю речку, поднимаемся немного по склону, и мы у цели нашей сегодняшней поездки — в «городе мертвых» у селения Даргавс.

«Город мертвых» — замечательный памятник старины, относящийся к XVI—XVII векам. Состоит «город» из разбросанных в беспорядке по крутому склону горы высоких и широких кубических сооружений, сложенных из необрабанных плит известняка и глинистого сланца. Крыши поднимаются невысокими ступенями, образуя подобие усеченного конуса. Это склепы, или дзуары, то есть святилища, как их называет местное население. Одни склепы побольше — родовые усыпальницы, другие поменьше — семейные. Через квадратные отверстия в стенах видно их внутреннее устройство. Из толстых досок сделано несколько рядов нар; на них лежат завернутые в полуистлевшие одежды скелеты, вернее мумии погребенных. Некоторые из склепов пусты.

О возникновении этого «города мертвых», одного из самых больших в Северной Осетии, существуют два предания. По первому — усыпальницы сооружены были для погребения жителей селений, находившихся на месте теперешних Даргавса и Джимара. Такие склепы, дзуары, были обычны в большинстве горных осетинских селений того времени. Второе предание говорит об ином: среди

осетинских селений, располагавшихся на равнинах у подножия Кавказа, вспыхнула эпидемия чумы. Жители, спасаясь от ужасной болезни, начали переселяться в горы, надеясь на целебную, живительную силу горного климата. Однако и здесь чума их настигала. Из боязни, что в случае распространения болезни их тела могут остаться непогребенными, жители заблаговременно строили места погребения и, заболевая, приходили умирать в склепы.

В настоящее время редко посещаемый «город мертвых» с его каменными постройками, находящийся среди субальпийских лугов Даргавского плато, дает приют весьма значительному количеству разнообразных горных птиц.

Больше всего здесь чекканов-каменок. Почти из каждого склепа, как только мы приближаемся к нему, вылетают эти птички и, тревожно чекая, садятся на крыши дзуаров, на обломки камней и скал. Много здесь также и горихвосток-чернушек, уже виденных нами по дороге сюда.

Среди криков чекканов и тихого свиста горихвосток привлекает внимание и еще какой-то тревожный голос, несколько напоминающий каменку, но более резкий и отрывистый. Пестро окрашенная птица, покрупнее остальных, вылетает из щели в стене дзуара и садится на крышу неподалеку от нас.

Это пестрый каменный дрозд — сравнительно редкая птица в средней и верхней зонах Центрального Кавказа. Каменные дрозды предпочитают селиться на участках горных каменистых степей, где повсюду разбросаны валуны и редкая жесткая трава растет среди крупнообломочных осыпей. Отсюда они поднимаются и до пояса субальпийских и альпийских лугов. По облику пестрый каменный дрозд (а также и его близкий родич — синий каменный дрозд) похож на крупных чекканов, а не на дроздов, с которыми его сближает только величина.

Пестрые каменные дрозды прилетают на места гнездовий довольно поздно — не раньше последних чисел апреля; у них по сравнению с большинством горных птиц, гнездящихся очень рано, соответственно отстает и вылет птенцов. Молодые каменные дрозды покидают гнездо в начале или середине июля.

Продолжаем обход дзуаров. С крыши самого высокого из них с громким хлопаньем крыльев стремительно

слетает несколько сизых скалистых голубей, скрывающихся в ближайшем ущелье.

Наш приход в «город мертвых» уже вызвал переполох среди его пернатых обитателей. Теперь необходимо на некоторое время спрятаться, чтобы встревоженные за целостность гнезд и птенцов родители успокоились. Сажу неподвижно в тени, прижавшись к камням.

Постепенно голоса чекканов, горихвосток и дроздов утихают. Птицы начинают заниматься своим будничным делом. Сидевший на склепе дрозд улетает куда-то к скалам, но через несколько минут возвращается, держа в клюве крупную гусеницу бабочки — корм своим птенцам. Их писк слышен из щели в стене склепа, где помещается гнездо. Мимо «города мертвых» пролетает стая клушиц, кормившаяся на ближайших лугах около отары овец. На крышу склепа, в тени которого мы сидим, опустился самец белой трясогузки. Он держит в клюве несколько насекомых, по всей вероятности ручейников. Оглядев нас внимательным черным глазом, трясогузка проскользнула под крышу. Через несколько секунд, отдав добычу птенцам, она снова своим качающимся полетом понеслась к берегу ручья: птенцы непрерывно требуют корма!

Мы даже вздрогнули, так неожиданно прозвучал над головой громкий и резкий щебет, похожий на «гю-ю-иб, гю-иб». Это еще один обитатель горных лугов — каменный воробей. Он очень похож на самку обыкновенного домового воробья, но отличается от нее наличием светложелтого небольшого пятна посредине зоба и несколько более массивным клювом. Каменные воробьи гнездятся в средней полосе горных хребтов Кавказа, но не повсеместно. Например, на Военно-Грузинской дороге они встречаются исключительно редко и обычны в боковых ущельях, выходящих к шоссе. На Даргавском плато каменных воробьев, гнездящихся в склепах «города мертвых» и в расщелинах окрестных скал, довольно много. У этого воробья, так же как и у белой трясогузки, гнездо под крышей склепа. Молчавшие до сей поры воробьята, заслышав «гю-и-иб» взрослой птицы, громко зачирикали.

Высоко в небе, распластав крылья, парит пара белоголовых сипов...

Увлечшись фотографированием дзуаров и наблюдением птиц, особенно каменных дроздов, которых в других местах нам видеть до сих пор не удавалось, мы пропустили время, назначенное для отправления автомашины турбазы в обратный рейс. Итти в Кобань, чтобы там ожидать какую-нибудь случайную попутную машину, не хотелось, и мы решили заночевать в «городе мертвых». Завтра утром придет с экскурсантами очередная машина, и мы с ней вернемся в Орджоникидзе.

Быстро, как всегда в горах, наступают сумерки. Небо заволакивают тучи, начинает накрапывать дождь. Лучший выход из положения — забраться в пустой склеп. В непогоду «жилище мертвых» нам кажется довольно уютным. Здесь совершенно сухо, а толстые каменные стены хорошо защищают от ветра.

Утро нас встречает обложным дождем. В весенние и летние месяцы такой дождь на Кавказе может «зарядить» на неделю и более. Ясно, что экскурсия с турбазы не состоится, машины не будет. Нам надо выбираться из очень неприветливого сейчас «города мертвых» собственными средствами.

Почти бегом спускаемся по петляющей тропе к дороге, где, на наше счастье, застаем автомашину, которая отправляется в Орджоникидзе. Меньше чем через час мы уже катим по улицам родного города.

В УЩЕЛЬЯХ МАТ-ЛООМА

К югу от города Орджоникидзе, закрывая весь горизонт, возвышается красавица-гора Мат-Лоом, или Столовая.

Мат-Лоом, видимый издалека с владикавказской равнины, меняет свою окраску в течение дня: он кажется то светлосерым, то каштаново-желтым, то темнокоричневым с синими и фиолетовыми тенями.

Склоны Мат-Лоома, обращенные к северу, от подножья и примерно до середины покрыты буковыми лесами; выше их раскинулись субальпийские луга.

Склоны, обращенные к югу, представляют собой холмы, то пологие, то крутые; обрывистые скалы, громадные осыпи, похожие на остановившиеся в своем течении каменные реки. Книзу холмы делаются более пологими и в виде скалистых террас спускаются к быстрой речке Арм-хи. Южные склоны Мат-Лоома лишены сомкнутой древесной растительности. Здесь повсюду типичная горная каменистая степь, как бы занесенная в Осетию из сухих районов Дагестана. Ксерофитные травы и кустарники — барбарисы, астрагалы двух видов, шиповник, спирея, ковыль, шалфей, сухолюбивые злаки — основные растения этих сухих горных степей. По многочисленным промоинам, узким вверху и расширяющимся в долине Арм-хи, среди нагромождений обломков скал растут одиночные корявые и невысокие деревца алычи, боярышника и терна.

В сухих степях южного склона Мат-Лоома, натуралист найдет рогатых жаворонков, чекканов-каменок, горихвосток-чернушек, многочисленных сорокопутов-жуланов, удонов, черноголовых чеканчиков, горных овсянок и других. Здесь же, при особой удаче, можно вспугнуть и выводок горных курочек, больше нигде вблизи Орджоникидзе не встречающихся.

Проезжающие по Военно-Грузинской дороге, с которой открывается вид на долину Арм-хи из так называемой Джерахской, или Чмийской, долины, могут увидеть лежащее у вершины одного из высоких холмов Мат-Лоома селение Фортоуг, единственное на всей его пустынной и безлюдной многокилометровой площади. Через Фортоуг идет тропа на вершину горы.

Противоположная сторона ущелья Арм-хи, левая по течению реки, представляет северные отроги высоких гор Бокового хребта, называющихся Кистинскими высотами. Их отдельные вершины достигают более 4 000 метров (Арзи, Кич и Шен).

Облик этой стороны ущелья совершенно иной. Кистинские высоты спускаются к течению Арм-хи крутыми и обрывистыми уступами, отвесными высокими скалами. Более пологие склоны поросли сосново-дубовым мелколесьем, среди которого много лужаек с ярким, пестрым ковром цветов и густой зеленой травой. Многочисленные ручьи, стекающие по рытвинам, берут начало из вечных снегов Кистинских высот. Кроме дубов и сосен, которые, как и большинство деревьев, растущих на крутых участках гор, низкорослы и имеют изогнутые, корявые стволы, здесь много лип, грабов, высоких можжевельников. Нижний ярус в лесу составляют ягодные кустарники — малина, ежевика, желтые кавказские азалии и шиповник, наполняющие окрестности во время цветения одуряющим запахом. В этих дубово-сосновых лесах много света, благодаря чему их травянистый покров очень густой. В летние полдни леса эти поражают множеством ярких дневных бабочек, порхающих над венчиками цветов. Жизнь птиц тоже бьет здесь ключом. Весной слышен «бой» многочисленных зябликов, звонкое пение щеглов и черных кавказских синиц; в кустах много славок, пеночек, мухоловок.

В противоположность безлюдной обращенной к югу стороне ущелья Арм-хи, на левом берегу речки расположено несколько небольших поселков и аулов. Внимание путника привлекают высокие сторожевые башни — обязательный элемент архитектурного ансамбля каждого старого горного аула по течению рек Арм-хи, Салгихой-хи и Ассы.

Эти башни служат местом обитания скалистых голубей, летучих мышей и юрких горных ящериц.

Здесь же на северном склоне кистинских высот в живописном сосновом лесу расположен климатический курорт Дариэли и пионерские лагеря, которые в летний период заполняет веселая детвора.

Если, миновав курорт Дариэли, подниматься по тропе, идущей вдоль бурной Арм-хи, то километров через десять-двенадцать мы подойдем к восточной оконечности Мат-

Лоома. Неширокое, с высокими сторонами, боковое ущелье, по дну которого протекает кристально чистая речка Салги-хой-хи, отделяет громаду Мат-Лоома от почти вплотную подходящего к нему с востока такого же гиганта Цей-Лоома. Салги-хой-хи впадает в Арм-хи с севера, и, смешав свои воды, эти реки несут их к Тереку.

Узкое Салгинское ущелье в полукилометре от слияния рек расширяется; оно занято здесь высокоствольным сосновым лесом. Впервые очутившись здесь, можно подумать, что попал в старые корабельные боры где-нибудь в Горьковском крае или во Владимирской области. Огромные, ровные желто-красные стволы вековых деревьев поднимают к небу свои вечнозеленые кроны. Почва сплошь покрыта опавшей хвоей, всюду валяются сосновые шишки, много высоких муравейников, около которых снуют муравьи, камни, торчащие из-под сухой хвои, одеты пушистым зеленым мхом.

Участки чистого соснового бора по окраинам имеют примесь лиственных пород: березы, осины, липы и реже диких фруктовых деревьев. В нижнем ярусе высокоствольного леса растут кусты азалии и шиповника.

В этот лесной уголок, заброшенный в ущелье Центрального Кавказа и окруженный горной каменистой степью, меня, натуралиста-зоолога, привлекали обитающие здесь птицы таежных областей, птицы, которых на Кавказе немного.

В безлюдном лесу Салги-хой-хинского ущелья я встречал почти всех живущих на Кавказе выходцев из тайги и смешанных лесов севера. Стайки чижей и клестов держались на верхушках сосен, снегири перекликались друг с другом тихим свистом, вспугнутые мною дрозды-дерябы и певчие оглашали воздух громким тревожным чоканьем.

Совершенно замечательно было смешение в этом лесу птиц — выходцев из тайги и обитателей, типичных для кавказских ландшафтов. Рядом со снегирями и клестами, за опушкой леса, прыгали по скалам корольковые вьюрки, горихвостки-чернушки и горные овсянки. В глухих сосняках вместе с черным дятлом-желной, желтоголовыми корольками и черными кавказскими синицами встречались белозобые дрозды и вертлявые дятлы. На берегах Салги-хой-хи, по камням, преграждавшим ее течение, бегали горные трясогузки и оляпки.

Из птиц соснового бора наиболее интересными для меня были клесты; в прошлые поездки по Кавказу я нигде не встречал их в таком количестве, как здесь. Стайки клестов особей по десять наблюдались мной в сосновом бору ежедневно. Летом я более крупных стай не встречал. У клестов есть излюбленные сосны, посещаемые ими постоянно. Под этими деревьями лежат целые вороха шишек, выщелушенных птицами. Выводки клестов держались и кормились среди старых высоких деревьев. Взрослые птицы, сильно линявшие в это время, предпочитали кормиться у верхней границы леса, где растут не близко одна от другой корявые сосенки. Взбираясь по скалам к верхней опушке бора, еще издали слышишь песню клестов, то звонкую, составленную из громких прерывающихся свистов, то переходящую в шипящие и скрипящие звуки.

Летом в ущельях Мат-Лоома можно встретить виды, принадлежащие к фауне нескольких вертикальных поясов Кавказа. Зимой горные ущелья молчаливы и безжизненны. Редко пролетит стайка горных рогатых жаворонков или прозвучат нежные трели корольковых вьюрков, кормящихся на высоких стеблях сорняков. Большинство птиц переселяется в продольные долины предгорий, защищенные от ветра возвышенностями и лесом. Однако именно зимой натуралист и охотник может найти в ущельях Мат-Лоома интересных для него охотничьих птиц, в другое время года скрывающихся в неприступных скалах и осыпях Столовой горы. К таким птицам принадлежат и горные курочки.

Вот как описывает зимнюю охоту за горными курочками на южных склонах Мат-Лоома Р. Л. Бёме.

«В ночь на 11 января 1948 года в горах выпал первый снег. Можно было рассчитывать, что в долине Терека и в боковых ущельях речных долин средней полосы гор появятся птицы, спустившиеся из верхних поясов, где выпавший снег затрудняет добычу корма.

На следующее утро я и мой товарищ были уже на Мат-Лооме.

С гор дует холодный ветер. Не задерживаясь на широкой отмели Терека у селения Чми, где в кустах облепихи слышатся крики краснобрюхих горихвосток и где возможно после первого снега встретить даже кавказских щуров, переходим через Терек и через Арм-хи к месту охоты.

Ноги скользят на обледеневших склонах. Непрерывный ветер, а Чмийская долина какая-то «стоянка ветров», сдул снег с крутых площадок горы в ложбинки и неглубокие рытвины. Среди разбросанных во множестве обломков скал торчат редкие кустики жесткой пожелтевшей травы да колючие низкие подушки астрагалов.

Птиц в этой части ущелья, открытой ветрам, мало. Спрятавшись за большим камнем от ветра, прыгает пара крупных распушившихся от мороза альпийских завирушек. Они, как и краснобрюхие горихвостки, спустились зимовать на многие сотни метров ниже мест летнего пребывания.

Мы поднялись почти до середины горы, но курочек не слышно и не видно. Холодно. Мерзнут руки и щеки, и, признаюсь, у меня мелькает мысль — «не лучше ли оставить поиски проблематических курочек и спуститься в облепиху за «верными» щурами». Но в этот момент, оглянувшись на отставшего товарища, вижу, как подле него из груды камней поднимается выводок курочек. Взяв прицел немного вперед от летящих птиц, стреляю. Выводок летит, как ни в чем не бывало. С огорчением провожаю курочек глазами, чтобы хоть приблизительно увидеть, куда они сядут. Внезапно одна из них складывает крылья, падает и катится вниз по склону.

Подобрав первый трофей, продолжаем путь в том направлении, куда полетел выводок. Ветер не утихает. Все труднее взбираться по скользкому склону, то один, то другой из нас падает и съезжает на несколько метров вниз. Руки коченеют и с трудом держат ружье. Вот, наконец, как будто бы то место, куда сели курочки. Это неглубокая рытвина с каменистыми обрывистыми сторонами и с густыми кустами терна, занесенными снегом. Подпустив нас метров на сорок, из терновника с кудахтаньем и треском крыльев вылетают курочки. Стреляю — одна падает, целюсь во вторую, но увидев, что в нее же целится товарищ, опускаю ружье. Курочка благополучно улетает без выстрела. Оказывается, мой спутник, видя, что мы целимся в одну курочку, решил стрелять лишь в случае моего промаха. Наша обоюдная вежливость была проявлена совершенно не во время.

Выводок скрылся за грядой скал, заметить точно место, куда он сел, не удалось, и мы решаем спуститься на остров в долину Терека.

Вниз идти еще труднее, чем подниматься. С трудом добираемся до острова. Он сплошь зарос высокими густыми кустами облепихи. Между кустами во всех направлениях бегут выбивающиеся из наносного галечника роднички.

После вчерашнего снегопада остров сказочно чудесен. Ветви кустов облеплены хлопьями пушистого снега, из-под белых шапок выглядывают оранжево-желтые ягоды. Кругом неумолчный крик горных птиц, спустившихся к Тереку после снегопада, чтобы покормиться ягодами облепихи или рачками-бокоплавами, которыми кишат все роднички. На вершинах высоких кустов темнеют краснобрюхие горихвостки, карминово-красные с белыми пятнышками кавказские щуры, пересвистываются стайки снегирей.»

ВЕСЕННЯЯ ОХОТА НА ВАЛЬДШНЕПОВ

В предгорьях Северного Кавказа нет того разнообразия чудесных весенних охот, какое имеется в центральной части нашей страны. Нет здесь ни охоты на глухарей и тетеревов на току, нет охоты на селезней с подсадной уткой, нет многократно описанной в художественной литературе тяги вальдшнепов. Единственная охота, которой ждут кавказские охотники, дающая возможность побывать в весеннем лесу, послушать голоса пробудившейся от зимнего покоя природы,— охота на пролетных вальдшнепов.

Весна на Северном Кавказе наступает рано. Часто в конце февраля, а уж в начале марта непременно, начинается по-весеннему пригревать солнце, тает снег, появляются первые цветочки мать-и-мачехи, зацветает ольха и орешник, прибывают первые перелетные птицы. Вальдшнепы прилетают в двадцатых числах марта, но охота на этих пока немногочисленных птиц неинтересна: можно проходить целый день без выстрела.

К началу апреля кавказская весна в разгаре. Раскрываются набухшие маслянистые почки на чинарах, лещине, грабах и кленах. Нежная зелень первых листочков одевает ветви. По неглубоким балкам предгорий с журчаньем бегут мутные ручьи. В лесу зацветают белые с едва заметным «весенним» ароматом подснежники, в укромных

уголках, по берегам ручейков, на солнечных пригревах распускаются темнофиолетовые фиалки. Их цветение чувствуешь по запаху, доносящемуся при малейшем дуновении ветра. Прилетают птицы, лес наполняется весенними голосами. В этот период полной весны идет валовой пролет на север вальдшнепов.

Вальдшнепы летят по ночам, а дни проводят «на жировке» в кустарниках и по опушкам лесов, в зарослях по берегам быстрых горных речек, в защитных насаждениях, ограждающих фруктовые сады поселков.

В один из таких апрельских дней 193... года я вдвоем с товарищем после долгого зимнего сидения в аудиториях и лабораториях выбрался на охоту. В нашем распоряжении было полтора дня, и мы решили пострелять вальдшнепов и, если удастся, собрать некоторых птиц для коллекций.

В этот безоблачный день величественная панорама горных хребтов, открывающаяся из Владикавказа, была как на ладони: блестили вечные снега Казбека, Джимарай-хоха и Архона, вдаль на горизонте синели зубцы вершин Коштан-тау. Ближайшие хребты — Пастбищный и Лесистый — почти полностью освободились от снега и у подножий начали одеваться в зелень.

Выйдя из города после полудня, мы переночевали в 7 километрах от Владикавказа в старинной башне на берегу Терека, где помещалась Северокавказская гидробиологическая станция.

На следующее утро, встав затемно и быстро позавтракав, мы двинулись к лесным опушкам Лысой горы, одной из гор ближайшего к Владикавказу Лесистого хребта. До нее было километра четыре.

Весной пролетные вальдшнепы охотнее всего останавливаются для дневки на пологих понижающихся к северу холмах, покрытых кустарниками и зарослями хмеля, которыми оканчиваются горы Лесистого хребта. Эти холмы во всех направлениях пересечены и изрезаны неглубокими узкими рытвинами, и вот здесь утром и вечером «на пригревах», а днем на затененных участках легче всего вспугнуть вальдшнепов.

Чудесно было это весеннее утро... Солнечные лучи, легко пробивая прозрачную листву деревьев, бросали яркие блики на землю. Отцветшие белые подснежники, плотными темнозелеными кучками покрывали площадки

под столетними чинарами. Тянулись к свету малиново-красные кисточки кавказских хохлаток; на полянках распускались кобальтово-синие пролески. Из рыхлой почвы пробивались пушистые, еще свернутые в спираль листья папоротников. Над цветущими вербами с звонким гулом носились шмели и пчелы; среди деревьев мелькали оранжевые крылышки одной из самых красивых наших бабочек — авроры-зорьки. Лес был полон птичьих голосов. Отчетливо гремел весенний «бой» зябликов, звенели колокольчики больших синиц и переливы трелей зарянок. По ветвям деревьев, старательно обшаривая молоденькие листочки, прыгали пеночки-теньковки, ни на минуту не прекращая свою несложную песенку: «тень-тень, тинь-тунь, тень-тень». На высоком грушевом дереве, полуопустив крылья, делая длинные паузы, выводил свои минорные флейтовые рулады черный дрозд. Пара кавказских черноголовых соек, занятая, очевидно, выбором подходящего места для гнезда, тихо покаркивая, перелетала с дерева на дерево. Далеко разносилась громкая дробь токующего большого пестрого дятла. Пара певчих дроздов, кормившаяся дождевыми червями под пнем полуогнившей толстой чинары, взлетела на ближайшую ветку ольхи. Приподняв перья на затылке, дрозды прекрасными черными глазами внимательно смотрели на нас, не желая оставлять кормного места, и с нетерпением ожидали нашего ухода. С отмели Черной речки доносились высокие свисты куличков-перевозчиков.

Обогнув Лысую гору и пройдя вдоль опушек ее лесистых склонов, мы не подняли ни одного вальдшнепа и вышли к берегу Черной речки. Высоко, высоко в синеве неба, прямо над нами, кружилось два канюка, справлявших свой медовый месяц «брачными» играми. Крупные птицы, то сложив крылья, стремительно падали вниз, то, часто взмахивая ими, гонялись друг за другом. Временами одна из них парила, почти не двигаясь с места, а другая носилась вокруг, стремительно меняя направление полета. Игры сопровождались печальными, далеко слышными стонущими криками. В стороне от нас пролетела стайка клинтухов, спешивших на свои гнездовья.

Перебравшись по камням через Черную речку, мы продолжали поиски вальдшнепов в устьях глубоких балок. Весна в этом году была без дождей. Влага от растаявшего снега уже испарилась, в лесу стало сухо. Этим

можно было объяснить отсутствие длинноклювых лесных красавцев. Им трудно добывать червей и личинки насекомых в сухих прошлогодних листьях и из-под плотной высохшей земляной корки. Вальдшнепы, видимо, остановились где-то в других местах.

Обсудив положение, мы направились несколько выше по отрогам хребта, туда, где, как казалось нам, среди кустарников, опутанных густым хмелем, в глубоких, обращенных к северу балках должна сохраниться сырость. Итти по крутым склонам балок, непрерывно продираясь сквозь плотную сеть хмеля, было очень утомительно. Мы часто останавливались, чтобы передохнуть.

Предположения наши оказались правильными. Хотя вальдшнепов и здесь оказалось немного, но все же то впереди, то сбоку с характерным шумом крыльев, иногда с тихим кряхтеньем взлетали эти коричнево-пестрые лесные кулики — красная дичь охотников.

Стрельба по внезапно поднявшейся птице, которая лишь на несколько секунд мелькнет в чаще, а затем взмывает к густым вершинам деревьев, — дело не простое.

Мой товарищ был моложе меня и по возрасту и по охотничьему опыту. Хороший зоолог, страстный охотник, он был посредственным стрелком. После каждого моего выстрела слышался его вопрос: «Опять убил?» Если ответ был отрицательный, вопросов более не следовало, если положительный, то до меня доносилось какое-то недовольное ворчанье.

Так мы поохотились часа три. До вечера было далеко, и я рассчитывал зайти еще в Навагинскую балку, спускающуюся уже не к Черной речке, а к Гизель-дону. Но совершенно неожиданно, едва я положил в ягдташ третьего вальдшнепа, мой спутник заявил, что он достаточно насмотрелся, как я стреляю вальдшнепов, и что он вспом-

нил о совершенно неотложных делах в городе, а потому поворачивает домой... Возвращаться домой, когда так приятно бродить по весеннему лесу, слушать птиц, когда можно было охотиться еще часа три-четыре, мне очень не хотелось, но пришлось.

Когда на следующий день мы встретились в институте, мой друг за ночь уже «переболел» свои охотничьи огорчения, вспоминал о них с улыбкой и жалел о том, что так рано ушел из лесу.

ТУРАЧИ

Турач — одна из наиболее редких и красиво окрашенных охотничьих птиц. Его родичи распространены в значительном количестве видов в Африке и странах южной Азии. В СССР турач встречается в настоящее время лишь в Азербайджане и в Туркмении в долине Атрека.

Турачи преследовались охотниками с незапамятных времен из-за своего замечательного по вкусовым качествам мяса, считавшегося «царским блюдом». Греческий историк Ксенофонт (IV столетие до нашей эры) повествует, что на парадных обедах персидского царя Кира одним из наиболее изысканных блюд, подававшихся при приеме послов, были турачи.

Эти нарядные, хорошо бегающие и плохо летающие птицы, поднявшись «на крылья» скоро утомляются. Они хорошо уживаются на культурных землях в непосредственной близости от поселков и, как легкая добыча для охотников, непрерывно количественно уменьшаются. Во многих странах Западной Европы, где турачи водились еще около 100 лет назад, сейчас они уже истреблены.

Я встречал турачей в Азербайджане на посевах хлопка, в зарослях держи-дерева, на почти лишенных высокой травы выгонах с отдельными кустиками осок, в густых зарослях сорняков, типичных для многолетних залежей, в непролазных чащах стелющейся по земле ежевики, в тростниках и камышах, растущих у берегов водоемов и арыков, в стерне, остающейся после уборки хлебов, в садах и на огородах вблизи поселков и на гарях среди древесной и кустарниковой растительности. К. А. Воробьев, изучавший турачей в Туркмении, находил их в

«травянистых и кустарниковых зарослях, идущих по Атреку, вокруг озер Делили, а также в зарослях многочисленных оросительных каналов. Эти заросли образованы главным образом верблюжьей колючкой, полынью и солянками, среди которых разбросаны отдельные кусты или группы селитрянок и тамарисков (гребенщиков). Высота зарослей верблюжьей колючки в среднем равна 80 см, но отдельные кусты достигают одного метра и даже бывают немного выше. Эти заросли, занимающие иногда значительные пространства, и определяют собой ареал распространения турачей в низовье Атрека»¹.

Турачи — исключительно оседлые птицы; они проводят всю жизнь там, где вывелись, и никогда не совершают никаких переселений или кочевок. Из всех наших куриных птиц турачи хуже других переносят даже кратковременные невзгоды, связанные с появлением снежного покрова — редкого явления в местах их распространения. Обитают турачи там, где климат сухой, субтропического типа, со средней годовой температурой в $+12$, $+15$ градусов и со средней температурой самого холодного месяца, января, всегда выше одного градуса тепла.

Профессор А. Н. Формозов, подробно изучивший значение снегового покрова в жизни зверей и птиц, пишет, что появление «глубокого снежного ковра на занятых фазанами угодьях вызывает бескормицу и гибель их от истощения, то же самое нужно сказать о тураче, распространенном у нас в районах с очень мягкой зимой»². К. А. Воробьев указывает, что «когда выпадает снег, турачи, не привыкшие к нему, становятся совершенно беспомощными и легко уничтожаются как человеком, так и различными хищниками»³.

По моим наблюдениям, после суровых и снежных зим, довольно редких в Азербайджане, количество турачей резко снижается. Я также считаю голодание основной причиной гибели турачей после снегопадов, которая усугубляется истреблением их хищниками и браконьерами.

В районах распространения турачей весна наступает

¹ К. А. Воробьев. Материалы к биологии турача и распространение его в южной Туркмении. «Бюллетень Московского общества испытателей природы», отд. биологии, т. I, (1), М., 1946.

² А. Н. Формозов. Колебания численности промысловых животных. М.—Л., 1935.

³ К. А. Воробьев, указ. соч.

очень рано — в первых числах марта наблюдаются ее вполне ощутимые признаки. В первые весенние дни турачи начинают токовать и разбиваться на пары¹.

Во время тока самцы кричат почти непрерывно. Их крик «чук-ти-ти-турр», «чук-чук-ти-тур», послужил поводом для их звукоподражательного названия: например, на русском языке и на языках всех тюркских народов «турач», на иранском языке — «дурраж» и т. д.

Ток начинается задолго до восхода солнца и особенно оживленным становится на заре, но крики турачей слышны и в продолжение всего дня.

Разбившись на пары, турачи приступают к постройке гнезда и откладке яиц. Гнезда турачи строят на земле около кустика какого-нибудь травянистого растения. Простую ямку, в которую турач-самка откладывает яйца, даже назвать гнездом трудно — это незначительное углубление часто без всякой подстилки. Яиц в кладках обычно семь-девять штук, но может быть и более. Яйца турачей имеют очень толстую скорлупу и окрашены в однотонный оливково-бурый цвет; иногда на этом темном фоне имеются белые пятнышки. Высиживание, по данным К. А. Сатунина, продолжается 21 день. После того как вылупятся цыплята, в заботах о выводке принимают участие оба родителя. Турачата растут быстро, и выводки распадаются, едва только молодые, вполне оперившись и научившись хорошо летать, достигнут примерно трех-четвертей размера взрослых птиц. Мне встречались цыплята турачей ростом немного больше половины взрослых, но уже державшиеся отдельно. После рассеивания выводков турачи держатся чаще всего парами или группами — по четыре-семь птиц в каждой.

Излюбленный корм турачей в Туркмении — ягоды селитрянки, для добывания которых птицы часто забираются на колючие кусты этого растения. Питаются они также и самыми разнообразными семенами как культурных, так и дикорастущих растений. Пища животного происхождения занимает в корме турачей также значи-

¹ По моим наблюдениям, подтверждаемым и К. А. Воробьевым, указания, встречающиеся в нашей охотничьей литературе на полигамию турачей, неверны. Турачи моногамы и на период кладки яиц и воспитания птенцов образуют пары. Возможно, что пары турачей не разбиваются и осенью, но последнее обстоятельство нуждается в проверке.

тельное место. По данным К. А. Воробьева, насекомые преобладают в пище турачей в летние месяцы, а семена и зелень — в зимние.

Охота за турачами относится к числу весьма несложных. Крупная, яркоокрашенная птица, придерживающаяся одних и тех же мест в течение круглого года — легкий объект для добывания.

Помимо стрельбы из охотничьих ружей, турачей ловят самыми разнообразными способами. В Азербайджане добывают их при помощи ловчих ястребов (перепелятников, реже тетеревятников), ловят силками, в особо устраиваемые «ямки», «пружками», а при выпадении снега загоняют ослабевших от бескормицы птиц и избивают палками. Своеобразный способ охоты на турачей в Туркмении описывает К. А. Воробьев: «В те зимы, когда выпадает снег, туркмены без особого труда ловят турачей прямо руками. Для этого они осматривают, иногда верхом на лошади, травнистые заросли, чередующиеся с открытыми чистыми местами. Поднятый турач, пролетев небольшое расстояние, опускается, охотник быстро подъезжает к этому месту и снова вспугивает затаившуюся птицу. После трех, четырех подобных перелетов турач настолько обессиливает, что, забившись куда-нибудь под куст, позволяет взять себя руками... Вышеописанный способ добычи турачей говорит о том, что летательные способности турача крайне ограничены и к более или менее продолжительному полету он совершенно не способен»¹.

Я много лет мечтал познакомиться с турачами не по книжкам, а посмотреть на них в природной обстановке. Эти мечты помог осуществить профессор Г. П. Дементьев, выхлопотавший мне через орнитологическую секцию Общества охраны природы командировку и разрешение на отстрел турачей в степных районах Азербайджана осенью 1935 года.

В средних числах ноября я и мой обычный спутник в подобных «зоологических охотах», препаратор В. А. Сеlegenенко, выехали в Бардинский район Азербайджанской ССР.

После довольно длительного пути по железной дороге мы, высадившись на станции Евлах, к середине дня добрались до большого районного центра — селения Барда.

¹ К. А. Воробьев. указ. соч.

Весь Бардинский район — обширная равнина Куро-Араксинской низменности, примыкающая к Ширванской степи. Равнину эту пересекают две речки, левые притоки Куры — Тертер и Новый Тертер. От них во всех направлениях тянутся арыки, так как господствующая система земледелия здесь — поливная. Берега Куры заросли вековым пойменным лесом — тугаем. Вся равнина, на которой мы охотились, интенсивно возделывается. Преобладающая культура — хлопок, занимающий обширные сплошные массивы; между посевами хлопка встречаются поля пшеницы, кукурузы, овса, проса. У хуторов и поселков имеются небольшие огороды и фруктовые сады. Среди посевов, занимая часто по несколько десятков гектаров, поднимаются непроходимые чащи держи-дерева, ежевичники, терновники и отдельные гривки чия и тростников. Берега арыков всюду покрыты высокими зарослями тростников, кустов дикого гранатника; изредка встречаются участки луговой растительности. Вблизи селений и по берегам каналов растут отдельные высокие деревья — осокори, дубы, платаны.

С первого и до последнего дня нашего пребывания в Барде стояла теплая, ясная осенняя погода. Шла вторая половина ноября, но было тепло, а в полдень даже жарко. Трудно было представить, что в центральных областях нашей страны уже начались зимние стужи и непогоды.

Устроившись в Барде в Доме колхозника, мы решили в остающиеся до вечера два-три часа сходить на рекогносцировочную экскурсию в ближайшие окрестности.

Выйдя за пределы построек и миновав сады, мы достигли убранных к этому времени полей. На стерне ячменного поля, густо заросшего сорняками, среди которых преобладали высокие полузасохшие кустики лебеды, моя собака — континентальная легавая — Фрам забеспокоилась, начала принюхиваться, суетливо тянуть то в одну, то в другую сторону. Наконец, уверенно потянув в одном направлении, Фрам остановился. Не успел я подойти к собаке, как из-под самой ее морды вылетело два турача. Я видел их первый раз в жизни и, признаюсь, ожидал чего-то другого. Они вылетели почти бесшумно, несколько иначе, чем остальные куриные птицы. Их медленный полет больше всего напоминал полет жирного осеннего отяжелевшего перепела. После моего удачного дуплета мы подобрали двух турачей. Обе птицы были самки.

Далеко уступая по красоте оперения нарядным самцам, турачи-самки все же очень красивы. Пестрая окраска из сочетания глинисто-желтых, коричневых и черных пятен и рыжее пятно на «ошейнике» делают их одними из самых привлекательных по оперению видов дичи.

Все пять дней пребывания в Барде мы каждое утро отправлялись в охотничьи экскурсии, с которых возвращались в полные сумерки. За эти дни мы обошли весь ближайший район, охотились на угодьях сел Айриджи, Мирза-Алибеклу, Чилибиляр и Чолохол-Тайлу, окружающих районный центр. Турачей в этом году было немного, но встречались они почти повсеместно и поиски их были увлекательны. Возможность вспугнуть их всюду держала нас в постоянном и напряженном ожидании взлета прекрасной птицы.

Кроме турачей, в Бардинском районе другой заслуживающей внимания дичи не было. Однажды около Куры мы вспугнули петуха фазана. Вылетевший из-под далеко забежавшего Фрама, вне пределов досягаемости наших ружей, фазан со звонким коргоканьем понесся к тугаю. По сжатым участкам хлебов, в стерне, поросшей сорняками, держалось много перепелов, но они привлекали только Фрама, мы их не стреляли. Очень мешало охоте по турачам огромное количество зайцев. Случалось, Фрам начинает искать; подходишь, испытывая знакомое всем охотникам чувство особого напряжения, предшествующего вылету желанной дичи, но вместо турача выскакивает заяц, а то и два сразу. Мне охота по зайцам никогда не доставляла удовольствия, а при охоте на турачей эти прыгающие длинноухие звери просто портили настроение. Зато Фрам получал истинное удовольствие от многочисленных встреч с зайцами. Воспитанный на подмосковных охотах, кровный курцхаар Фрам был прирожденным «зайчатником», и после стойки, а потом пробега за нестрелянным зверем он приходил немного сконфуженным, запыхавшимся, но в выражении его морды сквозило удовлетворение. Разве можно было равнять, с его точки зрения, какую-то пеструю птицу, не умеющую даже как следует, с шумом взлететь, с быстроногим зайцем, одна возможность погнаться за которым так увлекательна.

Повадки турачей при охоте за ними описывались неоднократно. Указание профессора М. А. Мензбира, что при охоте на турача собака не нужна, так как «турач не

выдерживает стойку», совершенно неверно. Выгнать турача без собаки из непролазной чащи держи-дерева или из зарослей колючих терновников и гранатников почти невозможно, да и в большинстве случаев турачи, встреченные нами, вылетали только после стойки собаки. В нескольких же случаях, при нахождении птиц среди густо переплетенных стеблей ежевичника или густых сорняков, турачи вылетали из-под самой морды Фрама после весьма долгого «вытаптывания» их.

Единственная трудность при охоте за турачами — найти и вспугнуть их. Стрельба по турачам очень проста. Сравнительно крупная птица взлетает близко и чаще всего, как фазан, «свечой», а затем, сделав угол, летит горизонтально. Перед тем как сесть турач летит некоторое расстояние без взмаха крыльев, планирующим полетом, опять-таки напоминая этим фазана. Из всех известных мне охотничьих куриных птиц полет у турача самый медленный. Особенно легко стрелять турача при его подъеме «свечой». Взлетая, петушки турача часто издают негромкое кудахтанье, а молодые птицы писк.

Ежедневно, возвращаясь вечером домой, мы приносили с собой добытых птиц. Каждая экскурсия давала что-нибудь новое, вносила в представление о ранее не виденных мною птицах новые штрихи. Мне запомнилось несколько встреч с турачами. Вот некоторые из них:

Мы идем берегом большого арыка по высокой насыпи с густыми древесными посадками. Среди гранатника, покрытого желтыми потрескавшимися плодами, высятся

огромные платаны с уже опадающей листвой. Фрам бежит впереди, с трудом продираясь сквозь густые плети ежевики, сплошным ковром покрывающие насыпь. В одном особенно густом кусте собака внезапно остановилась на стойке, и в тот же момент из-под нее громко кудахтая, путаясь в переплетенных ветвях деревьев, как это бывает иногда с вальдшнепами, вертикально

поднялся петушок турач. Взлетев над высокой стеной деревьев, он сделал крутой угол и полетел над вершинами.

Освещаемый лучами солнца турач был очень красив. Все особенности его пестрого оперенья эффектно подчеркивались ярким освещением. Были ясно видны и черная в белых каплевидных пятнах нижняя сторона тела, и черная с белыми щеками головка, и яркорыжий хвост...

Другая встреча с турачом произошла у меня при следующих обстоятельствах. Осенью, подготавливая новые участки под посевы, колхозники Бардинского района выжигают массивы держи-дерева и терновников, перемежающихся с густой жесткой травой. Время нашей охоты пришлось как раз на период таких палов. Я шел вдоль гривки тростников. Фрам бежал впереди меня. Несколько в стороне от нас находился участок, на котором только вчера выжигали терновник. В воздухе еще пахло дымком. На черном фоне выжженной травы вырисовывались серые стволы обгоревших кустов.

Случайно, отвлекшись от наблюдений за поиском Фрама, я взглянул в сторону гари и заметил шагах в двадцати от себя четырех турачей. Птицы не видели меня. Это были три петушка и одна курочка. Они то бежали, то медленно шагали по опушке обгорелых кустарников, склевывая «поджаренных» вчерашним огнем кобылок и кузнечиков.

Скрываясь за стеблями тростника, я подошел к пасущимся птицам шагов на восемьдесят и остановился, наблюдая за ними. В это время на поляну выскочил Фрам. Птицы, сжавшись и вытянув шеи, побежали в кусты. Я выстрелил по бегущим. Один петушок свалился на обгоревшую траву, остальные взлетели и скрылись за кустарниками...

Однажды после особенно удачного охотничьего дня мы возвращались в Барду. В наших сумках лежало несколько турачей, нужно было всех их отпрепарировать;

поэтому и охоту мы закончили раньше, чем обычно. На выгоне недалеко от Айриджи паслось большое стадо коров. Во избежание недоразумений, которые могли возникнуть у Фрама с этими рогатыми зверями, мы свернули с дороги, чтобы обойти стадо. Внезапно Фрам остановился на мертвой стойке перед маленькой кочкой, по краям заросшей осокой. Нехотя, решив, что это опять перепелка, я подошел к нему. Из-под самой морды собаки поднялась самка турача и полетела прямо на стадо, в середине которого она, спланировав, опустилась.

Турачи, как уже отмечалось, не обладают совершенными средствами полета. Необходимо отметить также, что и бегают они, видимо, хуже других куриных — фазанов, горных курочек, серых куропаток. Подстреленные турачи не стремятся убежать подальше от охотника, как это проделывают фазаны, а заметив по дороге какой-нибудь густой кустик, прячутся в него. Из нескольких подстреленных нами турачей, несмотря на не особенно блестящие способности Фрама в поисках подранков, мы не потеряли ни одного...

Со времени этой поездки в Азербайджан прошло около двадцати лет. Вспоминая картины очень многих охот на самую разнообразную дичь в различных условиях Кавказа и других районов нашей страны, я должен сказать, что поездка за турачами принадлежит к одним из наиболее запомнившихся мне, ярких и привлекательных.

ГРЕБЕНЧУКОВЫЕ ПЕСЧАНКИ

Вдоль всего северо-западного берега Каспийского моря широко раскинулись раздольные предкавказские степи — Прикумские, Моздокские, Кизлярские, издавна воспетые в народных песнях.

Много зверей и птиц обитает среди разнообразных природных районов этих плоских равнин. В полупустыне и степях кочуют несчетные табуны сайгаков. Кавказские олени с большими ветвистыми рогами, стада диких свиней, волки, козули, шакалы и лисы скрываются в чащах тростников и вековых лесов, окаймляющих реки, которые, пересекая эту равнину, впадают в море. Но не только крупные звери обитают в степях Предкавказья. В тысячи

раз больше в глинистых и песчаных степях у Каспийского моря мелких зверьков, ведущих ночной, скрытный образ жизни. На них мало кто обращает внимание, их хорошо, да и то не всегда, знают одни натуралисты.

В этом очерке я хочу рассказать о песчанках — обычных и массовых грызунах полупустынной части Предкавказья.

Небольшие грациозные песчанки — в большинстве своем сумеречные и ночные зверьки. Приспособившаяся к жизни среди засушливых ландшафтов группа песчанок довольно велика и заселяет обширные территории Африки. Передней, Средней и Центральной Азии.

От степного Забайкалья, каменистых пустынь Монголии, от бесплодных равнин Бет-Пак-Дала, через пески Каракумов и Западного Казахстана песчанки распространяются до степей восточного Предкавказья и нижней Волги.

На северо-западном побережье Каспия живут два вида этих зверьков: маленькая золотисто-рыжая полуденная песчанка и несколько более крупная коричневатая-серая гребенчуковая. Полуденная песчанка предпочитает селиться на безводных песчаных участках, не избегая на первый взгляд безжизненных сыпучих песков с разбросанными кое-где высокими кустами песчаного овса, или волоснеца.

Гребенчуковая песчанка обитает в плоских, песчаных и глинистых степях с довольно обильной растительностью, где много невысоких степных злаков, сочных солянок, полыни. Гребенчуковая песчанка, пишет профессор В. Г. Гептнер, крупнейший знаток этой группы грызунов, «единственная наша песчанка, не избегающая густых зарослей; селится она в хорошо закрепленных и не слишком сухих песках, поросших гребенчуком, где встречается подчас в большом изобилии»¹.

Мне много раз приходилось встречать гребенчуковых песчанок во время зоологических поездок в Прикаспийские степи. Я наблюдал этих зверьков и в условиях неволи.

Одни эпизоды из жизни песчанок я подсмотрел в Кизлярских степях, другие узнал, изучая пойманных зверьков в лаборатории, и, наконец, кое-что я выяснил, рас-

¹ Б. С. Виноградов, А. И. Аргиропуло, В. Г. Гептнер. Грызуны Средней Азии. Академия Наук СССР, 1936.

смаатривая следы песчанок на сыпучей почве около их подземных жилищ. Следы зверьков — об этом знают натуралисты — записи правдивые и беспристрастные.

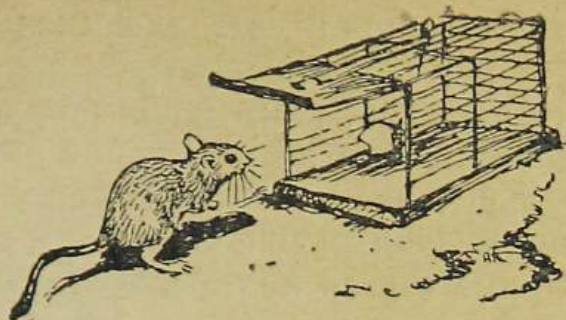
В глубокой теплой норе, в гнезде, сделанном из тонких травинок и растительных волокон, появились песчанки на белый свет. Днем они спали в темной норе. Ночью, когда воздух родных степей благоухал полынью и чебром, они выходили под яркие звезды и при их таинственном зеленоватом свете бегали друг за другом, словно играя «в пятнашки». Они любили взбираться на гребни невысоких песчаных барханов и играть среди корней гребенчуков, на гибких ветвях которых качались кисти нежнорозовых цветов. В степи можно было выкопать сочные сладкие луковички тюльпанов, погрызть травинки, попробовать листочки горьковатой полыни.

Каждый предмет, не виданный раньше, привлекал внимание бойких зверьков. Песчанки подбегали обнюхать цветущий крупными белыми звездочками округлый куст гармалы, мимоходом надкусывали жесткие веточки сухого шара перекати-поле, дивились на обрывок случайно брошенной газеты. Все им надо было посмотреть, обнюхать, попробовать. Вчера они едва успели юркнуть в спасительную нору, во-время увидев при лунном свете тень бесшумно налетевшей совы; сегодня, заметив неуклюжего, на коротких лапках, ушастого ежа подбежали было к нему, чтобы получше рассмотреть, но потом гурьбой унеслись, весело оборачиваясь, когда еж, засопев и фыркая, погнался за ними. Конечно, не такому увальню догнать песчанку.

Это стремление все посмотреть и ключом бьющее любопытство довели молоденьких песчанок до беды и в конце концов разлучили их с привольем степей.

Как-то в мае, выбравшись поздним вечером из норы, песчанки заметили недалеко от своих подземных жилищ странные предметы. В каждом был кусочек хлеба, намазанный медом. Вид у этих незнакомых предметов самый безобидный, стоят они неподвижно, не сопят угрожающе, не пытаются нападать. Осмотрев их на расстоянии, песчанки, вдыхая притягательный запах меда, подбежали поближе и осторожно обследовали странные сооружения со всех сторон. Один самый храбрый зверек, разбежавшись, даже перескочил через них. Опасаться, пожалуй, было нечего. И песчанки, перегоняя друг друга, бросились

к приманке. Но едва «счастливец», обогнавший других, потянул хлеб... раздался громкий стук, упала железная дверца, и песчанка очутилась в мышеловке-живоловке. Другие ловушки, стоявшие несколько поодаль, тоже не остались пустыми.

Утром к ловушкам пришли люди. Пленников отнесли в станицу и посадили в деревянный ящик, закрытый провололочной сеткой. А еще через несколько дней их пересадили в маленькие провололочные клеточки и куда-то повезли. Ехали сначала на тряской телеге, а потом в вагоне. Было неприятно и страшно.

Через два дня томительного пути песчанки очутились в городе в просторных светлых террариумах. Если бы здесь не было так сыро и душно, жить было бы вполне сносно. Здесь не надо было опасаться ни ночных нападений змей или сов, ни визитов ежей, но зато здесь не было и сухого степного воздуха, ясных звездных ночей, бурных порывов ветра, приземистых кустов гармалы, вокруг которых так хорошо играть, знакомого свежего запаха полыни. Первое время зверьки были угнетены и печальны.

Но недели через две песчанки совершенно освоились, а через полтора месяца по приезде в город у одной из них родилось пять детенышей. Мать заботливо кормила их. Чтобы малышей никто не беспокоил, она из клочков ваты и травы смастерила им в углу террариума уютное шарообразное гнездышко.

Молодые песчанки росли медленно. Только на восемнадцатый день у них открылись глаза. Прозрев, они уже пробовали пить из чашечки воду и, подражая матери, грызть зерна овса и листья бураков. На двадцать второй день маленькие зверьки стали вылезать из гнезда. Мать вначале относилась к этим проявлениям самостоятельности неодобрительно. Схватив детенышей за загривки, она утаскивала их обратно в гнездо.

«Все растет на свете, выросли и дети», и матери через некоторое время пришлось примириться с их самостоятельностью. Ровно через месяц после рождения молодые песчанки оставили мать. Они достигли уже половины ее величины. У старой песчанки к этому времени началась линька.

Я держал в клетках самых различных мелких зверьков. Обычно они или спят, свернувшись клубочком в темном углу клетки, как, например, лесные сони, полчки и тушканчики, или не перестают дичиться людей, прячутся по-дальше, злобно ворчат, как суслики и обыкновенные хомяки. Исключение составляют в первую очередь уже описанные в этой книге джунгарские хомячки и во вторую — песчанки.

Очень интересно наблюдать за поведением этих зверьков в больших светлых помещениях, где они имеют возможность свободно двигаться.

Днем песчанки спят, разметавшись во сне, как маленькие дети, которым жарко. Они лежат по углам клетки кучками, из которых в разные стороны забавно торчат длинные задние лапки и хвостики. Наступают ранние сумерки. Зверьки просыпаются, вылезают из дневных убежищ, трут глазки передними лапками, потягиваются. Совершают несложный туалет. Оживившись, песчанки принимаются бегать друг за другом. Приподнявшись один против другого на задние лапки, зверьки трутся мордочками, борются, кусаются, но все это «не всерьез», играя, беззлобно и без раздражения. Драк между песчанками с покусками и кровопусканиями я никогда не наблюдал.

Если зверькам бросить охапку свежей травы, игра тотчас же прекращается. Вся шумная компания принимается грызть стебельки. Проходит минут десять и вновь начинаются игры. Людей песчанки не боятся; зверьков можно наблюдать часами, что совершенно их не беспокоит.

Неопытному человеку песчанки на первый взгляд могут показаться похожими на крыс. Однако, присмотревшись к ним, легко обнаружить признаки, сильно отличающие их от пасюков. Стройное тело песчанки окрашено сверху в коричневато-серый цвет с легким красноватым оттенком, нижняя, брюшная сторона белая. Мордочка у нее притупленная с длинными тонкими усиками. Глаза очень большие, выпуклые, блестяще черные. Длинный хвост не голый, как у крысы, а сплошь покрыт коричневыми волосами. Задние лапки у песчанки несколько длиннее передних; зверек может вставать столбиком и прыгать на одних задних лапах, подобно тушканчику.

...Там, где кустики голубоватой морской полыни покрывают глинистые степи, где растут колючие ароматные кусты лоха, а по заболоченным берегам степных ериков и

озерков желтые ирисы поднимают к небу прекрасные цветы — там, в Кизлярских степях, гребенчуковые песчанки водят ночами при свете звезд свои веселые «хороводы»¹.

СЛЕПЫШИ

Памяти Алеши Анисимова

Когда-то, в давно прошедшие времена, к одному богачу, у кибитки которого шла стрижка овечьих отар, подошел бедняк, не имевший ни одной овечки. В степи жил старый обычай — во время стрижки наделять шерстью бедняков, не имеющих возможности запастись на зиму теплой одеждой. Но жадный богач не хотел поделиться своим добром. Завидев бедняка, он спрятался в куче настриженной шерсти, глубоко зарывшись в нее. Бедняк, не найдя у кибитки хозяина, догадался в чем дело и, горько обиженный этой скаредностью, горячо пожелал, чтобы богач никогда больше не видел ни вольной степи, ни жаркого солнца, ни ярких звезд, а остался бы навсегда погребенным под кучей шерсти. И вот богач превратился в амамбике (слепца), который всю жизнь проводит под землей, роя в ней длинные ходы, а если и выходит на поверхность, то все равно ничего не видит, так как глаза у него навеки заросли толстыми складками кожи.

Аллах, превративший богача в амамбике, сказал, что простит его лишь тогда, когда амамбике нароет семь равных куч земли, расположенных в одну прямую линию. И с тех пор амамбике роет землю днем и ночью, утром и вечером, но никак не удается ему сделать больше пяти-шести одинаковых куч.

¹ Можно согласиться с автором, что песчанки при содержании их в неволе могут доставить любителю природы много приятных минут. В то же время необходимо решительно подчеркнуть, что в ряде районов эти грызуны играют большую роль в хранении и распространении некоторых инфекций, передающихся человеку. Любитель зверьков по незнанию и неосторожности вместе с пойманными песчанками может занести в свой дом, в поселок, в город опасную болезнь. Поэтому нужно избегать близкого соприкосновения с песчанками, в особенности с полуденной и большой. Некоторые виды песчанок, например большая, — серьезные вредители пастбищ, пескоукрепляющих кустарников и саксаула; краснохвостая песчанка, кроме того, портит посевы пшеницы, хлопчатника и др. — *Прим. ред.*

Аллах наказал и жену богача, помогавшую мужу спрятаться в шерсти и скрывавшуюся от бедняка под кошмой кибитки: она была превращена в надоедливую бриэ (блоху), осужденную вечно жить в складках кошмы и мучить своими укусами людей и животных. Много было у богача овец и другого скота, собак и домашней птицы. Когда богач, превращенный в амамбике, скрылся под землей, овцы его побежали по степи быстроногими сайгаками, собаки ушли в песчаные барханы, превратившись в злых волков, а коровы и куры стали оленями и фазанами и скрылись в камышах.

В тот день, когда амамбике нароет семь одинаковых куч, расположенных по прямой линии, в середине степи появится большая кибитка, из земли войдет в нее прощенный амамбике, бриэ спрыгнет с кошмы и, превратившись опять в женщину, будет готовить своему мужу горячий чай; волки пригонят к кибитке оленей и сайгаков, а кизяк у входа в кибитку будут клевать блестящие куры—фазаны.

Эту старую ногойскую сказку о слепыше-амамбике мне рассказали много лет назад в кибитке в Прикаспийской степи.

Вероятно, очень многие, проезжая по степи юга и востока европейской части СССР, по Саратовской, Воронежской и Ростовской областям, по степям юга Украины и Кубани, видели из окна вагона многочисленные кучки земли, нарытые у полотна дороги. Многие думают, что эти холмики насыпаны обыкновенным, широко известным зверьком — кротом. Кучки земли, о которых я говорю,— работа слепышей-амамбике.

Слепышей — самых своеобразных грызунов — мало кто знает. Их мало знают даже зоологи.

У нас в СССР живет несколько видов слепышей. Наиболее известные из них — слепыш гигантский, живущий на Прикаспийской низменности (в частности, в Кизлярских степях); обыкновенный слепыш, обитающий на широком пространстве юго-востока страны; и слепыш подольский, распространенный в целинных степях, лесных массивах и по приопушечным участкам правобережной Украины.

Особенность слепыша, наложившая резкий отпечаток на его строение и на всю его биологию, состоит в том, что он всю жизнь, с момента рождения и до смерти, проводит под землей. Слепыш никогда не покидает своих подземных ходов, если его не вынудит к этому какое-нибудь необы-

чайное обстоятельство. При помощи резцов слепыши роют длиннейшие ходы, расположенные параллельно поверхности земли и неглубоко под нею. При этом слепыши подгрызают корни и корневища, а подчас затаскивают под землю и зеленые листья понравившегося им растения. Изодня в день и зимою и летом работают эти неутомимые землекопы, добывая себе корм.

Под землей, где всегда абсолютно темно, как бы совершенны не были органы зрения, все равно ничего не увидишь, и у слепышей органы зрения практически отсутствуют. Под плотной кожей сохранились, как доказательство происхождения слепышей от «зрячих» предков, крошечные глазные яблоки, сохранились и зрительные нервы, идущие к ним, но все это не более как рудименты. Лучше развиты у слепышей обоняние, осязание и слух.

Если слепыша выпустить в комнате, то зверек, опустив морду вниз, громко топоча короткими лапами, неуклюже переваливаясь, издавая хрюкающие звуки, добежит до первого препятствия, преграждающего ему путь, а потом совершенно таким же аллюром, так же похрюкивая, бежит задом наперед, переставляя лапы в обратном порядке.

В последние 15—20 лет несколько советских зоологов изучали этих интересных зверей. Кое-что в результате этих исследований стало ясным, но многого мы до сих пор еще не знаем. Образ жизни гигантского слепыша в степях Предкавказья изучали профессор С. С. Туров и Л. Г. Турова; на стационаре вблизи Кизляра молодой зоолог Алеша Анисимов, погибший на фронте во время Великой Отечественной войны, изучал обыкновенного слепыша. Жизнь этого же зверька изучали Н. М. Дукельская в Саратовской области и автор настоящего очерка на Кубани; наконец, подольского слепыша на правобережье Украины изучал В. И. Абеленцев¹. Так как большинство

¹ С. С. Туров и Л. Г. Турова-Морозова. Материалы по изучению млекопитающих Сев. Кавказа и Закавказья. «Изв. Гор. пед. ин-та», т. 5, 1923.

А. Ф. Анисимов. Биология гигантского слепца. «Учен. записки Сев.-Кавк. пед. ин-та», Орджоникидзе, 1939.

Н. М. Дукельская. Биология слепыша. Труды по защите растений, т. IV, вып. 2, Л., 1932.

В. И. Абеленцев. О биологии слепыша. Труды Ин-та зоологии, т. VI, Укр. Академия Наук, Киев, 1951.

Л. Б. Бёме. Очерк экологии слепца. «Изв. Сев.-кавк. Крайстазра», т. 6—7, Ростов на Дону, 1931.

биологических особенностей в основном сходны у всех слепышей, я буду говорить о «слепышах вообще», не подразделяя их на зоологические виды.

Наименее изученный период жизни слепышей — период размножения. Как и когда размножаются слепыши, каково количество детенышей, как выглядят новорожденные слепышата, сколько времени они проводят с матерью до перехода к самостоятельной жизни, мы в сущности почти не знаем. Н. М. Дукельская во второй половине апреля добыла четырех самок слепышей, млечные железы которых выделяли молоко. По наблюдениям С. С. Турова и Л. Г. Туровой, самки гигантского слепыша кормят детенышей во второй половине мая, так как в это время заняты «земляными работами» одни самцы. Очень маленького молодого слепыша поймал 10 мая 1937 года А. Ф. Анисимов. Это, кажется, единственный слепышенок, попавший в руки зоологов. А. Ф. Анисимов, к сожалению, дал очень краткое описание этой находки: «Молодой слепец еще совсем не мог питаться растительной пищей. На это указывало строение его зубов и наши неудачные попытки кормить его». Другой молодой слепец, значительно крупнее первого, попался Анисимову 14 мая. Это была самка. «В неволе она грызла корни и части растений, хорошо поедала овощи — редиску, картофель и прочее. Днем она обычно спала, а утром и вечером рылась в песке, поедая пищу, которую мы ей клали в клетку. Видимо, она уже оставила мать и можно сделать заключение, что слепцы бросают кормить детенышей в данной местности (т. е. в Кизлярском районе) примерно в конце мая».

Мне в станице Приморско-Ахтарской 26 июня 1929 года принесли двух молодых слепышей размерами немного менее половины взрослых. Слепышата были вырыты из земли собакой. В выводке их было четыре штуки, но двух собака разорвала. Вот и все немного, что сейчас нам достоверно известно о размножении и росте слепышей.

Достигнув самостоятельности, молодые слепыши покидают мать. В это время происходит их расселение и поиски новых участков. Этот процесс также почти не изу-

чен. Н. М. Дукельская пишет: «К сожалению, не удалось установить, каким образом происходит расселение молодежи, так как ни одного выхода слепышей на поверхность земли не было отмечено».

Некоторые материалы по расселению молодых слепышей собраны мной. В последних числах июня было отмечено значительное увеличение числа слепышей на люцерновом поле. Начиная с 24 июня, количество кучек нарытой земли с каждым днем становилось больше и больше. Видимо, в это время происходило расселение молодых, проникших на участок люцерны, корни которой привлекательны для слепышей. В период расселения молодые иногда выходят на поверхность земли. Хорошо знающие слепышей казаки станицы Ольгинской на Кубани говорили мне, что в жару (то есть в конце июня — в июле) слепыши иногда вылезают из нор и по нескольку штук, то есть выводками, ходят по дорогам. В это время их часто давят проезжающие повозки и машины.

Только в земле слепыш чувствует себя вполне в своей стихии. Основной рефлекс, обнаруживаемый им при всяких условиях, — рефлекс копания. Вот запись из моего дневника: «3 июня ребята принесли мне живого молодого слепыша самку. Этот зверек появился на свет весной текущего года; рост его — около половины величины взрослой самки. Слепыш сильно замучен и еле дышит. Я поместил его в ящик с насыпанными на дно несколькими ведрами сухого песка. Немного отдышавшись и придя в себя, он начал рыть песок, опуская, а затем поднимая голову, действуя ею как лопатой и работая при этом очень сильно развитыми шейными мышцами. Мышечная сила шеи слепышей огромна — часто норы и выброшенная при их рытье куча земли появляются на дорогах, плотно утрамбованных колесами повозок. Копать такую дорогу лопатой невероятно трудно, ею приходится действовать, как топором, врубаясь в землю. А слепыши совершенно свободно проделывают ходы в этой твердой, плотно убитой земле.

При вскапывании рыхлого грунта слепыш помогает себе и передними лапами, отбрасывая ими вырытый песок под себя. Когда под ним скопится достаточное количество земли, он горбится, выгибая спину вверх, подтягивает задние лапы к передним, упирается головой и сильным

движением тела, как пружиной, отбрасывает землю из-под себя. Мой слепец в ящике такую операцию повторял несколько раз, но из-за сыпучести сухого песка сделать хода не смог.

Прекратив копание, зверек отправился на обследование помещения. Он пробирался вдоль стенок ящика, наклонив голову к земле и обнюхивая воздух. Я дал ему несколько корней люцерны, морковь и картофелину. Прежде всего обнюхав корм, слепыш принялся за люцерну; он отгрыз боковые корешки резцами и начал быстро пережевывать их коренными зубами. При отгрызании корешков он нагибает голову и держит ее боком. Съев несколько корешков, слепыш оставил люцерну и перешел к моркови. Видимо, морковь вкуснее: ее он съедает целиком. Покончив с морковью, снова перешел к люцерне, не обращая внимания на картофель и не пробуя его.

4 июня. За ночь мой слепыш съел всю люцерну, находившуюся в ящике, всю морковь и примерно около половины картофелины. Я пересадил его в более просторный ящик, куда насыпал уже не песок, а плотной земли и глины. Обнюхав землю, слепыш тотчас же начал рыть себе ход, действуя так же, как и вчера. Так как частицы почвы сыпались на него, он все время энергично отряхивал свой мех. К сожалению, зверьку опять хода сделать не удалось. Он прекратил бесплодную трату сил и улегся спать в углу ящика в предварительно вырытой неглубокой «спальной» ямке.

Спит мой слепыш, лежа на боку и согнув спину, но не свертываясь клубочком. Спит очень крепко. Я осторожно открываю ящик, но он не просыпается, а только вздрагивает во сне. На приближение к ящику людей он совершенно не реагирует, но если тронуть его рукой, злобно хрюкает и быстро оборачивается, пытаясь укусить.

Спустя некоторое время я поймал второго слепыша и поместил его в такие же условия, как первого. Это молодой самец, размерами несколько побольше первого. Когда я пускал слепыша на пол, он медленно бежал вдоль стены и, натываясь на углы корзин и чемоданов, сердито фыркал и хрюкал. Я склонен думать, что у слепыша лучше развито осязание, а обоняние, на мой взгляд, не является

его руководящим чувством¹. Когда слепыш подбегал к ногам, он не останавливался до тех пор, пока не касался их носом, и лишь после этого начинал злиться и скалить зубы.

При движении по земле слепыш бежит мелкими шажками, наклонив голову и ощупывая кончиком носа все неровности, повидимому разыскивая место, откуда можно начать рыть.

У меня одновременно с этим слепышом жил подстреленный в крыло осоед. Я пустил слепыша к птице. Осоед подпрыгнул к зверьку и схватил его лапой. Слепыш молниеносно обернулся и куснул птицу за палец. Большие резцы скользнули по плотным чешуйкам пальца. Осоед, «skonфузившись», сейчас же разжал когти, выпустил слепыша и дальнейших попыток схватить его не предпринимал.

Итак, основа жизнедеятельности слепыша — рытье. Он роет почти все время, пока находится в бодрствующем состоянии. Если на пути хода слепыша встречаются плотные комки почвы, то он отгрызает их резцами. Очень часто при раскопке ходов слепышей в глинистой почве на стенках видны следы резцов как верхней, так и нижней челюстей. По наблюдениям Анисимова, если на пути хода слепыша встречаются толстые корни старых деревьев, он обходит их стороной, мелкие же корни перегрызает. Интересно наблюдение А. Анисимова за слепышом, прокладывавшим свой ход в лесу у самой поверхности почвы. «Весной в лесу мне удалось наблюдать за питанием слепцов. Почва здесь была настолько мягка, что по движению земли можно было следить за работой зверьков. Куч на близком расстоянии (по крайней мере метров за сто по прямой) не было. Слепец находился на глубине 10—20 см от поверхности почвы. Было заметно, как он, раздвигая поверхностный слой почвы своей мордой, продвигается вперед, оставляя позади себя приподнятый валик земли в виде следа. Иногда слепец останавливается, натыкаясь на корень, и

¹ Мое предположение о роли обоняния в жизни слепышей оспаривается В. И. Абеленцевым на том основании, что приманки, приготовленные с сильно пахнущим препаратом ДДТ, зверьки всегда закапывали, тогда как контрольные приманки без яда поедали. Не возражая В. И. Абеленцеву, я все же не считаю обоняние основным чувством, которым руководствуется в жизни слепец. Данные Абеленцева этого не опровергают.

тогда втягивает за корень под землю все растение, включая и его надземную, зеленую часть. Очевидно, он рыл при этом не своим обычным способом, а просто раздвигал очень мягкую землю лопатообразной мордой. На это обстоятельство и указывает отсутствие земляных куч поблизости...»

Питание слепышей надземными частями растений наблюдала также Н. М. Дукельская.

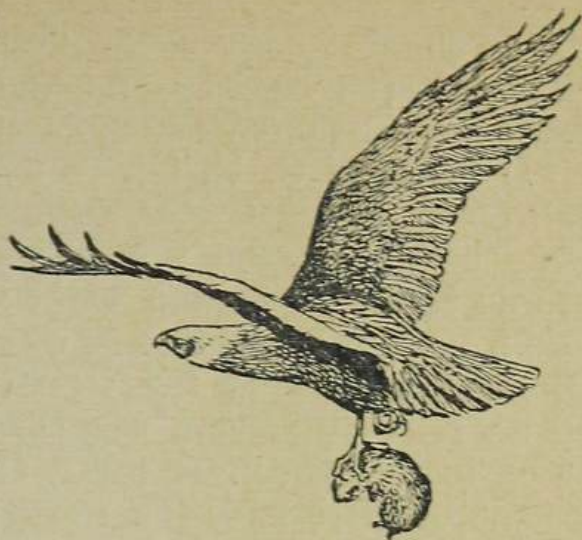
Слепыши роют в течение круглого года. Мне много раз приходилось видеть свежие кучи земли, выброшенной гигантскими слепышами, в декабре и январе во время зимних охот на фазанов в Кизлярском районе Грозненской области.

Слепыши совершенно не переносят «сквозняков», образующихся в галлереях при повреждении ходов. Если в двух-трех местах вскрыть нору и тем самым дать доступ воздуху под землю, слепыш непременно починит ход. Иногда он делает это очень скоро, иногда через несколько суток, но не починенных ходов в жилой норе, за редкими исключениями, не остается.

Мне не удалось установить никакой правильности в распределении «рабочего дня» у слепышей. Иногда они особенно энергично роют по утрам, иногда вечерами. Бывает, что они совсем не роют, и тогда разрушенный ход остается открытым в течение целых суток. Однако через известное время все разрытые ходы непременно оказываются закрытыми. Если разрыть ход в двух местах, разделенных промежутком, то вскоре при раскопках можно обнаружить, что зверьки соорудили «окружную» галлерею, соединяющую оба участка хода. Для починки хода слепыши всегда доставляют землю из глубины, а не берут ее у разрушенного места.

Интересно наблюдать поведение слепыша, обнаружившего «сквозняк» и приступающего к его ликвидации. В первый раз к отверстию разрушенного хода слепыш подходит без земли, как бы в целях рекогносцировки. Он останавливается у отверстия, иногда высывая только кончик морды, иногда голову, а иногда наполовину показываясь на поверхности земли. Он приподнимает нос вверх, секунд двадцать-тридцать обнюхивает воздух, то поднимая, то опуская голову, очень напоминая в этот момент короткомордую собаку, затем быстро пятится назад и через несколько минут появляется у отверстия снова уже

с порцией земли, которую катит плоской мордой перед собой. Новые порции земли притаскиваются через каждые 3—10—15 минут. Если выбросить первую порцию земли, доставленную слепышом, и снова обнажить ход, то приблизительно в 30 случаях из 100 зверек прекращает работу. Ходы в этом случае оказываются починенными лишь на следующее утро.

При расселении молодые слепыши, вероятно, выходят из нор, перебегают некоторое расстояние по поверхности земли и снова зарываются в почву. Такими же случайными выходами объясняются и случайные встречи слепышей на земле. Мне однажды, 3 июня 1929 года, удалось застать слепыша на люцерновом поле утром. Лаз, через который вышел слепыш, находился на вершине одной из куч земли и вел в наклонно идущий под землю ход. Когда я увидел слепыша, он крепко и безмятежно спал в негустой люцерне, согретый нежаркими лучами утреннего солнца. Спящий зверек не услышал подходящих к нему людей и очнулся лишь после того, как я прикоснулся к нему рукой. Но и тут сонное состояние у него прошло не сразу — сперва он только недовольно сопел и лишь спустя несколько минут начал хрюкать, злиться и пытаться кусаться.

О появлении слепышей на поверхности почвы свидетельствуют также неоднократно отмеченные случаи поимки их хищными птицами. Так, например, 5 июля 1929 года во время раскопки ходов слепышей в кубанских степях я заметил пролетавшего мимо камышового луня, державшего в лапах слепыша. После моего выстрела по птице лунь вместе с добычей упал в поле, засеянное овсом. Несмотря на очень тщательные поиски, слепыша около застреленной птицы я не нашел. Очевидно, еще не задушенный слепыш успел зарыться в мягкий грунт овсяного поля. Подобный же случай, когда камышовый лунь был убит со слепышом в когтях, описывает А. Ф. Анисимов. А. Н. Формозов на Тереке нашел свежий труп молодого слепыша, принесенного в гнездо орлом-могильником.

На глинистом валу среди камышей около станицы Кирпильской (на Кубани) я нашел череп слепыша, видимо съеденного каким-то хищником.

Профессор С. И. Огнев в монографии, посвященной описанию зверей СССР, отмечает, что благодаря подземному образу жизни у слепышей очень немного врагов и что их только случайно ловят хорьки, лисы, кошки и хищные птицы. В связи с этим очень интересны новые данные В. И. Абеленцева. Он указывает, что «в определенное время года степной и черный хорек специально охотятся за слепцом... Впервые такой способ охоты мы наблюдали 9 ноября 1949 года на межполосном люцерновом поле Владимирской опытной станции. Подойдя к норе слепца, мы заметили, что она разрыта, и слышали шум, шорох и возню в галлерее, а вскоре увидели с добычей хорька, который, заметив нас, поспешно скрылся в системе подземных ходов... В последующие дни... оказалось, что разрушение хорьком подземных ходов слепышей — явление обычное... Картина осеннего и зимнего питания хорька в условиях полезащитных насаждений и межполосных полей (Правобережья УССР.— Л. Б.) нам рисуется в следующем виде: питаясь весной и летом в большинстве случаев сусликами, хорек с момента ухода их в зимнюю спячку испытывает некоторый недостаток корма, так как отыскивание закрытых нор спящих сусликов на вспаханных межполосных полях становится затруднительным, и он начинает охотиться за слепышами, которые в осенний и зимний период активны и продолжают свою роющую деятельность... Весной, с появлением сусликов, хорек ослабляет свою охоту за слепцом».

Широко распространенные по всему юго-востоку СССР слепыши относятся к грызунам, приносящим вред сельскому хозяйству. В разных районах вредная деятельность слепышей проявляется по-разному. По материалам, собранным Н. М. Дукельской и мной, слепыши причиняют вред главным образом посевам многолетних трав, под которыми почва достаточно уплотнена. А. Ф. Анисимов установил, что гигантский слепыш вредит виноградникам и посевам хлопка. Особенно значительный вред причиняют слепыши, согласно наблюдениям В. И. Абеленцева, молодым сеянцам различных древесных пород: «Слепец наносит огромный вред на полях севооборота и в системе полезащитного лесонасаждения. В лесных полосах слепец

часто причиняет непоправимые опустошения молодым посадкам деревьев и кустарников, особенно если полосы закладываются на плохо распаханной почве...». Другая сторона вредной деятельности слепышей проявляется на пахотных и сенокосных участках в том, что из-за появления большого количества крупных земляных куч затрудняется уборка хлебов и сенокошение. Роющая деятельность слепышей понижает плодородие почв, так как зверьки заваливают слой чернозема нижними, менее плодородными почвенными слоями.

Многие стороны биологии слепышей еще нуждаются в детальном исследовании. Помимо того интереса, который представляет изучение этих грызунов как вредителей лесонасаждения в степи и посевов многолетних трав, они привлекают к себе внимание и как наиболее совершенные узко специализированные землерои.

Изучать жизнь зверька, все время обитающего в глубине почв, весьма трудно, но... тем и особенно интересно!

Когда я пишу это, я вспоминаю дни, проведенные в Кизлярских степях, на виноградниках, на плодородных полях Кубани. Ярко рисуется передо мной и образ моего ученика — А. Ф. Анисимова — участника поездок 1936—1937 годов.

Молодой начинающий зоолог полностью отдавал себя изучению слепышей. С горячим энтузиазмом истинного натуралиста он занимался выяснением «интимной жизни» этих крайне скрытных зверьков. Он целыми днями раскапывал ходы слепышей, искал их кладовые, измерял галлерей, высчитывал объем земляных кучек, выброшенных на поверхность. С редким терпением часами просиживал Анисимов перед разрытыми ходами, чтобы добыть зверька, явившегося заделать повреждение. В лунные ночи, сокращая время заслуженного сна и отдыха, он уходил в степь посмотреть, что слепыши делают в это время суток.

С чувством глубокого уважения я посвящаю мой очерк памяти милого юноши Алеши Анисимова, отдавшего свою жизнь в боях за свободу и независимость Родины.

ОГЛАВЛЕНИЕ

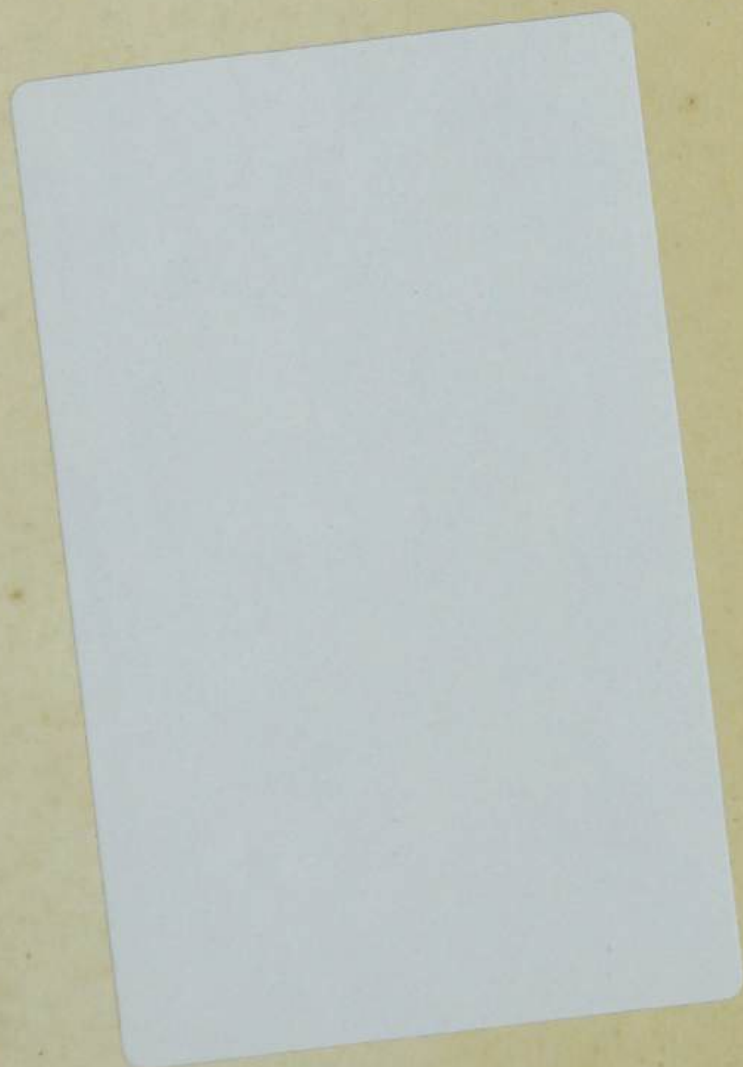
	<i>Стр.</i>
От редакции	5
От автора	8
В степях и сопках Центрального Казахстана	
Четыре времени года	9
Поездка в сопки	21
Черные жаворонки	37
Розовые скворцы	43
Горные киргизские чечетки	52
Джунгарские хомячки	59
По горам и равнинам Кавказа	
Ночь у Девдорака	65
Охота на туров на Казбекском массиве	73
„Город мертвых“ у селения Даргавс	81
В ущельях Мат-Лоома	87
Весенняя охота на вальдшнепов	92
Турачи	96
Гребенчуковые песчанки	104
Слепыши	109

ЛЕВ БОРИСОВИЧ БЁМЕ. РАССКАЗЫ НАТУРАЛИСТА.

Редактор *Я. А. Марголин.*
 Художественный редактор *В. Г. Петухов.*
 Иллюстрации и обложка художника *А. Н. Комарова.*
 Технический редактор *И. Н. Ривина.*
 Корректор *Т. С. Бухтина.*

Сдано в производство 7/II 1955 г. Подписано к печати 31/III 1955 г.
 Формат 84×108¹/₃₂. Физических листов 3,75. Печатных листов 6,15. Издатель-
 ских листов 6,08. Тираж 50 000. Цена 1 р. 85 к.
 Т02372. Заказ № 126.

Географгиз. Б. Калужская, 15.
 Министерство культуры СССР. Главное управление полиграфической про-
 мышленности. Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова. Москва,
 Ж-54, Валуевская, 28.

925
і р. 85 н.

